
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

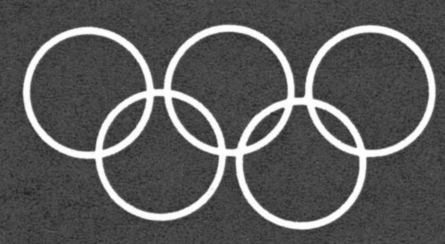
№ 38 (2359)

16 СЕНТЯБРЯ 1972

Три забега — три мировых рекорда. Финиширует Людмила Брагина, чемпионка Олимпиады в беге на 1 500 метров.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ПОБЕДА!

1 Советский штангист второго тяжелого веса Василий Алексеев — чемпион XX Олимпиады. Слева — серебряный призер Рудольф Манг (ФРГ), справа — обладатель бронзовой медали Герд Бонк (ГДР).

2 Юрий Тармак прыгнул выше всех — на 2 метра 23 сантиметра.

3 Золотую медаль в десятиборье завоевал Николай Авилов с мировым рекордом 8 454 очка.

4 Советские волейболистки под руководством своего тренера Гиви Ахвледиани добились победы.

5 Финский боксер Рейм Виртанен в нокауте. Вячеслав Лемешев возвращается в свой угол олимпийским чемпионом.

6 Экипаж яхты класса «Темпест» — В. Манкин и В. Дирдыра — завоевал олимпийское первенство.

7 Фаина Мельник — олимпийская чемпионка в метании диска.

8 Финальная встреча баскетболистов СССР и США завершилась победой советских спортсменов.

Телефото ТАСС.

17 ДНЕЙ ГОРЕЛ ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ И СИЛЬНЕЙШИЕ СПОРТСМЕНЫ 122 СТРАН ВЕЛИ БОРЬБУ ЗА 195 КОМПЛЕКТОВ ПРИЗОВЫХ МЕДАЛЕЙ. И ВОТ МЫ С ПОЛНЫМ ПРАВОМ, С БЛАГОРОДНОЙ ГОРДОСТЬЮ ЗА НАШИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ АТЛЕТОВ МОЖЕМ СКАЗАТЬ:

СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ ЗАВОЕВАЛИ НАИБОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОЛИМПИЙСКИХ НАГРАД.

50 ЗОЛОТЫХ, 27 СЕРЕБРЯНЫХ И 22 БРОНЗОВЫХ МЕДАЛИ.

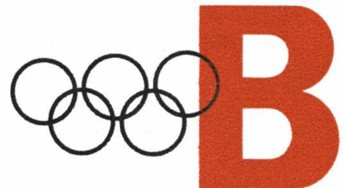
НАШИ НЕИЗМЕННЫЕ СОПЕРНИКИ ПО ВСЕМ ОЛИМПИЙСКИМ ВСТРЕЧАМ — АМЕРИКАНСКИЕ СПОРТСМЕНЫ ОТСТАЛИ ОТ НАС НА 17 ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ.

ШЕСТАЯ ОЛИМПИАДА СОВЕТСКИХ СПОРТСМЕНОВ ОКАЗАЛАСЬ ДЛЯ НИХ САМОЙ УРОЖАЙНОЙ. ПОБЕДА!

ТРЕТИЙ РЕПОРТАЖ С XX ОЛИМПИЙСКИХ ИГР.

Анатолий СОФРОНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

ПОСЛЕДНИЕ СТРО

В последних строчках предыдущего репортажа из Мюнхена я обещал рассказать о спортивных событиях на олимпийских площадках, происшедших во второй половине XX Олимпийских игр.

К сожалению, события в Мюнхене вышли за спортивные рамки. В те последние дни Олимпийских игр мы жили в предчувствии каких-то событий. Слишком много оказалось в Мюнхене такого, что мешало Олимпиаде превратиться в подлинный праздник мира, силы, красоты и дружбы. К счастью, все это происходило за пределами спортивных площадок, но все же происходило...

В Дахау группа сионистов пыталась совершить гнусную антисоветскую акцию, которая решительно была предотвращена членами Комитета бывших узников Дахау.

Конечно, в Мюнхене действовали и добрые прогрессивные силы. Они видели подлинные гуманистические цели Олимпийских игр, но не забывали и о том, что происходило здесь когда-то, рядом с Мюнхеном. В Дахау был проведен многолюдный митинг, в котором приняли участие гости Олимпиады. Польский спортсмен Юзеф Запендский сказал на митинге:

— Двадцатые Олимпийские игры проходят под знаменем красоты, молодости и жизнерадостности. У всех у нас одно-единственное желание, чтобы в будущем борьба происходила только в спорте.

Секретарь комсомольского комитета челябинского завода Вадим Соловьев горячо говорил:

— Мы знаем войну только по рассказам отцов и матерей, по книгам и кинофильмам. Но мы всегда помним, что наше будущее может быть счастливым только в условиях мира. Олимпиада является одним из звеньев в цепи многих мирных событий.

В эти же дни мы вместе с группой советских спортсменов выезжали в баварское местечко Киферсфельд для участия в интернациональной встрече, организованной Германской коммунистической партией. Местечко это расположено у подножия Альп, у самой австрийской границы. Хозяева были очень гостеприимны. На вечере выступали представители партийных организаций Советского Союза, ГДР, ЧССР, Венгерской Народной Республики, Румынии, КНДР и представитель Французской коммунистической партии.

Член президиума правления Германской компартии Герман Готье отметил большое значение Олимпийских игр в укреплении дружбы народов. Он рассказал о той борьбе, которую ведут трудящиеся ФРГ с рецидивами реваншизма и фашизма, и отметил большой вклад социалистических стран и в первую очередь Советского Союза в создание климата мира на европейском континенте.

Некоторые местные журналисты, весьма, правда, своеобразно, описывают Олимпийский Мюнхен. Рудольф Вишневский в газете «Вельт ам зонтаг» несколько идиллически воспроизвел одну из ночей, которую он провел в основном в ночных заведениях Мюнхена. Ночь его началась в баре «Желтая бабочка». Этот бар примечателен тем, что в нем есть аквариум с рыбами, у которых грустные глаза. Поскольку у этих рыб кашель, то медикаменты они получают прямо в воду. Журналист также сообщал весьма ценные сведения о том, что каждый мюнхенец выпивает 230 литров пива в год, а в олимпийские дни некий любитель поставил своеобразный рекорд, выпив за одну ночь 26 литров пива. Во дворце пива журналист обратил внимание на спортсменов из расистской Южной Родезии, как известно, решением Международного Олимпийского Комитета не допущенных к участию в Играх. Они меланхолично сдували пивную пену в кружках.

Одна молодая женщина, по профессии медицинская сестра, пожаловалась в баре журналисту на то, что Олимпийские игры не принесли ей желаемых развлечений, несмотря на то, что она взяла двухнедельный отпуск для того, чтобы несколько отвлечься от своей основной профессии. Так же жаловался журналисту и шофер такси, говоря о том, что в эти дни почти не заказывают машин в районы злачных ночных заведений. «Непорочность царствует и в пешеходной зоне»,— иронизирует журналист. Там ходят в голубых, синих, зеленых и оранжевых костюмах стюардессы, работающие в различных олимпийских точках, демонстрируя саму добродетель и завязывая вполне приличные знакомства с гостями, прибывшими в Мюнхен. В церкви верующие поют «Святая Мария, помоги нам», а за церковью испанские кабальеро хриплыми голосами под гитару поют свои зажигательные песни. Даже на Людвигштрассе, на Швабинге, немецком варианте парижского Монмартра, где, по словам журналиста, сидят на тротуарах или бродят небритые, нечесаные пьяные и наркоманы, не то, что было раньше, все сравнительно благопристойно и тихо. Даже в работах уличных художников нет былого авангардизма, а уже просматривается чистый академизм.

— Почему вы пишете сейчас подряд альпийские мотивы? — спросил журналист у одного из уличных художников.

— Потому что это дерьмо сейчас продается лучше всего.

Когда журналист после ночного путешествия по Мюнхену снова вернулся в бар «Желтая бабочка», наступило уже утро и официант, студент теологии в Ватикане, приехавший в Мюнхен на заработки, готовил столики для утреннего завтрака, а его коллега кормил все тех же рыб с грустными глазами.

Журналист поднялся к себе в номер и выглянул в окно. За окном все было чисто. По свежей утренней траве бежал молодой человек в тренировочном костюме. Раннее утро разгримировывало красавицу ночь...

Как видите, здесь воспроизведена почти идиллическая картина ночного Мюнхена. К сожалению, эта картина запечатлена только в воображении журналиста газеты «Вельт ам зонтаг».

Олимпийские игры привлекли внимание самых различных сил. Среди них оказались, конечно же, и представители новой религиозной организации последователей Христа, которые, взирая на беговые дорожки, выбросили лозунг «Бог быстрее» и благоговейно распространяют среди участников Олимпиады притчу о блудном сыне, причем норовят ее вручить и советским туристам, поскольку сия притча предусмотрительно напечатана на русском языке. Кстати, на русском и украинском языках распространяется немало антисоветских листовок, в которых возводятся гнусные, клеветнические измышления на нашу Родину.

Антисоветчики, сдерживавшие себя в первые дни Олимпийских игр, к концу их распоясались и перешли к активным действиям.

В эти же дни произошло еще одно событие, в результате которого газеты вышли с аншлагом: «Кровавый уикенд в Мюнхене!», «Красные террористы», «58 полицейских получили ранения».

Что же происходило в Мюнхене?

В пятницу, 1 сентября, состоялась демонстрация против американской агрессии во Вьетнаме. Она мирно закончилась, а на другой день в той же самой идиллической, по выражению журналиста из «Вельт ам зонтаг», «пешеходной зоне» двести демонстрантов из экстремистской группы молодежи с помощью прибывших подкреплений из Западного Берлина, Ганновера и Гейдельберга с плакатами, в которых с явно провокационной целью были использованы прокоммунистические лозунги, начали избивать детей и женщин. Демонстранты были вооружены большими палками и резиновыми дубинками со свинцом. В ночь с субботы на воскресенье, по версии шпрингеровских изданий, полиция задержала автобус, вышедший из Западного Берлина, в котором был «обнаружен» план действий этих демонстрантов. Несмотря на то, что у полицейских под мундирами были панцири, во время побоища около шестидесяти из них получили различные ранения.

Один из полицейских, давая интервью для газеты, назвал весь этот шабаш «антиолимпийской демонстрацией», тем самым по простоте душевной раскрыв подлинный смысл этой «демонстрации», организованной так называемыми «левыми силами», на пиджаках которых красовались маоистские значки.

Экстремистские провокационные выступления были организованы теми, кому поперек горла стали успехи Олимпиады, подлинная дружба спортсменов пяти континентов, успехи спортсменов Советского Союза и других социалистических стран.

Министр внутренних дел Баварии Мерг и полицай-президент Мюнхена Шрайбер заявили, что они готовы встретить любые беспорядки и задушить в зародыше попытки нарушения общественного порядка во время Олимпийских игр.

Это заявление было сделано в понедельник, а уже во вторник произошли события, которые по своей трагичности превзошли все предыдущие.

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

В эти дни на экранах лучших кинотеатров Мюнхена появился голливудский фильм «Крестный отец», поставленный по нашумевшей в Соединенных Штатах Америки книге американского писателя итальянского происхождения Марио Пуцо. Сам Марио Пуцо в предисловии к этой книге писал о том, что, поскольку он устал быть только художником, который чувствует себя вечным должником перед всеми, то он решил написать книгу о мафии. Книга достигла в США огромных тиражей — 14 миллионов, была экранизирована и имела уже немало подражаний. Да и сам Марио Пуцо, напав на золотую жилу, решил продолжить свой «художнический отход» и в настоящее время подготовил книгу «Крестная мать».

Месяца два назад проездом из Чили в Нью-Йорке я видел этот трехчасовой, жестокий и кровавый, глубоко драматический фильм с прекрасными актерами, в котором изрядно романтизируется мафия. Я видел подлинный успех этого фильма у зрителей. Обстоятельства сложились так, что, улетая из Нью-Йорка буквально после просмотра фильма, я

унес с собой тягостные представления об обществе, где преступники и убийцы действуют в полной согласованности с деловым миром Соединенных Штатов Америки. Теперь этот фильм был выпущен на экраны Мюнхена. Одна из газет ФРГ с грустью писала о влиянии мафизма на культурную жизнь страны: «Мафия владеет не только нижними слоями населения, но и вошла в область культуры в ФРГ. Книги мафии, пластинки мафии, фильмы мафии становятся неким признаком интеллектуальности...» Роман «Крестный отец» выпущен в ФРГ большим тиражом, и готовится новое издание этой книги. И вот мы, несколько журналистов, находящихся на Олимпийских играх, воспользовавшись утренними часами, когда проводятся предварительные соревнования, отправились в город, чтобы посмотреть этот фильм. Вторичный просмотр не развеял первого впечатления, состояния психологической подавленности.

А когда мы вернулись в пресс-центр, то узнали о событиях, которые мгновенно внесли трагическую ноту в ход Олимпиады. Нам сообщили о том, что в Олимпийской деревне палестинские террористы убили двух израильских спортсменов, заняли отсек дома, где располагалась израильская спортивная делегация, захватили девять других спортсменов Израиля в качестве заложников и предъявили ультиматум, в котором требовали освобождения правительством Голды Меир двухсот палестинских арабов, находящихся в заключении в тюрьмах Израиля. Если же этот ультиматум власти не примут, то все заложники будут уничтожены, дом, в котором они находятся, взорван со всеми находящимися в нем людьми и самими палестинцами. Ультиматум этот был выброшен на асфальт из окна террористом в маске.

Событие было настолько серьезным и беспрецедентным в истории Олимпийских игр, что всколыхнуло всех. Олимпийскую деревню оцепили войска. Туда были введены броневики. Постепенно выяснялись обстоятельства события. В четвертом часу утра группа палестинцев проникла через забор на территорию Олимпийской деревни. Их провел работавший в олимпийской столовой официант-палестинец, по профессии инженер, хорошо владеющий немецким языком. Они ворвались через окна в отсек, где жили члены израильской спортивной делегации, и при попытке сопротивления убили одного и тяжело ранили другого, вскоре скончавшегося израильского спортсмена. Остальные были под угрозой оружия связаны.

Днем в Олимпийской деревне появились министр внутренних дел ФРГ Геншер и полицай-президент Мюнхена Шрайбер. Они вступили в переговоры с палестинцами, предложив им крупную сумму в качестве выкупа заложников, гарантировали безнаказанную эвакуацию из ФРГ. Все тот же палестинец, выходивший в маске на балкон для переговоров, отверг эти предложения, сказав:

— Мы солдаты и действуем по этому принципу.

Тогда руководители службы внутренних дел предложили себя в качестве заложников, на что получили ответ:

— От вас нам нет никакой пользы. Нам нужно, чтобы израильское правительство освободило двести заключенных палестинцев.

Переговоры продолжались целый день. Ранее выдвинутое время в ультиматуме — 7 часов вечера — было перенесено на 9 часов.

Голда Меир ответила отказом на ультиматум.

Над Олимпийской деревней кружились полицейские вертолеты. К девяти часам вечера руководители баварской полиции сообщили, что достигнута договоренность с террористами. Группа палестинцев должна быть вместе с заложниками отправлена из Олимпийской деревни на военный аэродром Фюрстенфельдбрук, где будет находиться самолет «боинг» компании «Люфтганза», чтобы отправиться по маршруту, указанному палестинцами из группы «Черный сентябрь».

Вертолеты опустились возле деревни. Палестинцы потребовали, чтобы их доставили к вертолетам автобусом. И это требование было выполнено. Окружив с автоматами в руках связанных израильтян, палестинцы погрузились в автобус и отправились к стоящим неподалеку вертолетам.

В 22 часа 04 минуты вертолеты поднялись в воздух и взяли курс на военный аэродром. В третьем вертолете летели представители баварских властей и пристроившийся к ним, рассчитывая на успех в будущей избирательной кампании, господин Штраус.

А в это время в военный аэропорт стянули все возможные силы полиции и расположили их так, чтобы они не были замечены. Поле аэродрома освещалось мощными прожекторами. Полицейские, таким образом, укрывались в тени. Снайперам был дан приказ стрелять по палестинцам при их появлении.

В 22 часа 30 минут вертолеты, пилотируемые немецкими летчиками, приземлились в аэропорту. Трое палестинцев с автоматами в руках вместе с летчиками вышли из вертолетов и направились к ярко освещенному «боингу». Осмотрев его, они собирались вернуться к вертолетам, чтобы вывести заложников и остальных палестинцев. В это время раздались первые выстрелы полицейских.

Министр внутренних дел Баварии Мерг свидетельствует: «Хотя аэродром был освещен, но вертолеты отбрасывали большую тень. Выстрелы были неточны, и палестинцы открыли стрельбу из автоматов и начали расстреливать израильтян. Они стреляли по вертолетам, а в это время находящийся в вертолете смертельно раненный палестинец тяжелой гранатой взорвал вертолет и погиб вместе с израильтянами. К вертолетам направляются пожарные машины и машины «Скорой помощи». А раненые палестинцы продолжают стрелять».

Снова говорит Мерг: «Мы не могли и не хотели рисковать другими людьми, поэтому остановили пожарные и медицинские машины».

Ярко горит вертолет. Взлетают ракеты. К вертолетам осторожно идут полицейские и находят там мертвых израильтян и четырех палестинцев. Трое палестинцев, находящихся на аэродроме, ранены. Убит один немецкий полицейский и тяжело ранен один летчик.

На военном аэродроме Фюрстенфельдбрук наступает мертвая тишина...

Так закончились кровавые сутки в Мюнхене.

Утром газеты вышли с шапками: «Кровавый конец», «Шестнадцать убитых», «Мюнхен плачет», «Черная ночь Мюнхена». Газеты одновременно опровергли сообщение мюнхенского телевидения, которое накануне поздно вечером поведало о том, что все палестинские террористы уничтожены снайперами, а израильские спортсмены живы и находятся в безопасности.

В 10 часов утра на олимпийском стадионе происходил траурный митинг. Выступали председатель организационного Комитета Олимпийских игр Вилли Дауме и ушедший уже на полный покой президент МОК Э. Брэндедж. Мы смотрели по телевидению этот митинг и видели скорбные лица канцлера Брандта и президента ФРГ Хайнемана.

Мы также слышали выступление посла Израиля в ФРГ, ратовавшего за мирное решение всех вопросов, и вспоминали при этом зверскую агрессию Израиля, совершенную в 1967 году. Надо ли говорить о том, насколько не вязались его слова с варварской практикой Израиля, истязающего арабов и палестинцев на их собственных, искони принадлежащих им землях. Мы против террора, против захватов самолетов и других безрассудных террористических акций, против «левого экстремизма», наносящего огромный вред справедливой борьбе народов за свои права, сражающихся самоотверженно против империализма и всяких «старых» и «новых» колонизаторов, пытающихся задержать необратимый ход истории. Конечно, еще многое неясно в кровавой трагедии, разыгравшейся в Мюнхене в общем-то из-за нерасторопности и непоследовательных действий баварской полиции, опекаемой господином Штраусом. В эти дни еще трудно назвать истинных вдохновителей этой экстремистской безрассудной акции, приведшей к гибели израильских спортсменов и палестинских террористов. Но кто бы их ни направлял, можно сказать, что направляли их по злому умыслу, ибо ни к чему, кроме неудачи, это не могло привести. Нет, не такими террористическими действиями побеждали народы эксплуататоров и поработителей, а мощным фронтом борьбы передовых идей нашего века против темного и злого мира.

КИ ИЗ МЮНХЕНА

ВЕРШИНЫ СИЛЫ И МАСТЕРСТВА

Но вернемся к спорту.

Олимпийские игры, пройдя критическую точку, после небольшого перерыва были продолжены. Конечно, сейчас еще трудно подводить все итоги Играм. Каждый из нас, совершенно естественно, переживает успехи и неудачи своих спортсменов. Мы, конечно же, в первую очередь думаем о тех, кто представляет наш советский спорт. Когда кончатся Олимпийские игры, мы сумеем спокойно, взвешивая все наши победы и поражения, подвести окончательные итоги. Все это еще впереди. Конечно, и сейчас уже заметны для нас неудачи в отдельных видах спорта, в частности в плавании, где мы хотя и достигли кое-чего, но еще во многом отстаем от высоких олимпийских результатов. Мы крупно продвинулись вперед в легкой атлетике, но еще много надо сделать, терпеливо выращивая новые спортивные таланты.

Все, кто так или иначе причастен к спорту, свидетельствуют, что ни одни из предыдущих Олимпийских игр не проходили в такой ожесточенной, бескомпромиссной борьбе. Этому также есть свои, радующие нас, советских людей, объяснения. Мощно выступала команда ГДР. Успехи наших немецких друзей являются результатом правильного духовного и физического воспитания молодежи. Отлично по отдельным видам спорта выступали атлеты Болгарии, Венгрии, Кубы, Польши, Румынии. Радостны успехи африканских и латиноамериканских спортсменов.

Когда-то на Олимпийских играх в Хельсинки мы были свидетелями того, как, высоко подняв над головой олимпийский факел, пронес его по стадиону легендарный финский бегун Пааво Нурми. Сейчас финские бегуны словно снова подхватили этот огонь и показали здесь, в Мюнхене, прекрасные результаты в беге на длинные дистанции.

А разве не радость доставили нам бегуны из Кении и Уганды? Бег их был свободным и раскованным.

Я впервые видел индийского боксера, добившегося заслуженной победы над англичанином. Он терпеливо вел первый раунд, уходя в глухую защиту, а затем привел англичанина почти в состояние невменяемости. А боксеры Кубы, которыми руководит советский тренер Андрей Червоненко? Когда его спрашивали, как он достиг со своими воспитанниками таких больших успехов, он скромно отвечал:

— Очень хорошая молодежь на Кубе.

Но такая молодежь появляется сейчас всюду, где люди свободны от скверны капитализма и власти денег. Конечно, по-всякому бывает. Так, газеты иронически сообщили о боксере из Аргентины Кабреро, который отправил в нокаут не своего соперника на ринге, а соседа по комнате, весящего на 20 килограммов меньше, чем Кабреро, избив его до полусмерти. Он, конечно же, был моментально отправлен по месту жительства в Буэнос-Айрес. Но это — печальное исключение. А вообще же бои на ринге шли очень суровые и жестокие. И мы с грустью можем свидетельствовать о весьма скромных успехах некоторых наших боксеров, на которых смотреть было просто печально из-за их неумения вести наступательный, агрессивный бой, тот самый бой, который показали на олимпийском ринге многие боксеры, в частности боксеры Латинской Америки и Африки. Бокс — это спорт храбрых.

К счастью, это, в общем, не очень радостное впечатление о наших боксерах было исправлено в финальных встречах на олимпийском ринге Борисом Кузнецовым и особенно Вячеславом Лемешевым. Этот молодой, талантливый боксер является достойным продолжателем лучших достижений советского бокса, в котором всегда сочетались и высокая техника и боевые качества. Все его три победы и финальный бой, где он встретился с финским боксером, привели в восторг самых взыскательных любителей бокса.

И тут мы снова вспоминаем героя XX Олимпийских игр Валерия Борзова, который, прекрасно выиграв 100-метровую дистанцию, вышел на старт 200-метрового бега. Вышел и победил, заставив всех снова безудержно приветствовать его, советского бегуна, победившего американских бегунов на двух их коронных олимпийских дистанциях. Перед бегом он честно сказал руководителям советской делегации: «Я не уверен, что сумею победить, но если это надо для советского спорта, я готов прийти хотя бы шестым». И пришел первым.

А Виктор Санеев, герой мексиканских Олимпийских игр, снова завоевавший золотую медаль?

А молодая спортсменка Ниёле Сабайте, занявшая второе место в беге на 800 метров? Это второе место для нас было едва ли не лучше первого.

А наши ватерполисты, впервые на Олимпийских играх завоевавшие золотую медаль?

А наша женская команда волейболисток, победившая в труднейшей борьбе отличных японских спортсменок?

А дружный тандем — Владимир Семенец и Игорь Целовальников?

А Надежда Чижова, в напряженном соревновании с Маргиттой Гуммель снова подтвердившая свои преимущества?

А Анатолий Бондарчук, первым взмахом молота взявший первое место с отличным результатом?

А Николай Авилов, победивший в десятиборье, да еще с новым мировым рекордом?

Особенно напряженными были последние дни финалов. Надо было видеть, как прошла свою полуторакилометровую дистанцию Людмила Брагина. Бег ее был захватывающе красив. Она трижды за одну неделю побила мировой рекорд на этой дистанции.

Мы были на канале Фельдмохинг, где происходили финалы по гребле. Возле этой спокойной воды как будто бы и чувствовать мы должны были себя спокойно, но как же можно было сохранять спокойствие, если на твоих глазах из семи соревнований по гребле шесть раз выигрывали советские гребцы?! Это был подлинный триумф нашего гребного спорта.

А Фаина Мельник! А Юрий Тармак! А драматическая концовка финальной встречи наших баскетболистов со спортсменами США! Три секунды! Нужно было обладать сверхматематическим расчетом и точностью, чтобы принять мяч, как это сделал Александр Белов, и «засадить» этот мяч, решающий мяч в сетку противника! Это первая победа наших баскетболистов над командой Соединенных Штатов Америки на Олимпийских играх.

Как же хочется написать обо всех, и как это практически невозможно, ибо нельзя одновременно оказаться на различных спортивных площадках. И все же не могу не сказать еще о Василии Алексееве, внешне как будто бы и сумрачном и угрюмом. Я запомнил его лицо, когда, вернувшись с соревнований, увидел его снова, уже на экране телевизора, во время подъема советского флага. Лицо Василия Алексеева, русского богатыря, как бы светилось изнутри — такими добрыми и лучистыми были у него глаза. Словно желая перечеркнуть неудачу его собратьев в более легких весовых категориях, он набрал в сумме 640 килограммов. На 30 килограммов отстал от него очень способный спортсмен из ФРГ Манг. Третьим оказался штангист с большим будущим из ГДР — Г. Бонк. Какими напряженными были два часа десять минут, пока шли соревнования тяжелоатлетов! Мы словно побывали на вершине силы и мастерства. К этим вершинам должны направлять свои взоры все советские спортсмены...

XX Олимпийские игры закончились. Они принесли прекрасную победу нашей советской команде. День за днем наращивали успех советские спортсмены. День за днем отрывались они от команды Соединенных Штатов Америки по количеству золотых медалей.

Пятьдесят золотых медалей — это результат подлинной борьбы, настоящего мужества, собранности наших спортсменов, представлявших на XX Олимпийских играх многие народы Советского Союза. И в этом наша сила.

У нас много впереди задач по дальнейшему подъему мастерства советских спортсменов, но этот рубеж — рубеж XX Олимпийских игр, эта высота, которой достигли за всю историю Олимпийских игр советские спортсмены,— никогда не забудется.

XX Олимпийские игры по различным отягчающим обстоятельствам были самыми трудными, но советские спортсмены вышли из них с честью!

С высокой честью Советского Союза!

Мюнхен, по телефону.

Победный финиш советской двойки каноистов — Владаса Чесюнаса и Юрия Лобанова.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Обладатель двух золотых медалей эфиопский марафонец Абебе Бикила, попавший в автомобильную катастрофу, приехал в Мюнхен в качестве почетного гостя.

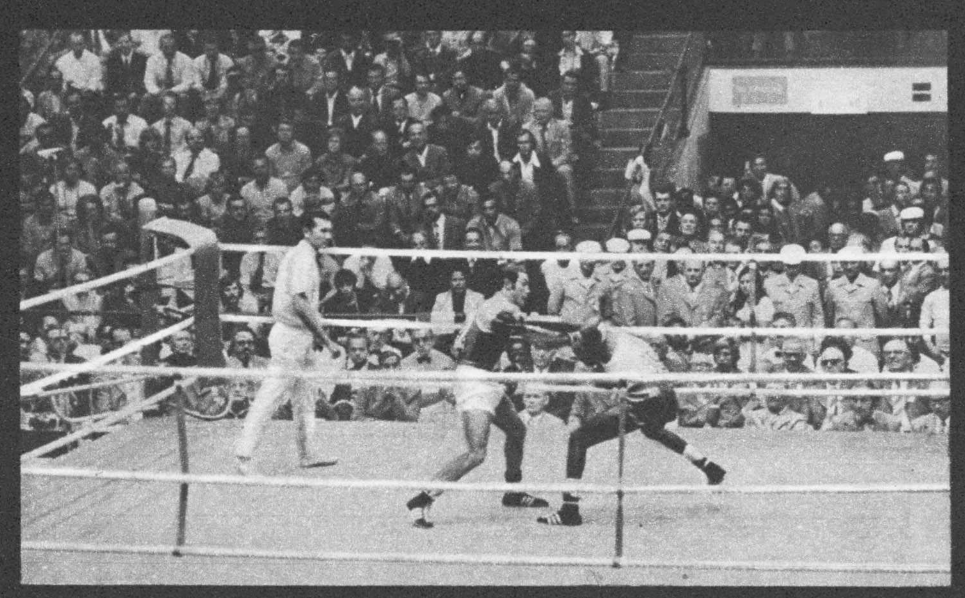
Олимпийская чемпионка Елена Петушкова.

На дистанции 800 метров серебряную медаль принесла нашей команде Ниёле Сабайте.

Интервью в студии мюнхенского телевидения. Выступают десятиборцы Николай Авилов и Леонид Литвиненко.

Борис Кузнецов побеждает

Василий Алексеев среди советских волейболисток.

В Олимпийской деревне чествуют победителей. Выступает председатель Комитета по физической культуре и спорту С. П. Павлов

ВЕЛИКОМУ СЫНУ РОССИИ

Открытие памятника Льву Николаевичу Толстому

Фото Г. Макарова.

Сквер на Большой Пироговской. Волнующая атмосфера торжества...

На трибуне — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, министр культуры СССР Е. А. Фурцева, деятели литературы и искусства, представители общественности.

Заместитель председателя исполкома Моссовета А. К. Мельниченко открывает митинг. О величии творчества писателя Л. Н. Толстого говорили первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков, рабочий завода «Каучук» Герой Социалистического Труда А. В. Пономарев и А. С. Аношина, студентка педагогического института имени В. И. Ленина.

Тысячи москвичей и гостей столицы пришли в день открытия памятника поклониться Л. Н. Толстому. Приехали из Тулы, из Ясной Поляны...

Вокруг памятника вековые московские тополя. Может быть, они росли тут еще в те годы, когда в Хамовниках жил Лев Николаевич Толстой? Близ памятника совсем недавно высадили вязы, липы, кусты сирени, почти такие же, как в Ясной Поляне.

Монумент выполнен из гранита. Авторы памятника — скульптор А. М. Портянко, архитекторы В. В. Богданов и В. П. Соколов.

* * *

Рассказ о родине Л. Н. Толстого, Ясной Поляне, читайте на стр. 30—32.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Необычно многолюдно было 8 сентября в Центральном Доме журналиста. В этот день работники советской печати, радио и телевидения, корреспонденты из социалистических стран, аккредитованные в Москве, встречались с мужественной американской коммунисткой Анджелой Дэвис.

Зал полон ожидания. И вот молодая, жизнерадостная женщина, имя которой сегодня стало символом торжества справедливости над беззаконием, мужества над произволом, приветствует собравшихся. Громкие аплодисменты присутствующих встречают Анджелу Дэвис.

Позади поездка А. Дэвис по Советскому Союзу, посещение Москвы, Ленинграда, Ульяновска, Узбекистана. Повсюду, где она побывала, ей был оказан горячий, восторженный прием. Советские люди воздавали должное стойкости и несгибаемому боевому духу Анджелы и в ее лице всем американским коммунистам, ведущим неустанную борьбу против агрессии Соединенных Штатов в Индокитае, против разгула расизма, против социальной несправедливости.

Признанием заслуг А. Дэвис в области науки явилось присвоение ей звания почетного профессора МГУ. Это решение было единогласно одобрено ученым советом университета.

Член ЦК Компартии США Анджела Дэвис и сопровождающие ее член ЦК КП США Кендру Александер и член Нацсовета КП США Франклин Александер были приняты кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС П. Н. Демичевым.

Пресс-конференция с самого начала приняла характер дружеской беседы. Анджела в кратком выступлении выразила глубокую благодарность советскому народу за поддержку, которую она постоянно ощущала, находясь в тюремном заключении. Она сказала: «Кампания солидарности в Советском Союзе и в социалистических странах была залогом моего освобождения. Когда присяжные произнесли «Не виновна», это было отражением воли всех честных людей во всем мире, которые требовали, чтобы меня освободили».

Анджела Дэвис поделилась своими впечатлениями о поездке по Стране Советов, «самой могучей цитадели социализма», рассказала о той тяжелой и сложной обстановке, в которой приходится бороться американским коммунистам. Она подчеркнула, что коммунисты США, несмотря на репрессии властей, усиливают кампанию за освобождение всех политзаключенных, томящихся в американских тюрьмах.

Журналисты задают много вопросов. Отвечая на один из них, Анджела говорила о неизгладимом впечатлении, которое произвело на нее и ее товарищей знакомство с первой страной социализма. «Все, что мы увидели,— сказала она,— вдохновляет нас в нашей борьбе. Наша преданность марксизму-ленинизму, коммунизму, наша идейная убежденность возросли во много раз».

По просьбе корреспондента «Огонька» Анджела Дэвис передала несколько слов читателям журнала:

«Для меня было приятно узнать, что журнал «Огонек» принимал активное участие в кампании за мое освобождение. Я хочу выразить искреннюю благодарность редакции «Огонька» и всем его читателям за поддержку и солидарность со мной».

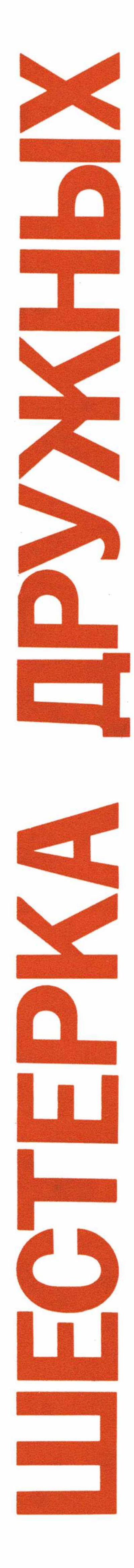
10 сентября, после двухнедельного пребывания в Советском Союзе, член ЦК Компартии США Анджела Дэвис, а также ее спутники член ЦК КП США Кендру Александер и член Национального совета КП США Франклин Александер отбыли в ГДР.

Ю. СВЕРДЛОВ

На снимке: выступление Анджелы Дэвис на пресс-конференции в Центральном Доме журналиста.

Фото А. Гостева.

17 сентября — День работника леса

Примерно в сотне километров от Вельска, районного центра Архангельской области, раскинулись владения Шоношского леспромхоза. Здесь же и поселок, где живут его работники. Поселок большой. Только ни одного каменного дома — все из дерева. И школа деревянная и Дом культуры. Это придает поселку своеобразное очарование. Зимой, в морозы, тянется к небу уютный дымок из печных труб, летом строения источают терпкий, смолистый запах. Сразу-то и не поймешь, то ли дома так пахнут, то ли доносится свежий аромат из близлежащего леса...

— От зеленого друга никуда мне не деться — ни на работе, ни дома,— улыбается Николай Дмитриевич Куров, коммунист, местный житель, знатный лесоруб, депутат Верховного Совета СССР, кавалер ордена Ленина.

В нынешнем году, как раз в День работника леса, Николай Дмитриевич отмечает юбилей — двадцатилетие трудовой деятельности. И вот уже немало лет вальщик Куров возглавляет малую комплексную бригаду, одну из лучших в Шоношском леспромхозе. Народу в этом коллективе немного — всего шесть человек. А дела бригада делает большие. В прошлом году она дала стране 21 091 кубометр древесины, сэкономила 3 тысячи килограммов дизельного топлива и 770 метров троса. В нынешнем году коллектив замахнулся на большее: соревнуясь с другой передовой бригадой леспромхоза, возглавляемой Д. М. Пономаревым, Куров и его соратники обязались довести годовую выработку до двадцати двух тысяч кубометров леса.

Как же добивается таких успехов шестерка дружных? Все работники здесь как на подбор, настоящие специалисты своего дела. Правая рука бригадира, помощник вальщика Петр Николаевич Мазяр, бывший моряк, работает в коллективе со дня его создания. Столько же лет трудится тут и тракторист Владимир Александрович Шишелов, награжденный двумя орденами Трудового Красного Знамени. Остальные трое — младший брат Петра, Алексей, Кузьма Орлов и Николай Делечук — быстро освоили профессии обрубщика сучьев, чокеровщика, обрывщика снега. Старшие товарищи охотно помогают им. Так уж в бригаде заведено: один — за всех и все — за одного. Если понадобится, рабочие могут заменять друг друга. И никому в бригаде не присуща леность мысли, успокоенность. Коллектив в неустанном поиске — ищет резервы, охотно внедряет передовые методы труда. Это здесь, в бригаде Курова, применили ценное усовершенствование — тросовую петлю: именно благодаря ей можно зимою уменьшить число работающих на два, а то и на три человека. Это в бригаде Курова время производительной работы трактора составляет самый высокий процент по леспромхозу. За счет чего? За счет подготовки машины к следующему дню еще во время предыдущей смены. Любой тракторист может в конце дня выкроить несколько минут, чтоб заправить машину топливом и смазкой. Да только не все это делают. А в этом коллективе ни одна минута зря не пропадает. Немалую прибавку к выработке дает и использование трактора в обеденный перерыв. Что ж, бригада вообще не обедает? Нет, отчего же. Конечно, обедает, только, так сказать, по скользящему графику, не все сразу, а по очереди.

Вот они, совсем не секретные секреты спаянного коллектива. Собранные воедино, они позволяют бригаде добиваться великолепных результатов. Да плюс ко всему — большие организаторские способности самого бригадира, человека, отдающего лесу все свои знания и опыт.

Б. КУЗЬМИН,
Н. ВЛАСОВА

Мастер заготовки леса Николай Дмитриевич Куров. Фото Б. КУЗЬМИНА.

САРЬЯН

Лия ОСИПОВА

Варпет — так называли его все. Художники-ученики, шофер такси, секретарь ЦК КП Армении, рабочие, прокладывающие подземный кабель на тихой улочке, где стоит его дом. В точном переводе «варпет» значит «мастер», «маэстро». Может быть, так и следует переводить во всех прочих случаях. Но применительно к нему слово это значило гораздо больше...

* * *

Среди полотен, которыми были завешаны стены мастерской художника, затерялись два совсем маленьких по размеру, в тоненьких темных рамках. Может быть, они потемнели от времени, а может быть, так и были задуманы в коричнево-серых, глухих тонах, но только подойдя совсем близко, можно разглядеть лицо старушки и грустный степной пейзаж.

«Это мои ученические работы,— говорил Мартирос Сергеевич.— Первые годы в Московском училище живописи. Знаете это здание на Мясницкой... А ведь было это в прошлом веке, да, в самые последние годы прошлого века...» И он оглядывался и смотрел так, как будто ждал, что ему не поверят и начнут возражать.

Сарьян не знал приверженности к вещам, наверное, именно поэтому ни в мастерской, ни в других комнатах дома нельзя было встретить никаких реликвий, никаких предметов и произведений искусства, которыми художники обычно любят обставлять свой быт. Он работал так много, что всех стен дома не хватало под всё новые и новые полотна. Но вот эти два продолжали оставаться на одном и том же месте при любых переменах. Они были очень дороги. Потому ли, что напоминали юность, потому ли, что заключали в себе время. Да, вглядываясь в них, можно было ощутить самую атмосферу московской жизни на рубеже двух веков. Время «сумерек» — книжки Чехова в желтых переплетах марксовского издания, первые спектакли Художественного театра, страстная полемика «Мира искусства» с передвижниками, картины Врубеля, концерты Ермоловой, нечаянная радость «попасть на Шаляпина», споры перед полотнами Валентина Серова...

Мартирос Сергеевич любил рассказывать о жизни в училище. Запомнились слова «всероссийские напевы». Я встретила их потом в воспоминаниях Петрова-Водкина, товарища Сарьяна по училищу. Со всех концов России собралась здесь талантливая молодежь — с Украины, Волги, Урала, из северных губерний. В курилке или в классах после занятий, обыкновенно для того, чтобы остановить зарвавшихся спорщиков, кто-нибудь запевал, другие подхватывали. Нутряные «всероссийские напевы» всю душу выворачивали. А попадали в особняк Сергея Ивановича Щукина на Знаменке и немотствовали перед обожженными не нашим солнцем полотнами Поля Гогена, перед расплавленной страстью Ван Гога. Жизнь врывалась лавиной впечатлений, требований... Прошло несколько лет, а цветовые поиски импрессионистов объявлялись устаревшими, уже заявили о себе Пикассо и Матисс... На «дрожжах века» поднялось искусство однокашников Сарьяна — Павла Кузнецова, Петрова-Водкина, Якулова, Судейкина, Ларионова, Гончаровой... «Что в нас есть хорошего, кроме силы и стремления воспринимать средства из внешнего мира и заставлять их служить нашим высшим целям» — эту фразу художник повторял всегда с пафосом. Он понимал и любил время своей юности и, обретя свой язык, утвердив свой живописный мир, находил слова признания и восторга для учителя своего — Валентина Александровича Серова.

«После окончания училища я встречал Серова на выставках «Золотого руна» и «Голубой розы», где начал выставляться. То, что я изображал, было как бы сочетанием реального и фантазии: реального, поскольку я делал все под впечатлением жизни, фантазии — потому что я синтезировал, менял, усиливал цветовую гамму, чтобы ярче выразить свой восторг от солнца, природы, окружающего мира. Критика обрушивалась со словами негодования, посетители выставок требовали иногда у ни в чем не повинного кассира вернуть назад деньги за билеты... Валентин Александрович приходил до открытия выставки, один, и внимательно все смотрел. Каждый раз он подходил и просил никому не продавать некоторые работы до просмотра их другими членами комиссии по приобретению в Третьяковскую галерею. Так продолжалось несколько лет. По-видимому, он не мог уговорить остальных членов комиссии, но упорно продолжал это делать. А ведь наши живописные принципы расходились... Серов относился к тем замечательным русским людям, которых называли искателями истины, он был стойкий, мужественный человек и вместе с тем художник тонкий, многогранный и живо реагирующий на все то новое, что происходило в живописи».

Великое благо жизни Сарьяна заключалось в том, что он мог опираться на свои воспоминания, мог черпать в них силу. Первоосновы жизни человеческой — учитель, семья, Родина — стали первоосновой, великой оплодотворяющей силой его творчества.

Образ Родины. Он знал все ее тропинки, все горы, все храмы. Он мог с закрытыми глазами нарисовать дорогу на Хндзореск или Горис, во время разговора с собеседником мог взять у него блокнот и начертить силуэты стен и башен знаменитых развалин в Ани или Звартноца. Он на всю жизнь запомнил вкус свежеиспеченного лаваша и студеной родниковой воды, которой испробовал на мельнице после многодневных блужданий по ущельям Ахуряна...

В каких только местах не раскидывал он свой походный мольберт! Воспоминания об этом будоражили его, как воспоминания бойца о былых сражениях. А разве его работа не была сражением? Ветер рвал мольберт и зонт, которым он прикрывал полотно от солнца. Освещение менялось ежесекундно... Его притягивали, завораживали капризы природы, причудливая игра света и тени. Но он прорывался сквозь них, чтобы остановить вечное, чтобы утвердить на полотне свое торжество — торжество человека, ощутившего себя частью великой и могучей природы. Да, можно сказать, что все свои полотна Сарьян писал одним чувством и ему хватило его на всю большую жизнь. Это было пронзавшее его чувство радости от сознания единения, слияния со своей землей, природой, страной.

«Армению» Сарьян сочинял в мастерской. Именно «сочинял», потому что картина должна была выразить его представление обо всей стране, о ее душе и характере. Наверное, на дворе кричали мальчишки и где-то поблизости справляли свадьбу — доносились звуки зурны и обрывки песен. Наверное, Сарьяну вдруг захотелось, чтобы музыканты пришли сюда, под его окна, ему нужно было слышать протяжные и страстные звуки армянских напевов. А может быть, он вспомнил услышанный в записи голос Комитаса, его песни, записанные на разных дорогах, в разных уголках Армении. Перед огромным полотном художник чувствовал себя композитором и исполнителем одновременно. Вот самозабвенно закружились в пляске женщины на крыше глинобитного дома. Все быстрее кружение, все неистовей ритм... Ах, этот ритм армянских танцев, как будто рожден он самим воздухом, небом, горами — неистовой охрой, суриком и лазурью, грохотом водопадов и тишиной прохладных долин. Выше поднимается взгляд, один план сменяет другой, раздвигается, подобно кулисам на сцене. Все спокойней ритмы, все протяжней мелодия, все различимей в ней суровое величие, гортанная бронза веков. Жухлыми и скупыми становятся краски — «лазурь да глина, глина да лазурь...» — чтобы воссиять торжеством белого на вершинах Масиса.

Эта страна жила внутри него. Он выплеснул ее на полотно, она засияла для всех, зашумела своим праздником.

В 1924 году «Армения» была представлена на Международной выставке в Венеции. По отзывам критики, картина поразила смелостью замысла, полнотой эпического выражения. Художник был рад, что итальянцам картина была понятна, что через нее они вошли в Армению. Разве чувство сопричастности с человеком другой национальности, сопричастности целому народу, целой национальности не одно из великих и волнующих чувств?..

Можно ли сказать, что Сарьян воссоздавал образ Родины всякий раз, когда брался за кисть? Ведь поводы были всегда самые простые. Увидел, как в горах пашут. Буйволы и быки разной масти тянут плуг. Это было похоже и все-таки иначе, чем в родном селении Чалтырь. Он никогда не забывал это закинутое в степях Приазовья армянское селение, «где люди трудились день и ночь, а черная земля выращивала пшеницу, из которой делали самый вкусный в мире хлеб... Лица и руки у этих людей были обожженные, коричнево-красные, а глаза черные и добрые. Когда мы, маленькие, согласно обычаю, брали руки взрослых, чтобы поцеловать их, они напоминали кору дуба или ясеня, а выпуклые части ладони были покрыты мозолями...».

Художник начал компоновать полотно — впоследствии он назвал его «Горы»,— но он не приблизил к зрителю фигуры крестьян, их лица и руки. Тогда пропало бы целое, контраст: свежая пашня и древние, как мир, горы, маленькие фигурки на фоне великих громад, равнодушных в своей красоте к суетным занятиям человека. Контраст этот уже в ином, эпическом плане заставлял думать о тех, кто создал жизнь и государство в этой горной стране, кто выстоял в страшных испытаниях истории. Да, это снова была картина об Армении, о земле, о человеке...

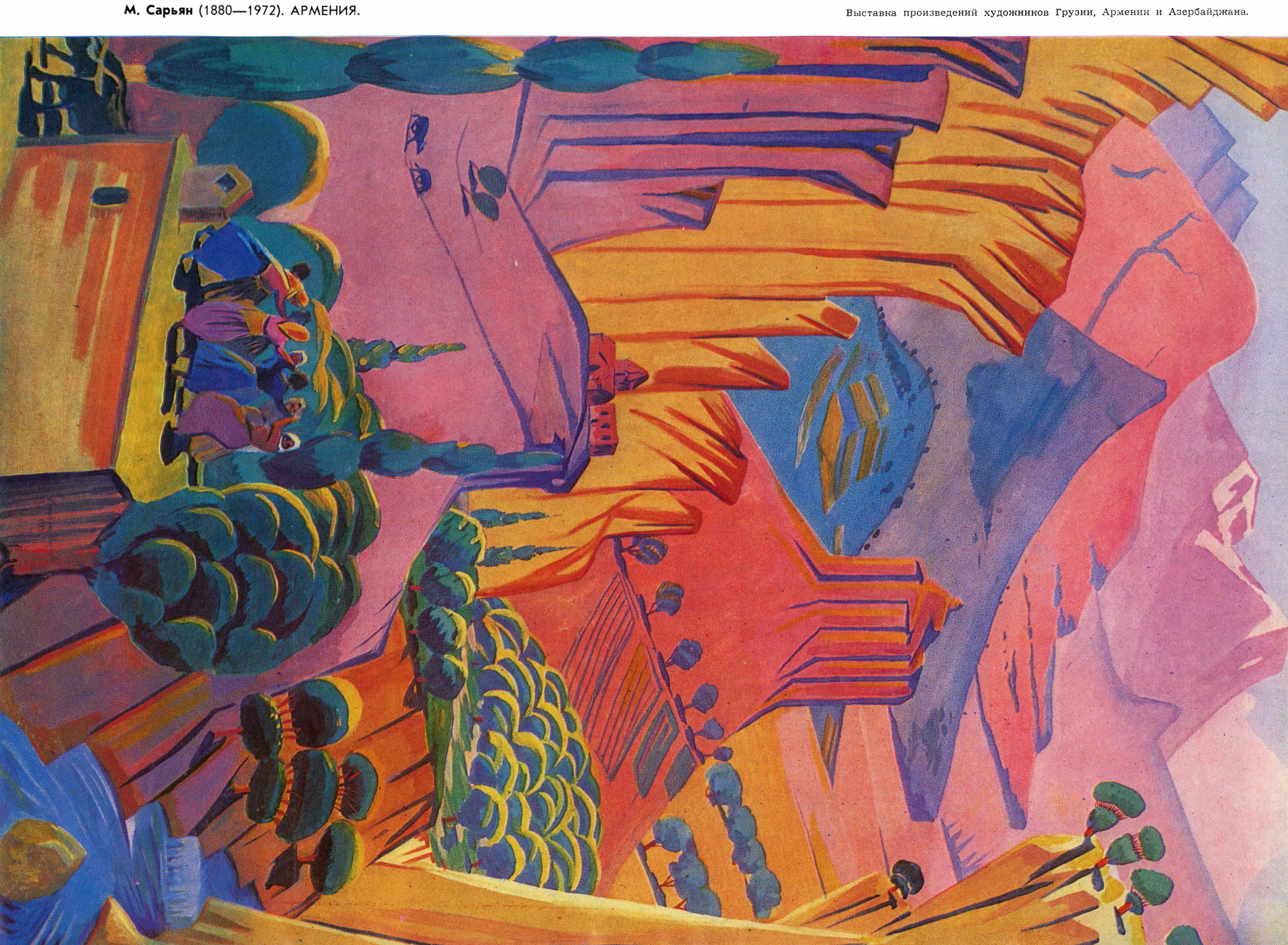
«Каждый раз я встречаю весну с чувством, что свершается необыкновенное. Я слышу ее дыхание, дыхание пробуждающейся жизни, я вижу новые краски, новое солнце, я вижу человека, творящего чудеса. Я чувствую движение великих рек по равнинам России, шелест трав в степи. В эти весенние дни я особенно остро ощущаю, что мое Я — это весь мир. Бесчисленное количество Я — это пылинки единого грандиозного целого. И каждая заключает в себе все то, что есть в большом целом. Как я счастлив, что родился! Как я благодарен тебе, о великая мать-природа! Как радостно жить на свете, радостно работать, созидать!..»

Сарьян — «самое лучшее, что мы пережили в своей жизни». Именно так сказала украинская художница Татьяна Яблонская. А кабардино-балкарский поэт Кайсын Кулиев уверял: «Сарьян для меня — живая гора, которая изумляет глаза и навсегда покоряет сердце, осчастливливая высотой и недоступным могуществом. И я стою перед этой горой, от удивления открыв рот, как ребенок, беспомощный и счастливый».

Как много мудрецов отказывало людям в самом понятии счастья, в самой необходимости счастья. Тем же, кто приходил в мастерскую Сарьяна, казалось, что они знали это всегда: счастье — естественное состояние человека духовно зрелого, это ощущение себя частью целого, ощущение зримых и незримых связей своих с природой...

Азербайджанский художник Таир Салахов рассказывал: «Сарьяна хоронили в Пантеоне, это несколько километров от Еревана. Пришли тысячи народа. Строгий профиль. Развевающиеся по ветру седые волосы. Кругом горы. Пение капеллы. По-весеннему жаркое солнце. Деревья в цвету. Образ бессмертия, образ жизни вечной. Это было выше всякого искусства...»

М. Сарьян (1880—1972). АРМЕНИЯ.

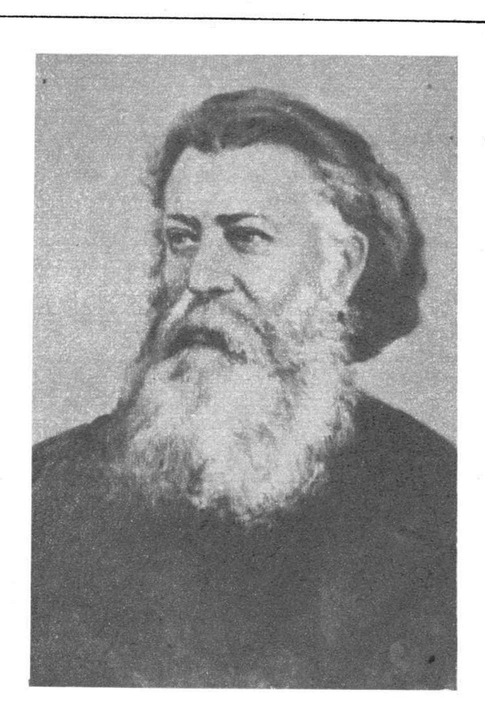

М. Сарьян. ГОРЫ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении и Азербайджана.

К 125-летию со дня рождения П. Яблочкова

...«И свет стал»

Герман СМИРНОВ

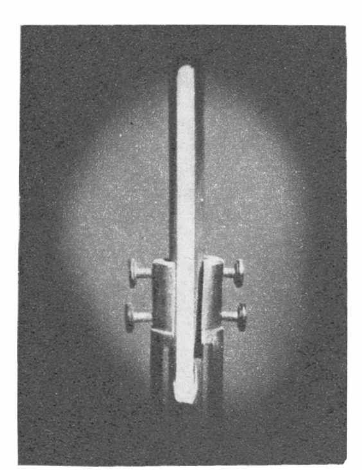
«Греческая мифология, олицетворяя силы природы, подчинила ветер, волну и огонь второстепенным божествам... но молнию сберегла для властителя богов — Зевса. Наука и промышленность давно овладели силой воздуха и вод; пар, одушевленный огнем, позволяет нам преодолевать пространство, господствовать над морями. Свет не имеет больше тайн для науки, а искусства ежедневно множат его удивительные применения... Оставалось сделать последнее усилие — исторгнуть самую молнию из рук Зевса и подчинить ее потребностям человека. Это усилие сделано... оно будет характерным символом грядущего времени. Новый век будет веком электричества!»

Такими словами заключил международный конгресс электриков знаменитый французский химик академик Ж. Дюма. И если бы тогда, в 1881 году, был поставлен вопрос, чьи труды больше всего способствовали приближению электрического века, мировое общественное мнение, бесспорно, отдало бы пальму первенства Павлу Николаевичу Яблочкову.

Популярность его была огромна. «Свет Яблочкова», «русский свет» были таким же гвоздем парижской выставки 1878 года, каким спустя 11 лет стала Эйфелева башня. Тысячи электрических свечей Яблочкова освещали магазины, мосты, театры, ипподромы, улицы. «Освещалась ли при Вас Avenue de l'Opera электрическим светом? — писал одному из своих знакомых П. Чайковский.— Я прихожу в восторг всякий раз, когда прохожу мимо этой улицы». «Яблочков, наш соотечественник, действительно изобрел нечто новое в деле освещения...» — писал брату И. Тургенев.

В 1881 году Яблочкову рукоплескали Париж, Вена, Петербург. И сквозь дымку десятилетий его имя является взору современного человека в окружении самых славных имен мировой инженерии. Он работал у знаменитого мастера часовых дел Луи Брегета, того самого, о продукции которого упоминает в «Евгении Онегине» Пушкин. (Помните: «Пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед».) Он хорошо знал Рукейруля и Денейруза — создателей тех самых скафандров, в которых разгуливали по морскому дну капитан Немо и пленники его удивительного подводного корабля. Да и кто сможет поручиться, что помещения жюль-верновского «Наутилуса» освещались не электрическими свечами Яблочкова?..

Прихотливая слава вдруг отлетела от Яблочкова. После триумфального пятилетия имя его постепенно сходит со страниц газет и журналов. И если в конце прошлого века знатоки ставили его в первую десятку русских ученых и инженеров рядом с Менделеевым, Лобачевским, Сеченовым, Бутлеровым, то спустя несколько десятилетий о его заслугах в электротехнике пишут едва ли не в извиняющемся тоне. Не всем-де дано работать на века. Важно, дескать, и на один шаг продвинуть человеческие знания... И на первый взгляд эти доводы не лишены оснований. В самом деле, к 1876 году, когда Яблочков получил свой первый патент, разве можно было считать электрическое освещение новинкой? Разве за семьдесят с лишним лет до Яблочкова не изучил электрическую дугу академик Василий Петров? Разве Серрен, Фуко, Шпаковский, Чиколев и другие изобретатели не построили уже дуговые лампы?

Свеча Яблочкова

Да, многое было открыто и многое было сделано в электрическом освещении до Яблочкова. Но, как ни парадоксально, это не только не помогало, но скорее даже мешало Яблочкову, ибо опыт предшественников гласил: для того, чтобы сближать постепенно сгорающие угольные стержни, необходим сложный автоматический регулятор...

Осенью 1875 года поезд уносил из Москвы Яблочкова, бежавшего от кредиторов и денежных неурядиц. Впереди был Париж и надежды, позади Россия и годы учебы и службы. Но не воспоминания о годах учебы и службы занимали мысли Яблочкова. Перед его глазами неотступно стояло феерическое зрелище в мастерской, которую он организовал совместно с компаньоном — электротехником Н. Г. Глуховым. Между двумя параллельными угольными стержнями электролизного аппарата случайно вспыхнула ослепительная электрическая дуга. «Явление грозило гибелью дорогому аппарату, но... оно было так прекрасно, что от наблюдения его не было сил оторваться. Павел Николаевич и Николай Гаврилович ...влюбленные в электричество и науку, любовались интересным явлением внутри жидкости сквозь толстые стенки дорогого стеклянного сосуда и предоставили углям гореть до конца, а сосуду треснуть». И в наступившей тишине отчетливо прозвучал голос Яблочкова: «Смотри, и регулятора никакого не нужно!»

Воспоминание это было тем невесомым, но драгоценнейшим грузом, который пассажир Яблочков привез с собой в Париж. Сконструировать и изготовить свечу из двух угольных стержней, разделенных слоем каолиновой глины, оказалось делом нескольких дней. И что же? Узкая полоска глины выдерживала расстояние между углем с большей точностью, чем сложный регулятор! И эта изысканная простота яблочковской конструкции проломила брешь в стене предубеждений, воздвигнутой вокруг идеи электрического освещения.

В эпоху, когда находились люди, даже керосиновое освещение считавшие роскошью, когда даже известные электротехники с негодованием отвергали мысль о том, что электрический свет может прийти на смену газовым рожкам, керосиновым лампам и свечам, Яблочков своим изумительным изобретением склонил общественное мнение на сторону электрического освещения. Размноженная в тысячах экземпляров, тонкая, изящная свеча Яблочкова оказалась первым промышленным потребителем электроэнергии и тем самым дала необычайно мощный толчок развитию электротехники. И было время, когда создатель ее видел дальше, чем многие его современники.

Он оценил огромные достоинства переменного тока тогда, когда никто в мире не считал этот ток перспективным. Он предвидел, что в будущем электричество станут вырабатывать на центральных станциях и подводить его в дома по проводам, как газ и воду подводят по трубам. И после пяти лет триумфальных успехов он нашел в себе мужество понять: будущее не за яблочковской свечой, а за лодыгинской лампой накаливания...

Всемирная слава Яблочкова сослужила России не меньшую службу, чем его электрические свечи, озарившие своим блеском Московский Кремль, Литейный мост, Кронштадтский завод. Награды и чествования Яблочкова привлекли внимание русской общественности к проблемам русской электропромышленности, а его авторитет ускорил объединение всех русских электротехников. И они никогда не забывали о том, что сделал и что значил для отечественной электротехники Павел Николаевич Яблочков.

Основанием для снисходительного отношения к заслугам Яблочкова послужило то, что изобретениям последних десяти лет его жизни не выпало славы, сравнимой со славой электрической свечи. Но это обстоятельство никоим образом не умаляет величия Яблочкова. «Я ставлю его наряду с величайшими изобретателями нашего времени — Беллом, Граммом, Эдисоном,— писал русский электротехник Д. Лачинов.— Он первый двинул вопрос об электрическом освещении и поставил его на практическую почву... Знаменитость и слава г. Яблочкова навсегда упрочены и останутся за ним, хотя бы он ничего более не сделал в области электричества».

В Советском Союзе сейчас ежедневно добывается от 200 до 300 тысяч центнеров рыбы и морепродуктов.

Океаны дают свыше 90 процентов всего улова.

В нынешней пятилетке рыбакам предстоит увеличить производство пищевой рыбной продукции не менее чем на 47 процентов. В 1975 году намечено довести ее потребление на душу населения до 21—23 килограммов в год.

Наша рыбная промышленность сегодня — это 800 тысяч человек, 18 тысяч судов, 760 предприятий. В трудовой семье рыбаков 119 Героев Социалистического Труда, 27 тысяч человек награждены орденами и медалями.

ТАЛЛИНСКАЯ КИЛЬКА

М. МИХАЙЛОВСКИЙ

1947 год. В «Огоньке» № 3 был напечатан репортаж «Таллинская килька». В нем говорилось о заботах эстонских рыбаков в первые послевоенные годы: в числе многих неотложных дел им предстояло быстрыми темпами восстановить и производство килечных консервов, улучшить их качество — словом, вернуть таллинской кильке ее былую славу.

Наш сегодняшний рассказ — о переменах в жизни и труде рыбаков Советской Эстонии, происшедших за годы, разделяющие эти два репортажа.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

СЛАВА СЕРЕБР

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

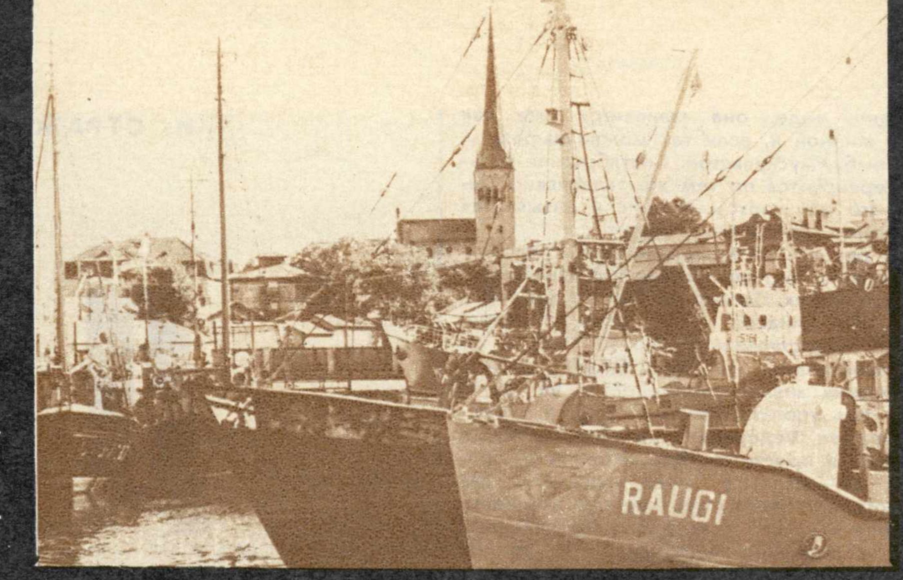
«Худую еду есть все равно что за изгородь кидать» — так говорили у нас в Кондушах, деревне кондовой и с устоями. Поговорка эта вспомнилась мне в связи с килькой, ибо прав Георгий Иванович Ценкман, начальник отделения рыболовецких колхозов «Запрыбы», то есть Главного управления рыбной промышленности Западного бассейна, что килька — рыба удивительная и по достоинству в бассейне еще никем не оцененная, кроме эстонцев.

Люди старших поколений помнят, как звучало ее былое наименование — «Ревельская килька». Деликатес! В Петербурге — только у Елисеева, в Москве — у Громова. Повара Зимнего дворца ею весьма интересовались. В Берлине, Гельсингфорсе, Стокгольме и Осло были у нее сановные заказчики, да еще за моря переправлялась — во Францию и в Англию. У нас-то в Кондушах об этой кильке, кстати сказать, только понаслышке знали, хотя и находились Кондуши от главного «королевства» кильки, от Ревеля, всего-навсего в двух сотнях верст. Вообще в самой Эстонии ревельская килька мало продавалась, точнее, мало ее покупали, не для простого люда рыбка была. Скажем сразу, что сейчас в Эстонии ее хватает всем, да и в другие наши республики попадает, только с новой этикеткой: «Таллинская килька». Но прошу не путать с «Балтийской», а почему, скажу ниже.

Упаковывается знаменитая рыбка, надо опять же эстонцам отдать должное, толково и удобно — в жестяные банки по 250 и 350 граммов, потому что какой же смысл покупать трехкилограммовую банку этаких щепетильных консервов, которые в открытом виде в холодильнике держать никак невозможно, потому что все кремы и кисели, пирожные и торты тотчас же начинают пахнуть килькой. А хранить ее надо обязательно в холодильнике, иначе она быстро «завянет» и испортится. И еще надо заметить, что килька — рыба праздничная и, как всякий деликатес, она отнюдь не для насыщения предназначена, а для пробуждения аппетита, для «затравки», что ли, или, как говорил Иван Петрович Павлов, для запальных соков.

Вот теперь-то, протерев банку от пыли и от предохраняющей смазки, откроем ее хорошо отточенным консервным ножом. Тут и вылетит из банки некий таинственный джин, который вмиг пробудит аппетит у самого сытого человека, у самого капризного ребенка и пресыщенного изысками гурмана. А человеку с нормальным аппетитом и вкусами захочется ее поскорее съесть. Маленькая серебристая рыбка, аккуратно уложенная спинками вверх, залита серо-коричневым соусом из специй, а какие там специи, неосведомленному человеку и не догадаться, потому что никаких бодыльев лаврового листа в банке не торчит и все остальное измельчено в порошок, да, говорят, чем порошок этот мельче, тем килька вкуснее.

Каларанд — рыбная гавань.

Один недостаток есть все же у кильки — росточком не вышла, потому некоторые и говорят: оторви голову и ешь. Но, как таллинский старожил и, следовательно, постоянный потребитель кильки, я считаю это неправильным и даже для кильки обидным. Потому что внутренности, придавая соусу пикантность, деликатный вкус самой кильки, безусловно, портят, да и, очищая кильку, еще не попробовав, узнаешь, хороша ли, готова ли. Если все косточки одним легким прикосновением ножа и вилки отделятся, а килька при этом ничуть не повредилась, значит, и поспела и не перестояла.

Но хватит о еде. Я уже слышу, как сердито восклицают читатели: хорошо раставлять аппетит, когда «Таллинская килька» рядом, а если в других местах ее нет или мало, тогда как! А ведь на самом деле кильки-то ого как много!

В Управлении рыбного хозяйства при Совете Министров Эстонской ССР Ахти Нурмес, заместитель начальника, мне вот что сказал:

— Вы вспомнили про таллинские кильки 1947 года! Тогда в Эстонии вылавливалось 11 тысяч 526 центнеров кильки. А в 1971-м — более 454 тысяч центнеров.

На потоке килька. Рыбоконсервный комбинат колхоза имени Кирова.

ИСТОЙ РЫБКИ

Чинят сети рыбаки.

Округленно в одной только Эстонии улов кильки за это время вырос в 40 раз! Улов всей другой рыбы в республике тоже намного увеличился — приблизительно в 30 раз. И килька тут явно оказалась на первом месте.

Теперь мне, как прямой свидетельнице многих перемен, необходимо вспомнить прошлое, не столь уж отдаленное — годы моего детства. Если в буржуазной Эстонии человек называл свою профессию «рыбак», то первым ощущением было сочувствие и тревога за него. Мне в детстве собственными глазами приходилось видеть ненастье на Чудском озере, неумолимо высокий и тяжелый вал, каменно застывших на ледяном ветру, под кнутами дождя женщин. А в море рыбаку на его деревянной лодке с парой весел было куда труднее и страшнее. Тяжело было трудиться, тяжело сражаться с буйной водой, а продать улов еще тяжелее. Пройдохой-перекупщиком надо было быть, а испокон веков известно, что рыбаки в 999 случаях из 1 000 доверчивы и честны, как и все люди, которым приходится иметь дело с природой. Вот поэтому немногие богатели, многие беднели. И помнятся серые, приземистые рыбачьи деревни побережий, и нищие огороды у старых изб, и старые лодки, мотающиеся на волне. Оттого рыбаки первыми в республике и вступили в колхозы, надеясь на перемены.

— Сколько теперь в республике рыболовецких судов? — спросила я собеседника.

— Насчет громадных судов океанского лова говорить не стану,— ответил Ахти Нурмес. — С объединением «Океан» нам не сравняться, они у нас главные добытчики рыбы, но рыбы океанской. А килька — рыба местная, больше у берегов обитает. О гребном флоте, он в 1947 году еще большую роль играл, теперь тоже говорить не станем — совсем ушел в прошлое. В нашем ведении для местного, следовательно, в том числе и для интересующего вас килечного лова имеется 249 крупных судов и 1 158 разных моторных лодок. Флот наш мы получаем от Министерства рыбной промышленности бесплатно. Кроме того, колхозы и сами покупают себе суда.

Бог ты мой, а какой проблемой для рыбака была моторная лодка лет 35 назад! Иной набирал денег в долг, покупал ее и до самой смерти не мог расплатиться, в наследство детям оставлял долги. А теперь так просто сказать: «...кроме многих крупных судов, больше тысячи разных моторных лодок, и все бесплатно...»

Только море, только сосны и песок остались здесь прежними. Все остальное изменилось, все стало новым, надежным, прочным. Железобетонные сооружения причалов, земснаряды, постоянно углубляющие и очищающие морские пути для входа в «ковш» — стоянку судов, ленточные транспортеры, переправляющие ящики с рыбой с судов в цеха новых, в белом кафеле, рыбокомбинатов. И по-новому начинается день, ясный или ненастный: из богатых своих домов, из цветущих или увешанных крупными яблоками садов на рассвете выходят в море три с половиной тысячи эстонских рыбаков местного лова. Одежда и обувь их непромокаемы, непродуваемы и удобны даже в суровую стужу. Суда устойчивы, и сети крепки. Женщины, традиционно выходящие ждать на берег, спокойны и усмешливы, они уж давно знают: если изредка и случится что́ в непогоду или в передвижку льдов, то по первому радиосигналу вылетят в названный квадрат самолеты, и беда будет предотвращена. И давно уж никто не ждет мистического «рыбацкого счастья»: «Когда захочет, тогда и пойдет к тебе государыня рыбка»,— ныне рыбки слушают, что говорят ихтиологи. А ихтиологи не только говорят, что килька любит прохладную воду,— это-то рыбаки и без них знают,— но дают координаты и постоянных и блуждающих холодных морских течений.

Рыба для марки «Таллинская килька» идет из улова четвертого и первого квартала года, то есть с октября по март включительно. В мае — июне она нерестится у берегов, в июле — августе в теплой, летней воде она еще слабовата, однако же лов и в августе и в сентябре уже идет, потому что килька после нереста набирает аппетит и успевает пожиреть на планктоне. Ну, а поздней осенью, в холодной воде, она становится уже как следует жирной и, если так можно выразиться про рыбу, мускулистой. Сентябрьская килька консервируется по тем же таллинским рецептам, но она сортом пониже и называется «Балтийская». Вот и все отличие.

Славе ревельской кильки немало способствовала старая, дореволюционная фирма рыболовов Малаховых. Последним «килечным королем» в этой династии был Федор Малахов-младший. «Царствовал» он до 1940 года, после национализации сдал свою фирму государству, никаких знаменитых секретов не тая, и остался там уполномоченным. Только «королем» Федора Федоровича называть не надо.

— Какой я, прости господи, «король»,— обижается он,— если у меня тридцать лет советского трудового стажа, пенсия девяносто два рубля и много всяких благодарственных грамот за рационализацию килечного производства!

Уже будучи в летах пенсионных, пришел Федор Федорович как-то в старую гавань. Ну, и килек, конечно, отведал наилучший специалист. Только горчили они да и солоны слишком были. Выяснил, в чем дело: оказывается, во время войны старые рецепты затерялись, молодые специалисты новые разработали, да ошиблись маленько, перцу переложили, вместе с корой сандалового дерева истирали в порошок и древесину, что и придало специям горьковатый вкус. И еще, за неимением дефицитных консервантов соли клали больше, чем сахару,— это и изменило «букет», кильки сделались «жестче». Тогда Федор Федорович вернулся на работу заместителем технолога рыбокомбината и со знанием дела стал улучшать рецепт. На комбинате к нему прислушались. Кильки получились прелесть! В 1970 году именно эта марка, «Таллинские кильки», государственным Знаком качества отмечена. Слава их, утраченная было, вернулась и, по-моему, превзойдена. А Федору Федоровичу все неймется. Пенсионер ведь, а занимается дальнейшим улучшением рецепта. Считает, что самая пора наступила «Таллинской кильке» выходить на мировой рынок: уж ФРГ запрашивала. А для этого надо придать килькам устойчивость с помощью зарубежного консерванта хидрина. А если покупать его почему-либо не с руки, так можно, по старому отцовскому рецепту, муравьиной кислотой заменить. Разные есть у него варианты килечных рецептов.

Всякое умение, отданное человеком на пользу государству и народу,— благо. Наверное, и превосходную «Таллинскую кильку» можно еще улучшить. А как — это уж забота и прямой долг специалистов, лабораторий и научно-исследовательских учреждений. О Федоре Малахове речь зашла потому, что в кипении эстонских рыбпромышленных и, в частности, килечных дел неожиданно раскрылась долгая человеческая жизнь, тоже очищенная и облагороженная революцией: стал он нужным для государства человеком и родному народу служит. Это — самое важное.

Теперь, когда мы знаем, что «Таллинская килька» достигла хорошей высоты как в количественном, так и в качественном отношении, стоит вспомнить поговорку насчет того, что «худую еду есть все равно как за изгородь кидать». Ведь так же, как и в Эстонии, выросли уловы и в других килечных обителях — и на Балтике и на Каспии. Но вот умения превратить ее в деликатес на уровне семги и лососины пока нигде нет такого, как в Эстонии, где к тому же во время путины кильку и коптят великолепно. И приходится многим людям за эстонскими пределами есть ее в худом посоле — «как за изгородь кидать». Вот они и удивляются, что же в этой мелкой рыбешке иные находят такое необыкновенное.

Обмен хорошим опытом у нас в стране, по счастью, широко распространен, то и дело устраиваются разные симпозиумы по разным отраслям науки и народного хозяйства. Самая бы пора устроить в Эстонии симпозиум по килечному посолу, да с курсами подготовки мастеров, да так, чтобы и каспийская, и латвийская, и литовская килька дотянула до эстонского уровня, чтобы украсила она рыбное меню и у нас в стране и за рубежом так, как украшает его «Таллинская килька». И чтобы ее, хорошей и вкусной, на всех хватило.

И. СТРАЖЕНКОВА

Двенадцать лет отделяют сегодня Кара Караева от тех дней, когда художник Таир Салахов писал его портрет, предельно точно схватив суть натуры композитора: динамику мысли и динамику позы... Он словно сжатая пружина, словно спринтер на стартовой дорожке... Конечно, сегодня Караев иной, но человеческая суть его неизменна.

— В огромном списке ваших работ — сочинения самых разных жанров. За каким из них «закреплен» ваш наиболее острый интерес! Опера или балет! Симфония! А может быть, миниатюра!..

— Хочется попробовать все! Конечно, необъятное не объять, однако стремлюсь... Чтобы говорить о мире, необходимо познавать его возможно глубже... Например, мои познания в физике или, скажем, математике не выходят за рамки дилетантизма, но прежде всего очень уж многое перекликается в сегодняшней науке с современным искусством, а это представляет для меня профессиональный интерес.

Конечно же, и другие сферы жизни Караева — политической, культурной — играют не менее заметную роль в его восприятии мира, а значит, и в работе... Живопись, которую он любит и прекрасно знает... Любимые поэты — от древних, в переводах с латинского, до Маяковского, Хикмета, Элюара, Исикавы Такубоку...

— Чем вы сейчас заняты!

— Заканчиваю оперу.

Композитор вернулся к этому «коварному», как он говорит, жанру после долгого перерыва и теперь «видит» его уже совсем под другим, новым углом зрения. Так случается всякий раз, когда он берется за труд. И публика всякий раз ждет от Караева нового, зная, что поиски художника будут направлены на решение сугубо индивидуальное, что художник этот работает с глубоким внутренним ощущением объективных закономерностей развития музыки современной, сегодняшней.

— Есть точка зрения, что в опере прежде всего и главным образом следует петь. Есть другая точка зрения: в опере должен работать актер синтетический... Какая из двух позиций вам ближе!

— Не берусь утверждать,— отвечает композитор,— но, по-моему, автоматическое перенесение приемов драмы пока не дает полного эффекта в опере.

Новая караевская опера предназначается для... концертного исполнения. «Декоративность» убирается, по существу, отовсюду — из всех музыкальных и сценических компонентов — с тем, чтобы максимально обнажить внутреннюю пружину действия—самую «душу» материала. В данном случае это лирическая исповедь женщины, открывающая ее высокую нравственную красоту... В основе сюжета — новелла А. Барбюса «Нежность». Для исполнения потребуется камерный оркестр и женский голос — вот это и все...

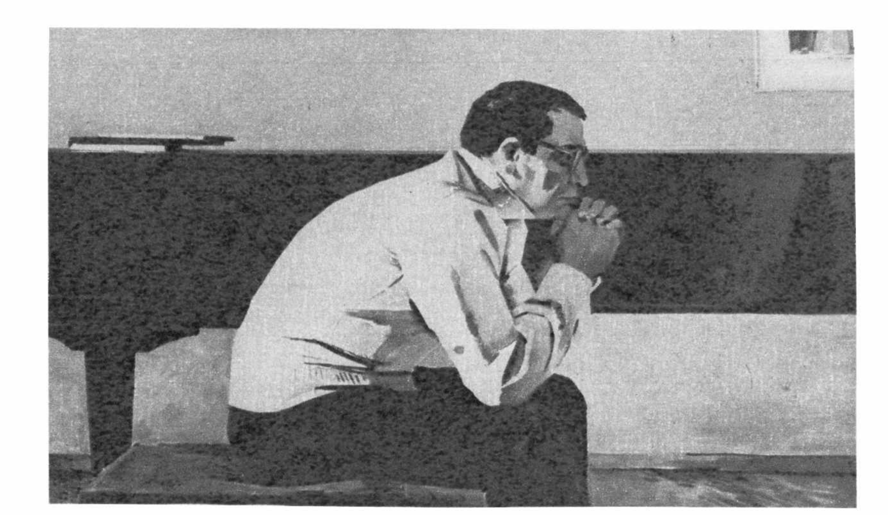
Караев работает не просто увлеченно. Он постоянно держит себя под строжайшим самоконтролем.

— Ваши «рабочие часы» незыблемы!

— Всегда до трех дня. Но если работа срочная, она идет не только днем, а часто и ночью.

— За вами известность человека предельно точного. За вами нигде не значится ни одного опоздания, ни одной задержки...

— Когда ты связан с творческим коллективом, естественно, стремишься к точности. К тому же количество «рабочих часов» исчисля-

Портрет композитора работы Т. Салахова.

ВЕРШИНЫ КАРА КАРАЕВА

ется не только временем, проведенным за роялем или письменным столом... Голова-то работает постоянно...

— А как вы любите проводить свой досуг!

— Спокойно... В переводах или чтении. Но все равно, если досуг вдруг выпадает, когда я в хорошем творческом состоянии, предпочитаю использовать его для работы. Музыка — это и есть мое хобби!

Дом Караева словно создан для этого хобби. Человеческая щедрость и доброта к окружающим людям — не только к своим близким — царят в семье композитора, большой, дружной и на редкость красивой. Тут во всем естественность и простота. Скромность... Вы никогда не услышите от жены Караева, Татьяны Николаевны, жалоб вроде такой, что вот опять летний отпуск не получился или что у Кара, мол, столько работы!.. Никогда не уловите назидания в обращении старших к младшим. Зато ощутите, как заботлив и внимателен «дедушка» Караев к своему внуку и к детям вообще, как глубока его духовная связь с сыном, который давно имеет свое имя в творчестве. Крупная работа — музыка к фильму «Гойя» — написана обоими Караевыми: Фараджем и Кара — вместе...

Мы видим Гойю в храме святой инквизиции; он приглашен на суд над еретиками не случайно: это — предупреждение кардинала художнику. Суд приговаривает Марию, певицу с улиц Мадрида, к сожжению на костре за «еретические» песни, рожденные матерями ее земли; а в душе Гойи, сидящего в зале,— пока в качестве «зрителя»! — рождается симфония протеста, симфония ада — ярость творческого взрыва. И здесь, как, впрочем, не однажды в этом фильме, едва ли не главное слово за музыкой, ибо будущие «Каприччос» Гойи — те гневные, сокрушительные рисунки, которых пока нет на экране, но которые рождаются в воображении художника, уже «входят» через музыку в фильм и в воображение кинозрителя. Для этого надо не только «пройти путь познания» Гойи,— надо выбрать такие выразительные средства, на которые максимально остро реагирует современник. И здесь недостаточно только мастерства, даже безукоризненного; здесь не обойтись без глубокого жизненного опыта, без политической зоркости...

«Нет науки, как найти «беса». Но однажды он наносит рану, и в лечении этой никогда не закрывающейся раны заложено необычайное и чудесное изобретение художника».

Это слова Федерико Гарсиа Лорки. Несущие в аллегорической форме глубокий и объемный смысл, они кажутся адресованными всем, в ком живут «бесы» творческого беспокойства, кому известно острое счастье открытия.

Караев писал своего Гойю со всей силой страсти. Я бы подчеркнула: гражданственной страсти.

— Война в Испании застала мое поколение как раз в период формирования, созревания. События в Испании всех нас горячо волновали, а любовь к этой стране, к ее народу жила в душе у нас еще с детских лет...

— Со времен «Дон-Кихота», наверное!

— Я был влюблен в книгу Сервантеса!.. Кстати, любопытный случай. Уже много лет спустя мне посчастливилось снова вернуться к любимому образу в работе с режиссером Козинцевым над фильмом «Дон-Кихот». И когда наша картина была показана в Мадриде, испанцы буквально осаждали меня, спрашивая, как это мне удалось создать музыку именно кастильскую. Я разводил руками: сумел, наверное, попасть в точку...

Кара Абульфазович умолчал о том, что его интуиция — результат долгой и глубокой работы над национальной музыкой: от Альбениса, де Фальи, Равеля до фольклорных диалектов и почти музыкального «жаргона».

Все, что создается Караевым,— плод скрупулезнейшего изучения предмета. И мы, слушатели, чувствуем это, когда смотрим балет «Тропою грома» по роману негритянского писателя П. Абрахамса; любуемся лирическим орнаментом симфонической поэмы «Лейли и Меджнун», этого восточного варианта «Ромео и Джульетты»... или слушаем Концерт для скрипки с оркестром, где композитор поразительно расширяет наше представление о симфонических возможностях национальной музыки, о синтезе ее с другими культурами.

...Когда произносят имя Караева, оно ассоциируется и с сегодняшней культурой Азербайджана и с лучшими стремлениями всего мирового прогрессивного искусства. Все сделанное Караевым отвечает самым высоким критериям интернационализма.

Национальное нигде не сводится у него к бытописанию, нигде не звучит для слушателя интригующей экзотикой.

Художник, необычайно чуткий к процессам, движущим современное искусство, а вместе с тем учитывающий в своем творчестве весь многовековой опыт мирового развития музыкальной культуры, Караев «застрахован» от национальной замкнутости. И там, где композитор обращается к истории и культуре других народов — а интерес его к этому, мы видели, очень велик! — он стремится проникнуть внутрь народного мироощущения, постичь самый дух жизни народа не абстрактно, не через «букву» фольклора, но через живую, конкретную жизнь страны...

О многих судьбах, о разных эпохах поведал нам в своей музыке Караев. И о чем бы он ни писал, его гражданская позиция всегда ясна. Композитор страстно защищает все, что служит прогрессу, что будит лучшие помыслы в душе человека, делает его гармонично красивым... И с той же неослабевающей эмоциональной силой протестует он против всякого проявления варварства, застоя, несправедливости, всегда поражая новым, неожиданным поворотом темы.

Третья симфония, созданная весной 1965 года, поразила дерзостью открытия Караевым новой симфонической выразительности.

Он далек от заигрывания с модой. Не случайно он делает свои открытия именно сейчас, во второй половине нашего века, когда идет небывалое доселе сближение национальных культур, когда постигаются глубинные пласты фольклора и таких древних цивилизаций, которые объясняют многие «белые пятна» на карте музыкальной истории.

Караев и от учеников своих требует быть чуткими в первую очередь ко времени, к требованиям жизни.

— В моих учениках я стараюсь воспитать главное, я хочу, чтобы они ощущали правильность позиции, идейной платформы. А уж говорить языком своего поколения — это их право...

— Сколько же у вас учеников!

— За двадцать шесть лет работы пятьдесят музыкантов вышло из моего класса... Все это очень разные люди. И я всю жизнь старался не стричь никого под одну гребенку... Пусть даже нескладно на первых порах будет выражено их внутреннее «Я». Но мне важно увидеть, почувствовать это самовыражение!

— И вы, конечно, поощряете в них новаторство!

— Я просто стремлюсь к тому, чтобы мой ученик почувствовал, ощутил новое всем своим существом. Если человек живет чувствами и идеями своего времени и находит им точную форму, правдиво выраженную средствами своего времени, я думаю, это и есть новаторство.

...Мир музыки Караева постоянно движется. И притом всегда остается миром Караева, и никого другого. В нем нет места пространным многословиям, ложной многозначительности. Все написано почерком четким, лаконичным, все подчинено логике творчества. И неизменно музыка эта находит путь к сердцу, волнует. Наверное, потому, что она согрета человеческим теплом. А еще и потому, что герои Караева близки нам. Советские солдаты в Великую Отечественную... Нефтяники знаменитого Каспия... Солдаты сегодняшнего Вьетнама...

— У вас есть все основания чувствовать себя счастливым!

— Я буду счастлив тогда, когда напишу свое лучшее произведение. Пока мне это еще не удалось.

— А ваше творческое кредо!

— Истинно прекрасное в искусстве неповторимо. Верность методу социалистического реализма означает для меня неприемлемость эклектики, застоя и всяческой ограниченности...

Его движения, внешние и внутренние, попрежнему активны, энергичны. Его поражающе жадная пытливость при нем.

Сегодня композитору за пятьдесят... Его талант, помноженный на опыт, труд, на огромный общественный темперамент, принес ему многие звания и титулы — он лауреат Ленинской премии, народный артист СССР, профессор Бакинской консерватории, депутат Верховного Совета СССР, секретарь Союза композиторов СССР и руководитель Союза композиторов Азербайджана... Но Караев и сегодня остается Караевым!

«Взяв одну вершину, он тотчас устремляется к другой»... Слова эти, сказанные однажды Арамом Хачатуряном, бьют и сегодня в самую точку.

Народ Ирака приветствует национализацию нефти. Фото Агентства Новостей Ирака.

Юрий КОРНИЛОВ

Иностранный журналист, приехавший в Багдад, должен по существующим в стране правилам представиться в министерстве информации. Поднимаясь по мраморным ступеням этого учреждения, я увидел на стене большой плакат, на котором был изображен крепкий, широкоплечий человек в синем комбинезоне, железной метлой выметающий с карты Ирака империалистов — толстых господ с искаженными яростью лицами, во фраках и котелках, украшенных эмблемами американского доллара и английского фунта стерлингов. «Нефть — наша!» — гласила подпись к плакату, сделанная аршинными буквами на арабском и английском языках.

— Да, нефть наша, и это, на мой взгляд, самое важное событие в жизни Ирака,— сказал мне Бахджат Шакер Хасан, генеральный директор иракского информационного агентства ИНА, один из первых моих знакомых в Багдаде.— Если в итоге революции и избавления Ирака от участия в созданном колонизаторами Багдадском пакте империализму было нанесено политическое поражение, то национализация собственности «Ирак петролеум компани» нанесла ему поражение экономическое и моральное. Однако настоящие империалисты, к сожалению, не очень похожи на тех неуклюжих господ во фраках, которых вы видели на одном из наших плакатов. Западные монополии — английская «Бритиш петролеум», англо-голландская «Ройял датч шелл», американская «Стандарт ойл» и другие, владевшие концерном «ИПК»,— это отнюдь не только объединение дельцов, располагавших в Ираке совместным акционерным капиталом в 83,5 миллиона фунтов стерлингов и занятых добычей нефти. Это и мощный, разветвленный аппарат экономического и политического давления, подкупы и заговоры, провокации и ложь. Со времени национализации собственности «ИПК» прошло три с лишним месяца. И весь этот период Ирак был вынужден вести ожесточенную войну против нефтяных магнатов...

ОШИБКА МИСТЕРА СТОКВЕЛА

Район Киркука, где находилось «заповедное нефтяное поле» «ИПК», занимавшее площадь в 750 квадратных километров, выглядит так: красно-желтые, раскаленные солнцем холмы, лес нефтяных вышек, блестящие металлические цилиндры нефтехранилищ, негаснущее пламя газовых факелов пляшет над сыпучим песком. Здесь, в трехстах километрах к северу от Багдада, расположены богатейшие нефтяные месторождения Ирака, здесь пробито более 60 самых мощных в стране нефтяных скважин, шесть трубопроводов уходят отсюда к перерабатывающим заводам, к далеким средиземноморским портам. Огромное, сложное хозяйство!

На протяжении почти полувека этим хозяйством управляли люди с Запада. Среди них были специальные эмиссары «ИПК», присланные в Киркук на роли надсмотрщиков, но были и честные, увлеченные делом специалисты, иные из которых охотно остались бы здесь и после национализации. Тем более что правительство Ирака, приняв 1 июня Закон № 69 «О национализации собственности «ИПК», одновременно объявило, что все нефтяники-иностранцы, находящиеся в Киркуке, могут, если они того пожелают, продолжать работу на прежних условиях. Однако из лондонской штаб-квартиры «ИПК» последовал категорический приказ: немедленно покинуть Ирак! Инженеры и техники, связанные с концерном долгосрочными контрактами, вынуждены были подчиниться. «Через несколько дней мы станем свидетелями величайшего технического краха»,— ликовала западная печать. «Посмотрим, как они справятся без нас!» — заметил член правления «ИПК» в Лондоне мистер Стоквел, и западные агентства поспешили передать эти слова в столицы ближневосточных стран.

И вот теперь, три с лишним месяца спустя, мы едем по нефтепромыслам Киркука. Серый, видавший виды «форд» поднимается с холма на холм, оставляет позади километр за километром, а вокруг все та же панорама хорошо организованного, ритмично работающего предприятия.

«Дела в Киркуке идут сейчас не хуже, а лучше, чем прежде: недавно, например, мы приступили к разработке нового крупного месторождения,— рассказывает представитель управления промыслов Хасан эль-Хафаджи.— Конечно, так стало не сразу. На первых порах нашим инженерам пришлось трудновато: иные едва ли не круглые сутки оставались на участках... И вот что характерно: на помощь руководству промыслов пришел весь коллектив. Видано ли было раньше, чтобы рядовой рабочий мог явиться в управление предприятием и указать на тот или иной непорядок или внести рационализаторское предложение? А теперь это — обычное явление».

— Да иначе и быть не могло,— говорит, комментируя положение в Киркуке, инженер Хади аль-Зериджи, исполняющий обязанности начальника отдела бурения Иракской национальной нефтяной компании.— Мы пришли к национализации хорошо подготовленными. Этому в огромной мере способствовало создание первых в нашей стране национальных нефтепромыслов в Северной Румейле, построенных при содействии СССР. Там, в Румейле, наши нефтя-

ЗАНИМАЕ

ники приобрели первый опыт самостоятельной работы. Есть все основания сказать: ныне любой западный специалист, выпускник Гарварда или Оксфорда, с успехом может быть заменен инженером-иракцем, выпускником Багдадского университета или советских вузов. Я вот, например, получил образование в СССР: в 1965 году закончил Львовский политехнический институт, в 1968 году — аспирантуру в Баку. И таких инженеров в Ираке все больше. Быстро ликвидируется и нехватка в кадрах «среднего звена», этому в огромной мере способствует созданный в Багдаде с помощью СССР учебный центр нефтяной промышленности. В этом центре, где обучается около 270 человек, недавно состоялся первый выпуск электрослесарей, токарей, бурильщиков и операторов по добыче нефти. Они подготовлены совместно иракскими и советскими педагогами, и подготовлены отлично!

А вот еще одно интервью из моего журналистского блокнота — с заместителем губернатора провинции Киркук Ахмедом Абдель Кадером аль-Накишбанди. Невысокий, крепкий, очень живой, он ходил по своему кабинету и рассказывал о родном городе:

— Киркук — четвертый по величине город Ирака, но, по правде говоря, еще недавно о его существовании мало кто знал за рубежом. Теперь у нас что ни день, то гости: общественные деятели разных стран, журналисты, деловые люди. Многие интересуются городом, а что мы можем им показать? Старинную крепость? Голубую мечеть? В последние годы в Киркуке, где насчитывается 228 тысяч жителей, построен серный завод, сейчас сооружается текстильная фабрика, открыты новая больница, несколько школ, краеведческий музей. Для горожан каждая такая новостройка — событие, но ведь иностранцев этим не удивишь...

Он с минуту помолчал, взглянул в окно: по широкой улице, засаженной кипарисами и пальмами, шли рабочие в синих спецовках, промчался грузовик с солдатами в форме цвета хаки — смуглые молодые лица сосредоточенны, штыки примкнуты к коротким винтовкам. Это революционная охрана промыслов направлялась на свои посты.

— Но нам есть чем гордиться: наша главная гордость — люди, простые люди Киркука. Те, кто на деле доказал, что они настоящие хозяева наших бесценных подземных кладовых. Знаете, в чем ошибка мистера Стоквела? Этот господин не учел, что когда народ становится владельцем собственных богатств, силы его удесятеряются. Особенно если у него есть добрые и верные друзья.

БОЙКОТ — ОРУЖИЕ МОНОПОЛИЙ

Убедившись, что Ирак в состоянии успешно управлять своими природными богатствами, западные монополии перешли к иной тактике. Закон о национализации собственности «ИПК» был устами министра иностранных дел Англии А. Дуглас-Хьюма объявлен «нарушением международного права». А представитель «ИПК» в Лондоне во всеуслышание заявил, что концерн готов «предпринять любые меры против покупателей национализированной иракской нефти».

— В штаб-квартире «ИПК» исходят из того факта, что доходы от нефти — основные доходы Ирака,— рассказывал мне главный редактор газеты «Багдад обсервер» Мухаммед Аббас.— В 1971 году «ИПК» добыла в нашей стране 51 миллион тонн нефти, из которых экспортировано почти 48 миллионов тонн. Выручка страны от реализации нефти обеспечивала около 90 процентов всех наших поступлений твердой валюты. Вот нефтяные короли и решили закрыть пути для экспорта национализированной иракской нефти на международные рынки. Это был, казалось, точно нацеленный удар. Но в «ИПК» не учли одного — того, что у Ирака есть верные друзья, прежде всего СССР и другие страны социализма.

Да, Советский Союз первым пришел на помощь Ираку и в деле сбыта национализированной нефти, пришел на помощь в тот момент, когда пресса лондонского Сити и Уоллстрита пыталась запугать Ирак тем, что он, дескать, «захлебнется в собственной нефти». Танкеры «ИПК» не появляются у причалов сирийского порта Баниас, где оканчивается один из трубопроводов, идущих из Киркука, но на голубой акватории этого порта все чаще можно видеть нефтеналивные суда под красным советским флагом, под флагами ГДР, Болгарии, других социалистических стран.

— В начале сентября наша печать сообщила о том, что начиная с 1 июня из Ирака экспортировано более 2,5 миллиона тонн национализированной нефти,— рассказывал мне известный багдадский журналист Камран аль-Харадаж.— Кроме того, Ирак начиная с апреля продал свыше миллиона тонн нефти, добытой в Северной Румейле. Все это, конечно, еще не означает, что империалистическая блокада полностью сорвана. Нет, такая блокада существует, и наше правительство вынуждено принимать определенные меры, чтобы не допустить потрясений в экономике страны. Временно приостановлено строительство ряда запланированных ранее объектов, изыскиваются возможности получения валютных доходов за счет дальнейшего развития сельского хозяйства и некоторых других отраслей. Да, блокада существует, но она уже прорвана, и к каким бы маневрам ни прибегали нефтяные короли, они не в состоянии в нынешних условиях остановить неуклонный рост экспорта иракского «черного золота».

ЛИЦЕМЕРЫ С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

Пытаясь организовать «нефтяную блокаду» Ирака, западные монополии одновременно развернули шумную антииракскую кампанию, пустив в оборот сфабрикованную в штаб-квартире «ИПК» версию о «коварстве» Ирака, который, дескать, «нанес удар из-за угла». Нет нужды вступать в полемику с теми органами западной прессы, которые муссируют такого рода утверждения: право иракского народа на владение собственными нефтяными богатствами бесспорно, и Багдад, конечно же, имел все основания для того, чтобы в любой момент, когда он сочтет это нужным, изгнать из страны иностранные монополии. Следует, однако, отметить, что сами по себе утверждения об «ударе из-за угла» — ложь от начала до конца.

Правительство Ирака давно обращало внимание западных нефтяных магнатов на то, что разработки нефтяных месторождений в стране ведутся хищническими методами, что вложения «ИПК» в развитие нефтедобывающей промышленности не отвечают существующим потребностям, что так называемые «отчисления от прибылей», предназначающиеся Ираку, чрезмерно низки. Все эти проблемы обсуждались в ходе длительных переговоров между иракским правительством и «ИПК», проводившихся в Багдаде зимой нынешнего года. В роли полномочного посла нефтяных магнатов на переговорах выступал уже знакомый нам мистер Стоквел. Он упорно отвергал все требования Ирака и с такой наглостью пытался выдать черное за белое, что представитель иракской стороны вынужден был, отклоняясь от рамок дипломатического этикета, прямо сказать Стоквелу о том, что представляет собой «ИПК» и ее грабительская политика.

Ныне в Багдаде обнародуются все новые цифры, показывающие, какого размаха достигла в Ираке грабительская деятельность западных нефтяных гангстеров. Вот лишь некоторые из этих цифр. В 1968 году капиталовложения «ИПК» и двух ее дочерних компаний составили 656 тысяч иракских динаров, а их чистая прибыль выразилась в сумме, превышающей 157 миллионов динаров. В 1969 году эти цифры составляли соответственно 500 тысяч и 159 881 тысячу динаров. Владельцы «ИПК» получали примерно 55 из 65 долларов за продукты из каждой тонны иракской нефти. Отказываясь выплачивать некоторые обязательные отчисления и налоги, концерн задолжал правительству ни много ни мало около 343 миллионов долларов. Сейфы «ИПК» буквально ломились от золота, в которое превращалась иракская нефть!

«Заповедное нефтяное поле» «ИПК» было поистине страшным местом, где царила жесточайшая эксплуатация человеческого, в том числе и детского, труда. Когда же рабочие-нефтяники, доведенные до отчаяния, поднимались на забастовки (как это было, например, в 1946 году), их беспощадно расстреливали из пулеметов. И вот что характерно: безжалостно эксплуатируя иракских рабочих, экономя на самых необходимых социальных мероприятиях, на охране труда, на технике безопасности, не останавливаясь перед тем, чтобы во имя увеличения прибылей обречь тысячи людей на голод и нищету, «ИПК» не жалела денег на одно: на пропаганду собственной деятельности «в пользу Ирака». До недавнего времени нефтяные гангстеры содержали в Киркуке даже собственную киностудию, на которую была возложена одна-единственная задача: выпускать ежегодно несколько слащавых пропагандистских фильмов, повествующих о том, как «процветает» народ Ирака на подачки монополии.

— Поистине лицемерие западных нефтяных королей может сравниться разве только с их богатством! — иронически заметил рассказавший мне эту историю известный багдадский кинорежиссер Альрави Абдул Хади.— Баснословные прибыли — вот то главное, что определяет всю политику западных монополий. Ослепленные блеском золота, они из кожи лезут вон, чтобы туже затянуть узел «нефтяного бойкота» Ирака, активизировать реакционные элементы внутри страны, разжечь вражду между арабами и курдами, противопоставить друг другу наши ведущие общественно-политические силы, поссорить нас с соседями...

«ТАЛАМУН» ЗНАЧИТ СОЛИДАРНОСТЬ

Законные и смелые меры правительства Ирака встретили широкую поддержку в разных странах мира. Соседняя Сирия, выступая в поддержку этих мер, объявила о национализации проходящего по ее территории нефтепровода Киркук — порт Баниас. Провозглашенный Багдадом закон о национализации поддержали Египет, Алжир, Ливан, Кувейт, другие арабские страны, а также такие широкие и важные форумы, как конференция арабских стран по вопросам нефти (ОАПЕК), конференция организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). В резолюции, принятой на состоявшейся недавно в Багдаде международной профсоюзной конференции, подчеркивается, что национализация «ИПК» — важный вклад в осуществление лозунга «Арабская нефть — арабам!».

Новой яркой демонстрацией того, что фронт антиимпериалистических сил растет и крепнет, явилась состоявшаяся в августе в Багдаде Международная конференция солидарности с иракским народом. В зале столичного университета «Мустансирья», где проводилась конференция, можно было видеть посланцев всех континентов, прибывших в Ирак более чем из 50 стран мира, представителей Всемирного Совета Мира, Организации солидарности народов Азии и Африки, Всемирной федерации профсоюзов, Межарабской федерации профсоюзов, многих других массовых общественных организаций. Горячей овацией встретили участники этого форума слова президента Ирака Ахмеда Хасана аль-Бакра, который заявил, что национализация «ИПК» — законный и справедливый шаг, ибо он передал «черное золото» страны в руки его единственного и полноправного хозяина — иракского народа. «Пусть знает народ Ирака, пусть он всегда помнит о том, что он не одинок в своей борьбе, что на его стороне все прогрессивные силы мира!» — заявил с трибуны конференции Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

* * *

...Перед тем как покинуть Багдад, я вновь зашел в министерство информации — попрощаться, поблагодарить за внимание и помощь. Плаката с изображением рабочего, который выметает империалистов с карты Ирака, уже не было на стене. На его месте висел большой цветной фотомонтаж: нефтяные вышки в пустыне Киркука, солнце, поднимающееся из-за горизонта, бросает первые светлые блики на молчаливые холмы, на уходящую в пески нить нефтепровода, на металлические бока нефтехранилищ. Над Киркуком занимается утро...

Киркук — Багдад — Москва,
сентябрь.

ТСЯ УТРО

ГОРИЗОНТЫ УРАЛО-КУЗБАССА

В наращивании мощного экономического потенциала страны — в 1971 году Советский Союз превзошел Соединенные Штаты по производству стали — Урало-Кузбасс, или, как он назывался вначале, Урало-Кузнецкий комбинат, занимает особое место. Формирование первого промышленного комплекса осуществлялось по ленинскому плану и вошло в историю СССР беспримерным подвигом советского народа, воздвигнувшего Магнитку и Новокузнецк. Что представляет собой Урало-Кузбасс сегодня? Каковы его перспективы? Как живут, о чем мечтают его люди?..

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

I. РУКИ МАГНИТКИ

Судьба всего Южного Урала теснейшим образом связана с Магниткой. Да не только Южного Урала — всей страны. Подымался в Свердловске «Уралмаш», на Волге — тракторный, в Нижнем Новгороде и Москве — автомобильные заводы, а расчет был на нее, Магнитку. Магнитогорский металл ждал Ленинград. Что же касается Челябинской области, то без Магнитки она не стала бы тем, чем стала: здесь производится металла примерно столько же, сколько во всей Франции. Не столь стремительно превратился бы в бастион индустрии и торговый, мукомольный, кожевенный Челябинск: в нем до революции был лишь один заводик по сборке сельскохозяйственных орудий, и тот принадлежал иностранной фирме «Столль и К°». Но вот от станции Карталы к станции Магнитной пришел жарким июньским днем в двадцать девятом первый поезд... События разворачивались точно по плану, начертанному ГОЭЛРО.

Будущая столица черной металлургии получила прямой выход в Кузбасс, правда, не близкий и не легкий — две тысячи километров. Поразительна гениальность ленинского предвидения, смелость, с которой был совершен дерзкий бросок в Сибирь. Артерия жизни будущего комплекса должна была работать с точностью часового механизма, как маятник: с запада на восток — руда, с востока на запад — уголь. Первый эшелон угля прокопьевские шахтеры прислали в тридцатом. В том же году из провинциального городка Томской губернии — Щегловска (так называлось раньше Кемерово) вернулась группа фэзэушников, будущих аппаратчиков коксохимического производства Магнитки. В Щегловске, на коксохимическом заводе, построенном еще при Ленине, магнитогорские комсомольцы проходили практику. В Челябинск поезд прибыл ночью. Привокзальные фонари высвечивали объявление: «Завербованные на Челябинский тракторный завод собираются за углом»... Одновременно с Магниткой строился Челябинский тракторный. В затылок Магнитке, равняясь на нее, выстраивался один завод за другим. Особенно много появилось их на юге Урала в войну и после войны: металлургический, трубопрокатный, автомобильный, «Южуралмаш»... И уже не просто действовал, трудился маятник «уголь — руда»: с Урала пошли на восток прокат, машины, трубы, нужные заводам и стройкам Сибири и Средней Азии. Об этом, о перспективах области рассказывал мне в Челябинске

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ПАРТИИ МИХАИЛ ГАВРИЛОВИЧ ВОРОПАЕВ

— До нас порой доходят разговоры о некоей стабилизации, о «потолке», которого Урал достиг, исчерпав якобы свои природные ресурсы. Источник слухов — сколь поверхностная, столь и субъективная информация. Действительно, в нынешней пятилетке в нашей области не намечается сооружать, если брать черную металлургию, новые доменные печи и сталеплавильные агрегаты. Тем не менее выплавку чугуна предстоит увеличить на десять миллионов тонн; стали — на двадцать один миллион — это семнадцать процентов общесоюзной выплавки; выпуск проката — на двенадцать миллионов; стальных труб — на одну целую семь десятых миллиона тонн. Такой прирост соответствует мощности очень крупного, каких еще нет в мире, комбината, а он у нас будет достигнут на существующих предприятиях. За счет чего? Так же, как у наших соседей свердловчан, за счет реконструкции, внедрения самой передовой техники и повышения производительности труда. Кстати, затраты на реконструкцию в два с половиной — три раза меньше, чем на строительство новых мощностей с тем же объемом выпускаемой продукции. На Челябинском и Златоустовском металлургических заводах прибавку в выплавке стали обеспечат новые, прогрессивные способы ее производства. Трубопрокатчики нашли оригинальное решение для изготовления новых труб на тех же площадях. Что же касается Магнитогорского металлургического комбината, то он всегда шел правофланговым в борьбе за технический прогресс. Это и обеспечивает ему чрезвычайно высокий уровень производства, который в ближайшие пять—десять лет вряд ли какой-либо из заводов-претендентов сумеет превзойти. Магнитка подобна богатырю, достигшему зрелого возраста: самые трудные рубежи взяты, но он еще очень многое может свершить. Возьмите сталеплавильное производство. За последние десять лет мартенов не прибавилось. А количество выплавляемой стали растет из года в год. Магнитогорцы творчески решили проблему: переделывают мартены. В 1967 году здесь заработала первая в СССР двухванная печь. Сегодня в цехе № 1 уже три таких своеобразных стационарных конвертора. Они-то и обеспечили «привесок» стали в сотни тысяч тонн. Не случайно цеху присуждено первое место в стране по итогам работы за второй квартал этого года. На бюро обкома партии несколько месяцев назад мы слушали сообщение сталевара этого же цеха А. Ракицкого. Мартеновцы печи № 29 составили комплексный план мероприятий по повышению эффективности производства. Бюро обкома одобрило их начинание.

СОЮЗУ ССР 50 ЛЕТ СОЮЗУ ССР

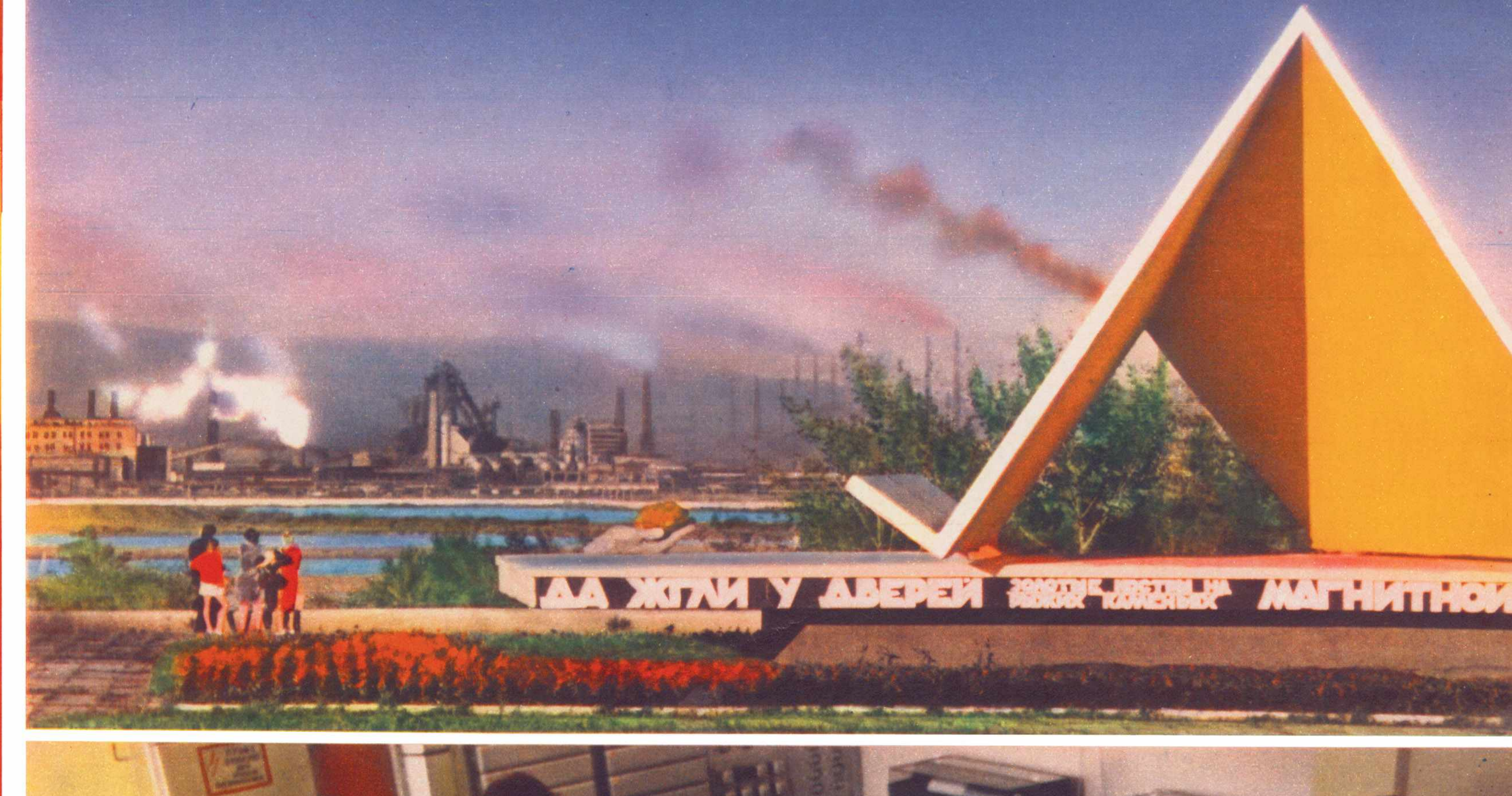
На металлургических предприятиях области разработано уже 650 таких планов.

— Борьба за технический прогресс и перевооружение,— продолжал М. Г. Воропаев,— коснется всех отраслей промышленности Южного Урала. Второе рождение переживает детище первой пятилетки—Челябинский тракторный. Уже строятся новые корпуса, вводятся десятки автоматических и поточных линий. К концу пятилетки завод вырастет на одну треть, а потом вдвое. Все это должно происходить параллельно с освоением выпуска мощного трактора на гусеничном ходу «Т-130». Подобный процесс реконструкции и наращивания мощностей происходит и на Миасском автомобильном заводе, Челябинском трубопрокатном, на старинных заводах в малых городах, которые, казалось, были обречены и медленно угасали. Вот, например, металлургический завод в Аше. Кроме неприятностей, он ничего не причинял, был планово убыточным. В конце пятидесятых годов здесь построили цех горячекатаного листа, и предприятие стало рентабельным. Сейчас в Аше налаживается самое современное производство прецизионного листа, необходимого цветному телевизору. Новую жизнь начинает город Пласт. Тут реконструируются шахты. Вторая молодость ожидает город уникаль-

«Мы жили в палатках с зеленым оконцем...»

Самая современная техника помогает управлять Магнитогорским металлургическим комбинатом.

Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат в Казахстане. Здесь работают старший агломератчик А. Кузнецов, начальник вскрышного участка Ф. Клюка, машинист экскаватора А. Кубеков.

ДА ЖГЛИ У ДВЕРЕЙ
МАГНИТНОЙ

Магнитогорских труб многорядье...

Будет сталь! (вверху)

Цветы лучшим металлургам.

Подручный сталевара 1-го мартеновского цеха Андрей Чернобровин.

У горняков Рудного есть свое «море»...

Спортивный парад открывают самые юные.

Озеро Банное, что под Магнитогорском, всегда привлекает туристов...

ных мастеров высшего класса — Златоуст. Как видите, Южный Урал омолаживается.

— А каковы перспективы Магнитки? Не лишила ли она себя, израсходовав свою подземную кладовую, возможности роста?

— Я не разделяю такой точки зрения,— отвечал Михаил Гаврилович. — Близость к источникам сырья давно перестала быть определяющим фактором. Об этом говорит и зарубежный и отечественный опыт. В Японии, как известно, нет своей руды, но посмотрите, как бурно развивается в этой стране черная металлургия. По выпуску стали Япония идет сейчас третьей в мире. А наши молодые заводы Череповец и Запсиб? Они полностью работают на привозном сырье. Запсиб руду получает из Коршунихи, почти за две тысячи километров. А у Магнитки руда под боком — в братском Казахстане. Ее там предостаточно. Значит, не сырье главное. Мне известно о двух вариантах перспективного развития комбината. По одному предполагается заменять постепенно мартены конверторами и развивать прокат. Другой вариант выдвинут самими магнитогорцами. Они предлагают строить конверторные и прокатные цеха на соседней с комбинатом площадке, то есть, по существу, прирастить к действующей еще одну Магнитку. Что говорит в их пользу? Наличие великолепных кадров, готовой, сложившейся энергетики, коксохимического и доменного производства, которые надо будет лишь реконструировать. Предложение магнитогорцев нам представляется заслуживающим внимания.

ДИРЕКТОР КОМБИНАТА АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ФИЛАТОВ ПРОДОЛЖИЛ РАЗГОВОР О МАГНИТКЕ

— Каким же образом да и возможно ли будет осуществить управление таким сверхгигантом, металлургическим концерном? — переспросил он. — Да уже и сейчас руководить Магниткой очень нелегко: тут многие десятки цехов, управлений, отделов. Помогает вычислительный центр, централизованная диспетчерская служба, автоматическая информационная служба — АИС, словом, автоматика, телемеханика, электроника. Следующий этап — расширение комбината за счет новой площадки и внедрение автоматизированных систем управления — АСУ. Экономически это оправдывается. Общеизвестно: чем бо́льшие мощности и производственные фонды сосредоточиваются в одних руках, тем рентабельнее предприятие. Прибыли таковы, что Магнитка окупает себя каждые три года.

— Как на рентабельности отражается привозная руда? Магнитогорский металл считался самым дешевым в стране...

— Считается так и сейчас, хотя чугун и сталь у нас несколько подорожали, примерно на два рубля за тонну. Но все равно себестоимость их останется более низкой, чем на других заводах, даже когда мы перейдем через несколько лет полностью на привозное сырье. Пока нас «подкармливает» родная Магнитная, но это ее последние пайки. Магнитогорские месторождения сослужили, как известно, великую службу Родине в самую трудную для нее годину. Благодаря им комбинат смог колоссально развернуться и принять в свое лоно в Великую Отечественную войну эвакуированные цеха «Запорожстали», завода имени Ильича и других предприятий Юга. Каждая вторая «тридцатьчетверка», каждый третий снаряд были сделаны из магнитогорской стали. Не случайно западная пресса писала, что «Магнитка победила Рур». Но ведь наша руда шла не только на комбинат, но и на многие другие заводы. Расход был огромным, запасы горы Магнитной таяли очень быстро, и в конце сороковых годов остро встала проблема сырья. Вначале картина была действительно довольно мрачная, но это до тех пор, пока по соседству, в Кустанайской области, граничащей с Челябинской, не были открыты богатейшие месторождения железных руд. Первым начало эксплуатироваться Соколовское, еще в 1957 году. Сегодня Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат — ГОК — главный наш поставщик. Однако он работает не только на нас. У него много «едоков», на все «рты» не хватает, вот и приходится возить нам руду из центра страны, с КМА—Курской магнитной аномалии. Нам бы поскорее Качар раскрыли и прикрепили бы его к нам! Качар — это очень перспективное месторождение невдалеке от Соколовки и Сарбая. Его руда будто специально для нас предназначена. По своему составу близка к магнитогорской. Очень нужен нам Качар!

Я попросила Андрея Дмитриевича Филатова перечислить главнейших потребителей магнитогорского металла,— Магнитку строила вся страна, 150 городов и заводов слали ей оборудование, детали и материалы. Что дает Магнитка стране сегодня? И оказалось, что назвать ее только самых крупных потребителей невозможно: КамАЗ, Нурек, ВАЗ, «Ташсельмаш», рижский ВЭФ, Тираспольский консервный, Клайпедский судоремонтный, Душанбинский завод холодильников, Харьковский тракторный... Если считать по алфавиту, по названиям городов и заводов, то на букву «А» набралось свыше ста пятидесяти. Директор комбината привел главнейшие отрасли промышленности: автомобильная (ни одна грузовая, ни одна легковая машина не получится без магнитогорского металла), сельскохозяйственное и дорожное машиностроение, судостроение, радио- и электротехническая промышленность, производство консервов, холодильников и, конечно, стройки от мала до велика. Пятьсот вагонов различного вида проката отправляется ежедневно с комбината. Миллионы тонн металла — семи тысячам адресатов плюс к тому десяткам зарубежных стран. Вот они, щедрые руки Магнитки!

II. ТРЕТИЙ ПАРТНЁР

Качар — озеро в однообразной, плоской степи. Оно и дало имя месторождению руды, так нужной Магнитке. Издали воды и не видно: идешь, идешь — и вдруг камыши. Озеро заросло, заилилось, но в нем пресная вода, а вокруг, где ни копни,— горько-соленая солонцовая.

Однажды прикатили сюда геологи. Поставили фанерные палатки, выкопали землянки. Зимой в озере вырубали изо льда бруски и, набив ими мешки, везли их на санях к своим жилищам. Вода была драгоценностью. Охотились на зайцев, вылавливали в Качаре карасей — словом, жили, как робинзоны, и работали, как одержимые. Через каждые двести, а то и пятьдесят метров бурили скважины. Первая была пробита в День Победы — 9 мая и выдала отличный керн. Магнитогорцы, когда узнали об этом, примчались смотреть, чуть ли не своими силами хотели строить рудник. Кусочек этого керна лежит на моем письменном столе — темно-серый, плотный, почти как готовый чугун.

К 1957 году, когда с Соколовки в Магнитогорск был отправлен первый эшелон казахстанской руды, геологическая картина богатейшего месторождения стала ясна. Небольшая площадка, размером четыре на пять километров, содержит три по крайней мере Магнитных горы. Но вся беда в том, что эта замечательная руда покоится под стошестидесятиметровой толщей, или, как говорят горняки,— покрывающей породой.

Как избавиться от нее? Одни специалисты предлагают вести разработку открытым способом. Другие тут же оспаривают их: «Это же будет не карьер, а каньон,— представляете, отвал гигантской высоты, где его разместить? — И отстаивают свою точку зрения: — Только подземным способом!» «Но это же слишком дорого! — восклицают третьи и доказывают: — А если с помощью взрыва освободиться от породы? Может быть, даже атомного!» Споры, бурные дискуссии, обсуждения на разных уровнях — в институтах, управлениях, министерских комиссиях идут на полном накале. Идут уже свыше десяти лет!

Министр черной металлургии СССР И. П. Казанец вынужден был недавно на одном из совещаний констатировать, что в результате отставания исследователей и поныне не разработано оборудование, позволяющее вскрыть Качарское месторождение.

А что же делается на Качаре?

...Июнь семьдесят второго года. Возле озера вырос поселок. Побеленные дома стоят в окружении тополей, акаций и огородов. За двадцать лет можно окультивировать даже солонцы. В поселке школа-десятилетка, детский сад, электрический свет, артезианская скважина. Но поселок, как остров в океане. Дорога к нему грунтовая. И зимой и в распутицу он оказывается отрезанным даже от совхоза. Почему? Тоже понятно: живут в поселке не горняки и не строители — они бы давно проложили шоссе,— а по-прежнему ко всему привычные геологи. Геологическая партия успела превратиться в экспедицию. В радиусе ее действия многие районы Кустанайской области. Найдены минералы, руды, редкие металлы... На главном подземном сокровище Качара — руде — это, однако, никак не отразилось. Пока ученые спорят, строители или те, кто стоит над ними, не торопятся потревожить его покой. Десять лет прокладывается от Рудного к Качару асфальтовое шоссе длиной всего сорок восемь километров. Три года железнодорожники тянут 18-километровую ветку. Ну, просто как в сказке: тянут-потянут — вытянуть не могут. Геологам только во сне видится их сбывшаяся мечта: рудники, карьеры, почти такие же красивые, как в Соколовке или Сарбае, с шагающими или роторными экскаваторами и скреперами, днепропетровскими электровозами, челябинскими бульдозерами, семидесятипятитонными «БелАЗами», калининградскими думпкарами, наполненными рудой. Снятся им каменные дома со всеми удобствами. Какому разведчику недр не хочется при жизни увидеть плоды своих усилий, поисков!

По соседству, в Лисаковке, сны уже оборачиваются явью. Тут растет горно-обогатительный комбинат и городской поселок. Но лисаковские руды бедны железом и содержат фосфор, не годятся мартенам, их способны перерабатывать конверторы. А на Магнитке мартены, Магнитка ждет качарскую руду! Ждет и подсчитывает убытки. Дорого ей обходится руда, которая идет с Курской магнитной аномалии,— высок железнодорожный тариф. Эти транспортные расходы пустить бы на сооружение Качарского рудника. Он быстро окупит себя! Время, как говорят,— деньги.

В приказе по Министерству черной металлургии СССР от 6 мая этого года говорится: «Разработать и осуществить мероприятия по форсированному строительству Качарского горно-обогатительного комбината». Не просто разработать, а осуществить и именно форсированно!

А какова позиция Госплана СССР?

— Задел, начало строительства Качарского ГОКа должно быть осуществлено уже в этой пятилетке,— сказал мне заместитель начальника отдела черной металлургии Госплана СССР Е. Ф. Москальков.— Прежде всего нужны рабочие чертежи проекта и техническая документация. Мы их давно ждем! Пора от слов переходить к делу!

В приказе по Министерству черной металлургии говорится и о других месторождениях Кустанайской области — Лисаковском и Куржункульском, о наращивании мощностей Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. Все они предназначены главным образом для снабжения рудой уральских заводов и Запсиба. Границы Урало-Кузбасса, его горизонты как бы раздвинулись. В систему комплекса третьим солидным партнером вошел Северный Казахстан. О том, как способен разворачиваться этот партнер, видно на примере Соколовки. Крупнейший в стране Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат и современный, благоустроенный, красивый город Рудный были построены в очень короткие сроки. Комбинат досрочно достиг проектной мощности и первым в Советском Союзе освоил изготовление окатышей — специально для домен Магнитки. ЦК КП Казахстана и Совет Министров республики приняли все меры для того, чтобы комбинат был введен в действие как можно быстрее и лучше. С таким бы вот напором подыматься и Качару!

Заместитель главного инженера Соколовско-Сарбайского комбината Александр Петрович Фролов показывает мне густо насыщенные техникой карьеры, строящиеся подземные рудники, обогатительные фабрики, поселки, начинающие зеленеть облепихой и смородиной отвалы грунта, ремонтно-механические заводы. Огромное, сложное хозяйство нарушило идиллический покой кустанайских степей.

— Наш ГОК тут первый, но не последний. — Фролов подходит к карте. — На так называемом Тургайском прогибе, идущем с юго-запада Урала на восток, обнаружено много месторождений, имеющих промышленное значение. Кроме Качара и Лисаковки, Куржункульское, Сорское, Ломоносовское, Алешинское, Аятское, Шагыркульское. Общие запасы этого подземного созвездия определяются многими миллиардами тонн. Была кустанайская степь хлебной целиной. Теперь она известна и как целина рудная. Эта богатая степь ждет своих покорителей!

Окончание следует.

Н. ИВАНОВ

ПОДВИГ В НЕБЕ

Бывают в жизни встречи, которые не забываются. Человек на вид вроде бы обычный, неприметный. А узнаешь его поближе — и откроется в нем характер недюжинный...

Скромная должность у Петра Павловича Десницкого, моего нового знакомого. Он инспектор по кадрам в совхозе имени Ленина в Ивне, Белгородской области.

Вырос он в деревне. Из той поры запомнился ему в голубом небе серебристый самолет, который однажды пролетел над селом. Потому, видно, запомнился, что редкой была в те годы эта птица в наших небесах.

В 1933 году его призвали в армию. В военкомате спросили, где хотел бы служить.

— В авиации, — ответил Петр. И повторил: — Да, в авиации.

Наверное, было столько убежденности в его ответе, что желание его учли. Направили в школу младших авиационных специалистов...

Это произошло в один из учебных полетов. Он протекал нормально. И вдруг сорвало антенну. Связь с землей прервалась. Из полуоткрытой двери машины Петр, рискуя выпасть, сумел подтянуть оборванный провод, закрепить его. Рисковал ли он тогда? Конечно. Но бывает оправданный и показной риск. На этот раз он диктовался необходимостью. И когда на земле командир анализировал полет, он как раз и заговорил об умении авиатора не переступать порога между смелостью и лихачеством. Крепко задумался тогда над этими словами Петр Десницкий.

Однажды вечером он увидел в газетах первые тревожные сообщения из Испании. В юго-западном углу Европы, на Пиренейском полуострове, — фашистский мятеж. В эти дни Петр читал все, что было связано с Испанией.

Вскоре он узнал, что создается Интернациональная бригада. Люди многих стран собрались в этом необыкновенном воинском соединении. Тогда-то стрелок-радист Петр Десницкий и подал заявление о зачислении добровольцем в авиационную часть, сражавшуюся в Испании. Просьба его была удовлетворена...

— Прибыли в испанский порт Картахена на Средиземном море, — вспоминает теперь Петр Павлович. — Стояла душная летняя ночь. На море полный штиль. Но в порту оживление. Картахена — военно-морская база Испании. У одного из пирсов пришвартовался и наш пароход, началась разгрузка. Мы привезли в трюмах разобранные самолеты. И еще бомбы, снаряды, патроны. Ну и поработали мы тогда!

На третий день после прибытия в Испанию Петр Десницкий совершил первый боевой вылет. Было получено сообщение, что в районе Мадрида мятежники потеснили республиканские части. Чтобы приостановить дальнейший отход, нужна помощь с воздуха... Вместе со своими товарищами Петр поднялся с Альбасетского аэродрома и взял курс на Мадрид. Быстро обнаружили позиции врага и сбросили бомбы. Когда летели обратно, столкнулись с фашистскими истребителями. Это был первый для него настоящий воздушный бой. Но с ним пришла и первая победа — после меткой пулеметной очереди фашистский истребитель задымил и пошел вниз...

Петр Десницкий летал с украинцем Кузьмой Деменчуком и болгарином Волканом Гарановым. Вылеты следовали один за другим, отдыхать было некогда.

...Три часа ночи. Тревога. Под Мадридом обнаружены замаскированные артиллерийские позиции врага. Командир группы приказал во что бы то ни стало уничтожить их. Одна за другой машины взмывают в небо.

Когда приближались к цели, противник открыл сильный заградительный огонь. Но самолеты упрямо шли к цели. Первым взрывчатый груз сбросил бомбардировщик капитана Ларакко, за ним — лейтенанта Проскурина, последним кнопку бомбосбрасывателя нажал лейтенант Петр Десницкий. Вверх от земли поднялись клубы черного дыма. Артиллерийские расчеты фашистов были уничтожены.

...Два месяца летал в небе Испании Петр Десницкий. Разные бывали полеты. Но особенно запомнился последний.

— Наш самолет оторвался тогда от земли третьим, — рассказывает Петр Павлович. — Обязанности первого летчика выполнял Волкан Гаранов, второго — Кузьма Деменчук, а я, как всегда, был штурманом и стрелком. На старой французской машине не было радио. Выполнили задание, разбомбили вражеские позиции и возвращались на базу. Вдруг видим впереди восемь вражеских истребителей...

Петр встретил «мессеров» короткими очередями: лететь далеко, надо беречь патроны. Две фашистские машины загорелись и упали. Но остальные не отставали. Вражеские трассы мелькали то слева, то справа. Вот замерли лопасти одного винта. Задымил мотор. Но командир корабля, умело маневрируя, повел поврежденный самолет на посадку. Погода была ясная, безветренная, но машину беспрерывно болтало. Вскоре колеса коснулись земли. Пробежав немного по зеленому полю, самолет остановился на республиканской территории. Подрулили к полевому ангару. Тогда только выяснилось, что у Петра Десницкого перебита нога. Одна пуля попала в бок. В пылу боя он даже не почувствовал ранений. Авиатехники тщательно осмотрели самолет. Они обнаружили пятьсот пробоин.

Десницкого отправили в полевой госпиталь неподалеку от Мадрида.

Однажды здесь побывал известный советский писатель Михаил Кольцов, находившийся в те дни в Испании. Он подробно расспрашивал о жизни, учебе, боевых подвигах советских летчиков, танкистов, артиллеристов. Потом начал рассказывать о мужественных людях Испании, об интернациональных батальонах, сражающихся под знаменами Гарибальди, Домбровского, Тельмана, Авраама Линкольна...

Петр Десницкий говорит о Кольцове:

— Позже я читал его книгу «Испанский дневник». Он очень правдиво рассказал о первой схватке с фашистами...

Запомнилась Петру Десницкому и другая встреча в госпитале — встреча с Долорес Ибаррури. В дни борьбы с фашизмом многие бойцы видели ее на фронте. Она находила время навестить раненых воинов. Не проходило дня, чтобы фронтовики не слушали воодушевляющий голос Пасионарии. Ей рассказывали о мужестве русского летчика Десницкого. Когда она узнала, что он ранен и лежит в госпитале, она приехала к нему.

— Русс будет жить! — сказал ей врач-испанец.

Когда Десницкий немного поправился, его отправили в Мадрид. Летать он уже не мог. И друзья проводили его на родину.

— Педро, фашизм будет побежден, — говорили, прощаясь с Десницким, летчики-испанцы.

В Москву Петр вернулся больным. Долгое время пролежал в госпитале. Выздоровев, Десницкий снова в авиации.

За геройский подвиг, совершенный при выполнении специальных заданий правительства, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

А в годы Великой Отечественной войны он снова вместе со своими товарищами дрался с фашистами на Украине, на подступах к Москве, на Курской дуге, в Прибалтике, громил японских самураев в Китае и Корее.

— А как вы попали в совхоз?

— Очень просто, — улыбается Петр Павлович, — демобилизовался, ушел на пенсию. Потянуло в родные места, где проходили детские годы, где впервые увидел в небе самолет. Вот и приехал в Ивню.

...Я слушал его и снова думал о том, что бывают встречи с людьми, которые не забываются. Узнаешь поближе такого неприметного на вид человека — и откроется вдруг характер недюжинный, судьба значительная.

ЭС

О чем бы ни писал большой советский поэт Максим Танк — о родной Белоруссии или о далеком Гудзоновом заливе, о тувинских аратах или польских гуралях, — он всегда остается самим собой. В страстной публицистике и в лирических раздумьях мы узнаем его самобытную интонацию. Стих его то мелодичен, как народная песня, то предельно раскован. Но и в классически строгой строфе и аритмии верлибра слышится его голос. Красками, запахами, звуками белорусской природы насыщены его строки. Но, открывая для себя новые земли, он переполнен ощущением братства, он чутко воспринимает все, что дорого друзьям.

Сорок лет работает в поэзии белорусский мастер. Книги его вобрали в себя пережитое — революционное подполье в панской Польше, где прошла юность поэта, фронтовые годы, послевоенные годы — от Беловежской пущи до сибирской тайги, от Бреста до Нью-Йорка.

Впервые о Максиме Танке я услышал еще в тридцать девятом, в Гродно, в пору освободительного похода в Западную Белоруссию. А в сорок первом на Брянском фронте мне посчастливилось познакомиться с ним и подружиться на всю жизнь. Переводя его стихи, встречаясь с ним в Москве и в Минске, беседуя у костра на берегу Нарочи или при свете ночного солнца за Полярным кругом, я все ближе узнаю его. Мне кажется, что за все эти долгие годы он не изменился. Вообще трудно представить себе, что прошло столько времени с тех пор, как я увидел его впервые.

Конечно, сейчас он выглядит не так, как тогда. Шестьдесят — солидная дата. Сколько бы поздравители ни убеждали юбиляра, что он по-прежнему молод, возраст есть возраст. И человек, увы, ощущает его. Утраченное с годами невосстановимо.

Но, к счастью, истинная поэзия не столь зависима от возраста.

Когда-то, очень давно, появились шутливые строки Танка:

Стихи начинаю все хуже
писать,
Пора выбирать академиком...

Но вот он уже и вправду избран в Белорусскую Академию наук, а в сегодняшних стихах его сохранился юношеский запал. В них все та же душевная чистота, острота восприятия, все та же неуемная щедрость, которая порой кажется избыточной. Однако, не утратив ранней свежести, поздние стихи его обретают новые черты. Строже отбор, весомей слово, насыщенней мысль.

Таков сегодняшний Танк, вступивший в свое шестидесятилетие, — порывистый и мудрый, ищущий и зрелый, меняющийся и неизменный.

Пожелаем ему счастья во всем!

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Максим ТАНК

ТАФЕТА ОГНЯ

* * *

Проверяю
Эстафету:

Прометей, сумевший вырвать огонь
Из рук всесильного Зевса,
Успел
Перед тем, как его заковали в цепи,
Передать головешку
Моему далекому предку.
Тот
Негасимую горстку углей
Передал своему сыну...
И так — из рук в руки —
Передавали огонь,
Покуда он под надежной опекой
Моей ненаглядной матери
Не затеплился в нашей хате.

Нынче пламя я берегу!

Но как же могло случиться,
Что этот бессмертный огонь
Попал и в преступные руки,
Которые пепелищами
Землю мою покрыли,
А теперь пытаются снова
Планету залить напалмом?

Проверяйте везде и всюду,
Ежедневно и ежечасно
Эстафету
Огня!

* * *

На древе памяти
С каждым годом
Все больше плодов.
Иные ветви,
Чтобы им не сломаться,
Я подпираю плечом,
Но они все гнутся к земле,
Все гнутся...

* * *

У свежей поленницы
Я долго дышу ароматом
Смолы, коры, опилок и щепок.
В любую погоду
Мне слышится здесь
Гул отшумевших деревьев,
Кукованье и щебет.
Я углубляюсь в такие чащи,
Откуда меня возвращает лишь оклик:
— Эй, послушай, куда ты запропастился?

Лучше меня посылать за смертью,
Чем по дрова,
Когда вы мечтаете о том,
Чтоб поскорей загудело пламя,
Чтобы вскипел котелок
С картофелем.

* * *

Над узенькою речкой
Мостки под нами гнутся,
И нам на тех дощечках
Никак не разминуться.

Да и терять друг друга
Нам ни к чему, пожалуй,
Среди родного луга,
На переправе малой.

Сюда без приглашенья
Торопимся мы, зная,
Что наши отраженья
Сближает гладь речная.

* * *

— Знакомая сосна над отчей милой хатой,
Ты обросла корой, замшелой и щербатой...

— Я, веткою прильнув к твоей щеке, узнала,
Что и твое лицо морщин хранит немало...

ГОМЕР

— Брось, певец «Илиады»
Свой труд бесконечный,
Отдохни хоть немного,—
Говорили друзья и родные,—
Мало славы тебе,
Вызывающей зависть Олимпа,
Вновь связал ты судьбу
С Одиссеем — бездомным бродягой.
Не отыщешь ты с ним
Ни покоя, ни счастья, ни денег...
Ты, наверное, слеп.
Ты не видишь, как дом твой запущен.
Сквозь дырявую утлую крышу
Ветер запросто может просеивать
Звезды, капли дождя и окрестную пыль.
Двор покрылся колючей травой.
Сам оброс ты, как будто сатир,
И увяз в неоплатных долгах.
Ты, наверное, слеп —
Ты заметить, увы, не желаешь,
Как терзается Навсикая,
Как не сводит с тебя она
Глаз, безнадежно влюбленных,
Когда утром приносит
Тебе твою скромную пищу —
Чашу меда и хлеба ломоть.
Ты же, делом своим поглощенный,
Забываешь сказать: — Спасибо!
Ты давно не бываешь в храме,
Ты, безумец, не ходишь даже
На Олимпийские игры.
Кто-то начал уже сомневаться
В том, что ты существуешь.
Кто-то начал уже доказывать,
Что не ты сотворил «Илиаду».
Ты, наверное, слеп...

Им вопросом ответил Гомер:
— Может, вовсе не я,
Может, вы безнадежно незрячи? —
И, на них не взглянув,
Вновь поплыл со своим Одиссеем
В бесконечность,
В огромную вечность.

* * *

Окна покрыты листвой ледяной,
Смутными снами, тревогой ночной.

Ах, если б снова дыханье твое
Вздуло очаг, обогрело жилье.

Если б на этом застывшем окне
«Скоро приду!» начертала ты мне.

* * *

Скажи, когда заручины?
Весна ведь коротка.
Неужто не наскучило
Все повторять: — Пока...

Но коль других не помнишь ты
Живых и нежных слов,
Ты их займи у полночи,
У здешних соловьев.

У яблонь зацветающих,
У ветра, у костра...
Неужто не пришла еще
Желанная пора?

Товарищ неразлучный мой —
Баян — грустит опять.
Не время ль на заручинах
Веселую сыграть?

ДИАЛОГ С ДИОГЕНОМ

— Кого, мудрец, ты ищешь с фонарем?
— Признаюсь вам, ищу я человека.
— Ужель его нельзя в Афинах встретить?
— Трудней, чем кажется. Он—в заточенье.

— А сам куда собрался ты идти?
— Не знаю... Я приговорен к изгнанью.
— За что ты так безжалостно наказан?
— За то, что все ищу я человека.

* * *

Не знаю, что мать Земля
Еще сотворит из меня.
Был я когда-то
Стебельком весенней травы,
Каплей живицы
На стволе нарочанской сосны,
Пехотной винтовкой,
Лемехом плуга,
Песней.

Поэтому не закрывайте наглухо двери,
Когда распрощаюсь с вами.
Не торопитесь
Валуном обомшелым
Заваливать
Мой последний окоп.
Погодите,
Покуда не завершится
Творчество матери Земли.

Даже на кладбище,
Ухом припав к перекопанной почве,
Вы услышите:
Ей, как и всюду, не дремлется.
Тем, кто уснул, она неустанно
Поет колыбельные песни,
А деревья и травы поит из весенних колодцев.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

В нынешнем году венгерская столица отмечает столетие объединения Буды, Обуды и Пешта в город Будапешт. В конце сентября туда съедутся на торжества мэры европейских столиц.

Каким предстает сегодня гостям город-юбиляр? Об этом рассказывает публикуемый очерк.

БУДАПЕШТ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А. ТЕР-ГРИГОРЯН

Я стою на горе Геллерт, которую венчает монумент Освобождения — созданный венгерским скульптором Штроблем памятник советским солдатам, павшим за Будапешт, за Венгрию. Гора Геллерт давно уже сделалась отправной точкой репортажей о венгерской столице. Я хотел было изменить этой традиции, но не смог: слишком уж захватывающее зрелище — вечерний Будапешт сверху, нарядный, сверкающий, опоясанный широкой лентой Дуная. В облике чудесного города приезжий почти всегда узнает черты, знакомые с детства. «Это же совсем как Тбилиси с фуникулера»,— убеждал меня один грузинский товарищ. «Совсем как в Братиславе»,— доказывал в Обуде, на площади Фё, друг из Словакии. «Вылитый Питер!» — поминутно восклицал ленинградец на проспекте Народной Республики. «Я как будто не уезжал из дому»,— говорил парижанин на восьмиугольной площади 7 Ноября.

На самом деле прямого сходства ни с одним из этих городов у Будапешта нет. Есть какая-то особая гармония линий и света, красок и звуков, вызывающая у людей ассоциации с родными местами.

Я смотрю вниз, на подсвеченные шпили парламента, на искрящуюся цветными огнями могучую реку, на легкокрылый полет моста Эржебет к нарядной и всегда праздничной улице Кошута, вглядываюсь в контуры дальних темных магистралей. Потом сажусь в машину и медленно еду в Вар.

Здесь, в Варе, все как было двести, триста, четыреста лет назад: гладкая брусчатка узеньких, извилистых улиц, притертые друг к другу двух-трехэтажные дома, старинные фонари. «Вар» значит «крепость». Этот островок средневековья на одном из будайских холмов, окруженный крепостной стеной,— одно из любимых мест для прогулок. Хорошо знают его и иностранные туристы. Здесь грандиозный собор святого Матьяша, колокольня которого видна отовсюду, Рыбацкий бастион, откуда открывается панорама Пешта. Здесь в подвалах средневековых зданий расположились бары и рестораны, каждый из которых имеет историческое прошлое, связан с преданием или легендой.

Едем дальше. Скорее туда, вниз, в Пешт, по Цепному мосту Сечени с каменными львами без языков. (Когда обнаружился этот изъян, скульптор, говорят, покончил счеты с жизнью.)

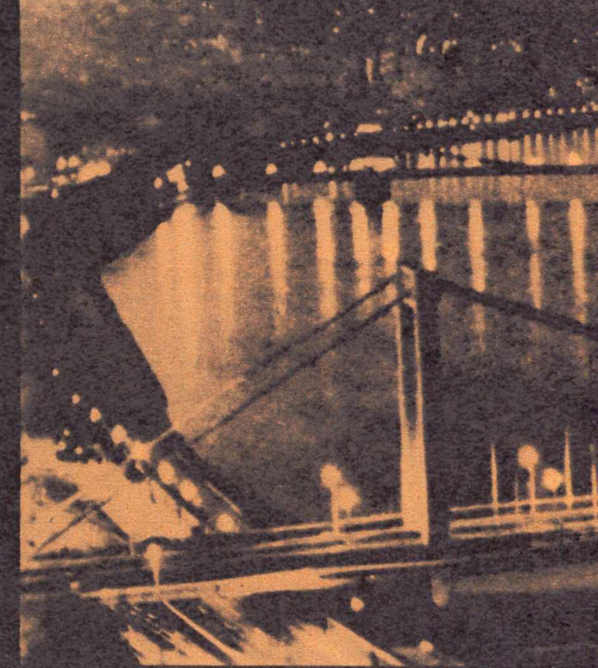
Почему в Пешт? Там много театров. Для того, чтобы понять, что значит театр в жизни сегодняшней Венгрии, достаточно сказать: 7 из 10 миллионов жителей страны регулярно посещали театр в минувшем году.

Несколько сезонов не сходила со сцены Будапештского театра имени Мадача комедия Эндре Фейеша «Игнац Воно». Сочный и острый язык, комические ситуации, шумный гротеск, неожиданно сменяющийся спокойным повествованием, позволяют режиссеру Имре Кереши максимально использовать особенности дарования каждого актера.

Действие пьесы начинается первой мировой войной и заканчивается разгромом контрреволюции 1956 года. И хотя в пьесе нет резонера, суть происходящего предельно точно передается зрителю, ибо подлинным резонером в пьесе является история нескольких десятилетий, хорошо знакомая каждому.

Неподалеку от площади Мадача, на улице Ваци, в «Пештском театре» идет пьеса Кароя Сакони «Адашхиба» («Телевизионное повреждение»), поставленная Золтаном Варкони, обличающая сегодняшнее мещанство. Пьеса рождает тревогу за судьбу молодого парня, героя пьесы, и призывает бороться с пошлостью мещанского существования.

Янош Комлош, директор театра политической сатиры «Микроскоп», посвятил недавно отнюдь не сатирическую пьесу Даниила Аля «Правду, правду, ничего, кроме правды» молодежи.

Вечерний Будапешт.

Временами действие пьесы — суд над Джоном Ридом — прерывается, чтобы актеры и зрители могли при полном свете поговорить о событиях сегодняшних. О классовых схватках в различных частях света, о непрекращающейся борьбе за свободу, о Че Геваре, о рабочем движении в нынешней Америке. Вопросы ставятся таким образом, что зритель не может молчать. Юноши и девушки в зале возражают, что-то поддерживают, спорят. Сцена и зал на какое-то время становятся одним целым. И потом, когда действие пьесы возобновляется, каждый из собравшихся в маленьком зале «Микроскопа» еще глубже ощущает связь времен, и события полувековой давности могучим эхом отзываются в сердцах, зовут к революционной бдительности.

...Я стою на набережной Бема, всматриваюсь в величественные контуры «Дома страны» — так можно перевести с венгерского слово «парламент». Здесь

помещается Государственное собрание — высший орган государственной власти Венгерской Народной Республики. Сейчас здание освещено прожекторами, и его отражение спокойно колышется в зеркале Дуная. А днем «Дом страны» — средоточие деловитости, воплощение государственной мудрости. Именно здесь идеи, выдвигаемые партией венгерских коммунистов, после всестороннего обсуждения превращаются в законы. Именно здесь Государственное собрание подводит практический итог всенародному обсуждению самых различных проблем, обсуждению, которое организует и направляет партия. Сюда, в «Дом страны», сходятся невидимые нити изо всех уголков Венгрии. И даже молодежный спектакль, который я только что видел у Комлоша, непосредственно связан с тем, что происходит под сводами парламентского дворца. Вопрос о роли молодежи, ее ответственности перед обществом, ее воспитании широко обсуждался в венгерской печати. Его подробно рассматривал пленум ЦК ВСРП. Было высказано множество предложений, связанных с трудоустройством молодежи, ее участием в производстве и управлении. И вот в сентябре 1971 года Государственное собрание приняло закон о молодежи. Секретарь ЦК венгерского комсомола доктор Йожеф Гомбар сказал тогда мне: «От того, какой будет наша молодежь, зависит будущее страны. Поэтому ЦК партии подчеркнул, что воспитание молодежи — задача всего общества, всей страны, а не одной какой-либо организации, пусть даже и столь массовой, как наш комсомол».

Проблем, связанных с молодежью, в Венгрии, как, впрочем, и повсюду, множество. Это и оплата труда новичков на предприятиях, это и жилищные условия молодых при создании семьи. При поступлении в высшие учебные заведения выпускники, скажем, хуторских школ не в состоянии конкурировать со своими сверстниками из города. Для того, чтобы ликвидировать такое положение, необходимы радикальные меры по повышению уровня начального образования. Закон о молодежи, разумеется, не решает сразу все проблемы, однако, опираясь на него, государственные и общественные организации смогут добиться многого.

Немало других законов было принято в последнее время в этом дворце на Дунае, ярко впечатанном в черноту будапештского неба. Новые законы отражают изменения, происшедшие в жизни страны, в ее социальной структуре и уровне материального и культурного развития за четверть века народной власти. Вспоминаю свою беседу с председателем отдела местных советов при Совете Министров Лайошем Паппом.

Товарищ Папп рассказывал мне о реформе Советов. Принятию соответствующего закона предшествовало тщательное изучение работы Советов не только в Венгрии, но и во всех других братских странах, и в первую очередь в Советском Союзе. Теперь местный совет лучше сможет проявить себя как орган народного представительства, самоуправления населения и государственной власти. Развитие социалистической демократии, реформа хозяйственного управления и появление на местах кадров, способных самостоятельно мыслить и управлять хозяйством, — вот, пожалуй, основные предпосылки, позволяющие Государственному собранию расширить полномочия местных органов.

На этом я прерву рассказ о том, что делается в венгерском парламенте, и продолжу нашу прогулку по вечернему Будапешту.

Я еду по мосту Маргит, с которого можно попасть на остров того же названия, любимое место воскресного отдыха. Мимо проносятся яркие клумбы, изумрудные лужайки, плавательные бассейны, отели и открытые эстрады.

Обогнув площадь Маркса, моя машина вырывается на проспект Ваци. Я выхожу у спящего рынка, на котором днем, помимо всего прочего, продают невероятно вкусные горячие лепешки-лангоши и острые жареные колбаски, и иду пешком в Андьялфёльд. Мимо новой, только что построенной гостиницы «Волга», которая кажется последним островком нарядных огней на бесконечно длинном проспекте Ваци. Рукава-переулки, вытекающие из проспекта Ваци и впадающие в него, населены в основном рабочими. А сам проспект в значительной мере состоит из промышленных предприятий. Этот район наряду с островом Чепель известен славными революционными традициями. Здесь классовые битвы были особенно ожесточенными. Четверть века назад это были трущобы, жуткие и беспросветные, как бы в насмешку названные «андьялфёльдом» — «землей ангелов». У нынешнего Андьялфёльда мало общего с прошлым: и заводы не те, и жилища имеют совсем другой вид. Не говоря о том, что и того и другого стало гораздо больше. Я прохожу мимо стапелей знаменитой Андьялфёльдской верфи, одной из самых крупных в Европе. Здесь делают мощные плавучие краны, морские суда. Немало гигантских стотонных кранов построили андьялфёльдцы по советским заказам, немало морских судов прошло из тихого затона со снятыми рубками под дунайскими мостами в Измаил и оттуда морем в различные советские порты. Утром верфь оживет, заискрится огнями электросварки, заговорит железными голосами могучих механизмов. А сейчас улица пустеет. Желтый трамвай увозит последних людей с остановки. Двухмиллионный город засыпает. Завтра рабочий день.

Джулиан МЕЙФИЛД

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

СЧАСТ

VIII

Утро на Ленокс-авеню было похоже на негромкий, вкрадчивый блюз, неторопливый, никуда не спешащий, с ровным биением контрабаса. Распахнулись двери пивных, закусочных, обувных магазинов, но посетителей пока не было. Один за другим выползли на свои углы бездельники, старики вынесли на тротуар складные стулья или заняли посты у окон душных квартир, и блюз Гарлема побрел прочь.

— Эй, Джон Льюис,— позвал Тимми по прозвищу «Червяк».— Что новенького?

— Ничего новенького, дружище.— Они обменялись рукопожатием, и в ладонь Джона Льюиса перекочевала долларовая бумажка, которую он сунул в уже оттопыривающийся карман.

— Ставлю на один — три — шесть,— сказал Тимми,— жду с выигрышем к пяти часам.

— Сработано, старина.

Джон Льюис продолжил свою утреннюю прогулку по Ленокс-авеню. На пороге салона красоты «Мэйбл» его поджидала сама хозяйка — веселая сорокалетняя толстуха с глубокими ямочками на щеках и дивной иссиня-черной копной волос.

— Эй, Джон Льюис, верзила, красавчик мой!

— Эй, бэби, малютка вкусненькая!

Мэйбл пошла к кассе, отсчитала пять долларов и вручила Джону Льюису.

— Джон, голубчик, я играю в одинар, ставлю на четвертый номер.

— Считай, что выигрыш у тебя в кармане, бэби!

И дальше по Ленокс-авеню зашагал Джон Льюис.

— Эй, Джон Льюис, что сегодня посоветуешь?

— Все что угодно, приятель, мне все нравится.

— Ставлю на два — двенадцать.

— Порядок!

И дальше.

— Эй, Джон Льюис!

— Эй, бэби, ты так выглядишь — прямо съел бы тебя!

— Возьми мои деньги, грабитель. Ставлю снова на шесть — девятнадцать, хоть и надоело мне это до смерти.

— Потерпи, бэби. Дождешься своего.

— Джон Льюис, вы там, небось, жульничаете, знаете все наперед. В субботу я всего на один номер ошибся. Ну его к черту, решил больше не играть!

— А знаешь, что Сузи Энн сказала Нэппи Чину?

— Нет, а что?

— Она сказала: «Играй-играй — в конце концов выиграешь!»

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

ЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

— Джон Льюис, ты колдун! На, держи, ставлю на обычный свой номер.

— И сорвешь куш, обязательно!

Скачки — самая популярная азартная игра в Нью-Йорке, и особенно в Гарлеме. Последний бедняк и тот может попытать счастья. Все, что нужно,— это пенни, и если он отгадает номер, то получит взамен шесть долларов. Шанс выиграть — один на тысячу, но зато она доступна всем, эта якобы запрещенная игра. Старуха кошатница, живущая под крышей, маленький продавец сладостей, страдающий одышкой, подозрительный бездельник в лаковых башмаках — все заключают пари. Грошовая ставка — основа многомиллионного бизнеса. Его штаб-квартира — в деловом районе города. Как водится, солидное, официально зарегистрированное предприятие: у него свои акционеры, директора, служащие, свой фонд заработной платы. Дело поставлено на широкую ногу, эта индустрия не знает спадов, ибо зиждется на самом прочном и устойчивом американском феномене — на Мечте.

Джон Льюис был огромным негром с добродушной улыбкой и ухоженными усами. Особенно много внимания уделял он своей прическе. Длинные черные волосы были завиты в кудри и уложены лучшим мужским парикмахером Гарлема. Густой, теплый, дружелюбный голос безошибочно действовал на женщин. Мужьям он внушал смутную тревогу, но вслух и они восхищались им. А главное, он пользовался всеобщим доверием. Если твой номер выиграл, можешь не искать Джона Льюиса. Он сам тебя отыщет и вручит все до последнего пенни, и никаких «но».

До войны он был профессиональным боксером. Дошлые спортивные дельцы предсказывали ему успех, парень крепкий, кулак тяжелый. Но однажды его нокаутировали во втором раунде. Он пришел в себя, зажмурился от яркого света юпитеров, услышал, как рефери считает секунды, и решил, что бокс не для него. Тут тяжелых кулаков мало. «Джон Льюис,— сказал он себе,— хватит валять дурака. Уноси ноги, пока цел». И он расстался с рингом.

Во время войны он служил в Африке и Италии в составе транспортного корпуса Паттона и стяжал себе лавры отважного водителя и вдохновенного спекулянта. Он торговал чем угодно, от свитеров и ботинок до «джипов» и однажды в Риме умудрился сплавить даже шеститонный грузовик. Таким образом к концу войны у него скопилось несколько тысяч долларов. Он решил обосноваться в Гарлеме, говоря себе, что большому человеку нужен простор. Джон Льюис любил красивых женщин и красивую жизнь, и вскоре от его сбережений не осталось ни цента. Но он знал, что делать, чтобы не пропасть в Нью-Йорке. Так он и стал букмекером подпольного тотализатора. На улицах Гарлема он был как рыба в воде, сделался завсегдатаем бара «Тереза» и «Палм-кафе», где собирались актеры и спортсмены. Все его знали и считали славным малым.

Шесть дней в неделю он совершал утренние прогулки по Ленокс-авеню, сворачивая по пути во все прилежащие улицы и переулки. Он натренировался держать все ставки в голове, и любопытный полицейский мог обыскивать его хоть час — все равно не нашел бы ни клочка бумаги. Иногда, если ставок бывало больше, чем обычно, Джону Льюису приходилось дважды или трижды забегать домой, чтобы записать номера.

К половине одиннадцатого Джон Льюис заканчивал обход и возвращался к себе, где вместе с женой Адой подсчитывал выручку. Первый забег бывал после полудня, и до этого времени к нему еще приходили домой и делали ставки. В четверть второго приезжал человек из центрального банка, забирал деньги и квитанции. После третьего забега, если кто-то выигрывал, снова приезжал человек из банка, вручал выигрыш Джону Льюису для передачи счастливцам.

Джон Льюис не жаловался на жизнь. У него была обширная постоянная клиентура. Он зарабатывал по меньшей мере семьдесят долларов в неделю, а вместе с процентом от выигрышей часто выколачивал и сотню. Дело верное, никакого риска. Главный банкир все сам улаживал с полицией. Джон Льюис не боялся ответственности, потому что был только посредником и ни за что не отвечал.

В это утро, придя домой, он первым делом сел к столу и записал ставки, собранные на улице. Ада вышла из спальни и замурлыкала ему на ухо:

— Как делишки, дорогой?

Он вздрогнул. Ее ласки волнуют его, словно они вчера обвенчались. Непонятно, как эта крошечная женщина заимела над ним такую власть.

— Погоди, бэби,— сказал он,— сейчас не время. Дай мне записать.

Приехав в Нью-Йорк, он на первых порах путался с роскошными, высокими девицами. Он считал, что ему под стать женщины с пышной фигурой. С такой подружкой не стыдно показаться на людях. Но все переменилось в тот день, когда, войдя в бар «Барбекью», он увидел Аду. Она была там официанткой. Сначала сама идея казалась ему несуразной. «Она не больше наперстка»,—говорил он себе, но через шесть недель они поженились.

Сейчас на ней было черное кимоно, на запястьях китайские браслеты, волосы стянуты на затылке в пучок алой ленточкой, и губы у нее такого же цвета. Она уселась ему на колено, положив локоть на плечо, поднесла губы ко лбу.

— Только что звонила Нора,— заворковала Ада,— спрашивала, поедем ли мы в Атлантик Сити в субботу.

Джон Льюис кончил писать.

— Бэби, по правде сказать, не знаю. Пожалуй, мне сейчас нельзя отлучаться. Зато потом уж загуляем.

Она поцеловала его в шею.

— Все нормально?

— Думаю, все будет хорошо.— Джон Льюис потер ладонью подбородок.— Я иду ва-банк, и да поможет мне бог!

Джон Льюис говорил правду. Две недели назад он пожертвовал относительной безопасностью заурядного букмекера. Человек должен расти, рассуждал он, двигаться вперед, не довольствоваться достигнутым. У него с Адой несколько сот долларов в банке, почему же не попробовать настоящего дела, сулящего крупный капитал и место среди сильных мира сего? Не писать цифры и выколачивать прибыль для других, а самому стать банкиром! Он в скачках не новичок, у него полезные связи. Их ничтожные сбережения можно превратить в целое состояние. Другим же это удавалось.

Джон Льюис отдавал себе отчет, что нельзя так вот, на голом месте основать свой собственный тотализатор. Гарлем, как и весь Нью-Йорк, поделен на тщательно охраняемые районы, и каждый район давным-давно закреплен за определенной группой лиц. Вся система контролировалась людьми, достаточно могущественными, чтобы не допустить никакой конкуренции. Новый тотализатор, даже самый крошечный, мог бы добиться успеха, только потеснив старое предприятие, так что необходимо получить разрешение свыше. Следует дать мзду нужным людям и уповать на свою судьбу. А если дерзнуть и открыть банк без разрешения, на удачу не рассчитывай. Многие выскочки получали пулю.

Джон Льюис не стал рисковать. Он прибег к помощи знакомых и в конце концов удостоился поощрительного кивка больших людей. Вернее, даже не кивка, просто ему выкроили уголок. Они не обещали поддержки, но требовали регулярной платы. За это его оставят в покое. Если повезет, через несколько месяцев он приобщится к классу обладателей «кадиллаков».

Джон Льюис начал операции с капиталом в две тысячи долларов. Двенадцать скаковых дней спустя банк вырос до трех тысяч.

Губерт, пока не отдаст деньги букмекеру, места не может себе найти. Доллары, сколько бы их ни было, жгли карман. Ему казалось, что глупо и рискованно таскать деньги в кармане, и, лишь сделав ставку, он успокаивался. Он никогда не мешкал, не останавливался поболтать с приятелями, а стремглав мчался к своей цели.

— Эй, мистер Губерт,— позвала миссис Джонас, старая мороженщица, стоявшая с тележкой на углу Сто двадцать шестой улицы,— подскажите старухе.

— Мне нравится четыре,— ответил Губерт и засеменил дальше. Миссис Джонас про себя сделала заметку на память. Все утро она будет спрашивать совета у прохожих. А потом решит, какая цифра наиболее вероятна, и рискнет двадцатью пятью центами, надеясь выиграть два доллара. Такое пари называется одинаром, когда отгадываешь не три, а всего одну лошадь.

Мужчины, вечно толкавшиеся у входа в «Кристал-Бар», давно уже посмеивались над Губертом. Они знали от Джона Льюиса, что Губерт играет крупно, и это убеждало их в том, что старик спятил. Он ставил на совершенно невероятные комбинации, а главное, все время их менял. Ни один настоящий игрок так не поступает. Поэтому каждый день, завидя Губерта, они тыкали друг друга локтями и приветствовали его с утрированным почтением.

— Доброе утро, мистер Губерт,— гаркнули они хором и поклонились в пояс.

— Доброе утро.— Губерт обычно был с ними сух и немногословен. Негры, торчащие день-деньской на углу, громко хохочущие и пьющие вино,— это как раз те, кто задерживает прогресс цветного населения.

Огонек был у них за вожака, потому что обладал неистощимой находчивостью в добывании дешевого шерри и муската. Он снял перед мистером Губертом шляпу и широко улыбнулся, обнажив несколько золотых коронок, свидетелей лучших дней.

— Позвольте узнать, на какой номер вы сегодня ставите, мистер Кули?

— Четыре — семнадцать,— ответил Губерт. Он всегда им говорил свой номер, хотя знал, что они смеются над ним. Зато когда он выиграет, будут кусать локти, что не придали его словам значения.

По общему мнению, 417 никуда не годился. Неделю назад пришла четверка и семерка. Так что бездельники от души посмеялись над чокнутым стариком, выкидывающим деньги на ветер. Огонек вспомнил, что 417 — номер дома его тетки, живущей на Сент-Николас-авеню, но это отнюдь не добрая примета. С теткой он не в ладах, она сказала, что знать его не хочет, пока он не пойдет работать.

— Джон Льюис,— отрывисто спросил Губерт,— сколько денег можно выиграть в тройной комбинации на семь долларов?

— Сразу трудно сказать, мистер Губерт.

— Ну, сосчитайте,— нетерпеливо потребовал Губерт.

Через минуту у Джона Льюиса был готов ответ:

— Примерно четыре тысячи двести долларов.

Губерт задумался. Четыре тысячи двести — эта сумма его вполне устроит. Он протянул Джону Льюису семь долларов.

— Поставьте их на четыре — семнадцать. Четыре, один, семь.

— Дружище,— воскликнул Джон Льюис, пряча деньги,— ну и азартный же вы!

— Я всегда так играю, а иначе неинтересно.

— Что ж, желаю удачи.

Ада проводила Губерта до дверей.

— Бедный старикашка,— вздохнула она,— швыряет деньги в трубу. Тебе не жалко его?

— Всех жалеть, так надо менять профессию! Если я преуспею в этом городе, то лишь по той причине, что жалею одного себя. Ну и тебя, конечно.

— Но ты же знаешь, у него нет ни единого шанса, только на прошлой неделе играли четыре и семь.

Огромные ручищи Джона Льюиса сомкнулись у нее на талии и оторвали от пола.

— Бэби, запомни, любой номер для меня хорош, пока он не выигрывает. Мне тут один рассказывал, как давным-давно, еще во время депрессии, шестнадцать дней подряд приходила двойка. Как тебе это нравится?

Он опустил ее, вернулся к карточному столику и продолжил подсчеты. Строго говоря, вчерашний номер может выпасть и сегодня, только вероятность ничтожна. Впрочем, какое ему дело, пусть Губерт сорит деньгами. Не будь таких дураков, на что бы он жил? Джон Льюис перестал думать о жалком человечке, и без этого есть над чем поразмыслить. Сколько ставок может обеспечить его собственный банк, какую часть передать наверх?

IX

Полдень упал на улицы Манхэттена. Солнце повисло высоко над Гарлемом, тяжелая духота белым покрывалом окутала плоские крыши и серые улицы. Дети искали прохлады в сумрачных подвалах и отсыревших подъездах. Старики сидели у окон, равнодушно взирая на плавящиеся улицы. В закусочных злые от жары, потные официантки подавали сосиски с кислой капустой, жареную колбасу с горчицей, соусом и луком, молочные коктейли, кофе и апельсиновый сок вечно спешащим клеркам и рабочим, подмастерьям, продавцам, полицейским, таксистам. Бродячие проповедники дремали за столиками, им снились огромные церкви, больше абиссинских храмов. Адвокаты и мелкие маклеры обдумывали сделки, игроки что-то подсчитывали. Перед входом в банк жулик уронил на тротуар бумажник со стодолларовой ассигнацией и ждал, когда какой-нибудь простофиля клюнет на эту старинную, как мир, приманку. В своей квартире на Шугар Хилл проститутка распивала коктейли с белым торговцем, приглядывалась к нему, прикидывая, чего он стоит. Мадам Лоусон тасовала карты, мадам Фатима вглядывалась в хрустальный шарик, а чернолицый Абдул Бен Саид в тюрбане бормотал магические заклинания. И все они уповали на чудо, которое наступит вот-вот, на следующее утро, а то и раньше. На вершине острова Манхэттен Гарлем шипел, румянился, постанывал и мечтал под полуденным солнцем.

Губерт брел по Сто двадцать пятой улице и на свой лад молился богу. Между ними, как правило, происходили бурные стычки, сопровождавшиеся сердитыми жестами и восклицаниями. Шум, гудки, свистки, гул голосов, хриплое дыхание автомобильных двигателей — все эти привычные городские звуки превращались в пронзительные крики и беспорядочную возню, когда Губерт бранился со всевышним. С детства в баптистских церквах Юга ему привили веру в бога — всевидящего вершителя правосудия и добра, чудотворца, возносящего в конце бренной жизни праведников на небо и повергающего грешников в геенну огненную. Тогда Губерт не мыслил себе господа как живое существо, не представлял его зримо. Но теперь не сомневался, что бог в самом деле существует, что он в ответе за все хорошее и плохое, и всякий раз, когда всевышний делал что-то не так, Губерт давал ему нагоняй. Он брел по мостовой и яростно жестикулировал, как бы для большей убедительности, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих.

Взвизгнули покрышки затормозившего автомобиля. Водитель высунул голову в окно и лениво сказал:

— Эй, папаша, в чем дело? Хандра нашла? Жить надоело?

Губерт его не слышал. Он вернулся на тротуар и пошел дальше.

«Хоть ты и всемогущий, но отлыниваешь от своих обязанностей. Надо делать добро, а ты лодырничаешь. Я всю жизнь вкалывал, падал, но снова подымался. Я же лишнего не прошу. Подумаешь — бакалейная лавка, или обувная мастерская, или крошечная закусочная! Не пойму тебя! Ведь знаешь: я этого заслуживаю, что же ты медлишь?»

Губерт нечаянно толкнул девушку.

— Черт возьми, мистер, вы чуть не сбили меня с ног.— Она гневно зыркнула глазами и пошла дальше.

У входа в универмаг Блумстейна Губерт остановился. Прохожие шарахнулись в сторону, когда он внезапно выбросил вверх руку, указывая на бетонное многоэтажье, взметнувшееся над Сто двадцать пятой улицей. Его губы беззвучно шевелились.

«Я же не прошу у тебя такой универмаг! Я понимаю, Блумстейн был здесь еще до того, как я приехал в Гарлем, и здесь останется, когда меня уже не будет. В начале войны я купил у него холодильник, потом тот ковер, что понравился Гертруде, еще две лампы, да мало ли чего мы купили здесь за двадцать лет. Я же не требую обратно своих денег». Затем он указал перстом на соседний магазин Вулворта. Губерт и там оставил порядком пяти- и десятицентовиков. Он слышал, будто бы торговля — животворная сила нации. Губерт уважал закон и порядок, он не принимал участия в двух гарлемских мятежах, когда люди разбивали витрины и грабили лавки. Он верил в американскую систему и признавал право Блумстейна и Вулворта на теплое местечко под солнцем.

— Ну, а мое место? — крикнул он вслух, и снова прохожие на него обернулись. Он страстно хотел покупать и продавать, заняться коммерцией, хоть самой пустячной. — Дьявол,— завопил Губерт,— разве я этого не достоин?

Верховой полисмен, дежуривший у кинотеатра «Лев», смерил Губерта тяжелым взглядом, но решил, что человечек того не стоит, чтоб из-за него слезать с лошади. Кроме того, негр уже умолк и поплелся дальше.

«Может, ты меня наказываешь за Гертруду? Но это же несправедливо! Если бы не она, видели бы меня в Гарлеме! Раньше думал увезти ее с собой. Но только она виновата, что я получил в Гарлеме работу и двадцать лет убираю за этими никчемными неграми. Я мог скопить денег, когда занимался бизнесом, а на таком месте человек пропал!.. Учти, я никогда не терял в тебя веру, как другие. Конечно же, ты есть. Без тебя совсем бы порядка не стало».

Губерт шел дальше не останавливаясь. «Но передо мной ты в долгу. Так пусть мне повезет».

Всякий раз при виде сестры Клариссы он говорил себе: «Господи, в один прекрасный день я подхвачу эту малютку на руки и не смогу отпустить!»

Вот что он думал, глядя на ее лицо, добрые карие глаза, застенчивую улыбку, полную грудь, вздымающуюся под кружевной блузкой. Полузабытые порывы взыграли в нем. Вот какая женщина ему нужна, и он ее добьется!

— Ну и ну,— сказала сестра Кларисса,— как это мило с вашей стороны.

Двадцать лет, проведенные в Гарлеме, не повлияли на ее мягкий южный выговор, навевавший Губерту сладкие видения: южный вечер, сестра Кларисса в ярко-голубом платье сидит в качалке на крыльце с веером в руках. Рядом кувшин с ледяным лимонадом и два стакана. Губерт, еще совсем юноша, ухаживает за ней...

— Надеюсь, вы еще не обедали, я приготовила салат с семгой. Он должен вам понравиться.— Она предложила ему стул, а сама присела на краешек софы.— Вот уж не ждала вас!

Это было не совсем так, поскольку Губерт последнее время зачастил сюда, но сестре Клариссе нравилось притворяться, будто каждый его приход для нее сюрприз.

Она прошла за перегородку в маленькую чистенькую кухоньку.

— Решено, вы у меня обедаете. Сейчас все приготовлю. Какая жара стоит, уж и не припомню такого лета. Вот увидите, если это не кончится, я просто растаю.

Он не отвечал. Она уже привыкла к его долгим паузам и продолжала щебетать. В церкви «Малой Голгофы» о Губерте говорили, что он «чуть-чуть того», но ее это не пугало. В конце концов он же не муж ей, ведет себя прилично и ничего лишнего не позволяет.

После обеда, когда Кларисса подала Губерту стакан холодного пива, его внезапно прорвало:

— Сестра Кларисса, что вы обо мне думаете?

— Как вам сказать...

— Я вам нравлюсь?

— Ну да, конечно...

— Тогда слушайте.— И он поведал ей свой сон. Рассказывая, Губерт не сводил с вдовы глаз. Она смутилась. Почему он так серьезен?

— ...А вы все спрашиваете «Откуда деньги?», а поезд уносит нас все дальше, и уже скоро Сан-Франциско...

Кларисса не знала, что сказать. Ну и сон! Она промолчала, устроилась поудобнее на софе, скрестила ноги.

— Я хочу, чтобы вы знали, сестра Кларисса: я все время думаю о вас.

Она энергично замахала веером. Влево-вправо-влево-вправо-влево-вправо.

— Рада это слышать, мистер Губерт.

— Я не люблю свой дом, мне давно в нем тошно.

— Вы не должны мне этого говорить, мистер Губерт. Это ваше, личное, не для чужих ушей.

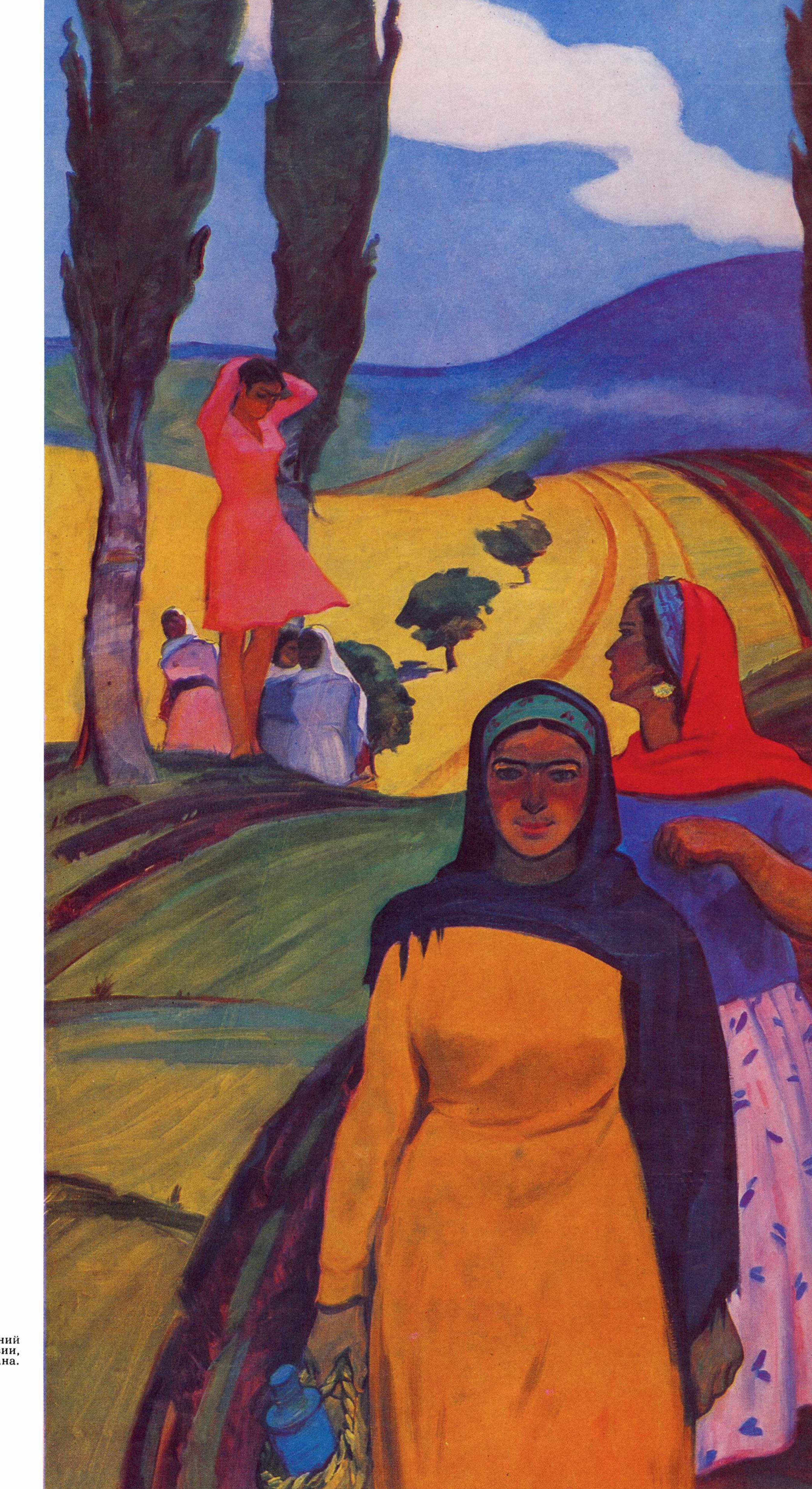
— Помолчите, сестра Кларисса. От вас у меня нет секретов.

Губерт опустился на стул, и веер заходил медленнее. Он продолжал:

— Я к вам приглядывался и решил, что вы, должно быть, так же одиноки, как я.

— Мистер Губерт, пожалуйста...

К. Ханларов (Баку).
НА УЧАСТКЕ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении и Азербайджана.

Г. Ханджян (Ереван). И ХЛЕБ, И ЛЮБОВЬ, И МЕЧТЫ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении и Азербайджана.

— Ведь это правда, не так ли?

Она колебалась. Веер еще замедлил ход. Влево... вправо... влево... вправо...

— Ну,— сказала она,— естественно, нам всем бывает иногда одиноко, особенно тем, у кого нет ни души.

Влево... вправо... влево... вправо...

— Я знаю, вы не давали мне повода, и все-таки позвольте мне быть совершенно откровенным.

— Ну, конечно, я на это рассчитываю.

И снова сестра Кларисса кривила душой. Этой женщине нравилась приятная необязательная беседа, но когда разговор принимал серьезный оборот, она мгновенно теряла к нему интерес, а если дело касалось ее лично, то краснела и смущалась, как вот теперь. Ее особенно беспокоили глаза Губерта. Они не такие, как всегда. Снова припомнив разговоры в «Малой Голгофе», Кларисса пожалела, что поощряла его ухаживания. Она не против невинного флирта, но... влево-вправо-влево-вправо-влево... Что он там несет?

— ...в Калифорнии, говорят, даже мелкий лавочник может жить припеваючи. На старости лет все мечтают туда уехать. Солнце светит круглый год. Сестра Кларисса, со дня на день у меня появятся деньги. Так вот, когда это произойдет — а так оно и будет, можете не сомневаться,— я попрошу вас поехать со мной.

Веер вдруг остановился. Лишь теперь до нее окончательно дошел смысл его слов.

— Мистер Губерт! — только и сказала она, но восклицание прозвучало вяло, без того негодования, какое ей хотелось в него вложить, и она добавила: — Ну, знаете ли!

— Вот, я вам все сказал,— подытожил Губерт,— пожалуйста, обдумайте мое предложение. Знаю, что не пристало женатому человеку говорить такие вещи, но я ничего дурного вам не предлагаю. Мы оба одиноки и могли бы составить счастье друг друга. Если все пойдет, как я рассчитываю, согласитесь ли вы, согласитесь ли... уехать со мной?

Сестра Кларисса не находила слов. Она вспотела от испуга. Влево-вправо-влево-вправо-влево-вправо. Каким-то образом Губерт оказался на софе и держал ее ладонь в своей. Она хотела высвободить руку, улыбнуться, что-то сказать, лишь бы побороть смущение. Неужто Губерт может быть опасен? Он ведет себя странно, фантазирует о несбыточных вещах, она одна, наедине с ним.

— Братец Губерт,— начала она,— видимо, вы неправильно меня поняли...— Она ощутила на щеке непривычное мужское дыхание. Его губы коснулись ее уст, она тяжело вздохнула. Он поднялся.

— Теперь я пойду, а вы, пожалуйста, обдумайте мои слова.

Сестра Кларисса поднесла ладонь к губам. Она была не на шутку рассержена. Надо было его одернуть, поставить на место. Но теперь поздно — Губерт ушел...

X

Джеймс Ли подкатил к перекрестку и остановился на красный свет. Справа ждал зеленого сигнала таксист-негр. В другое время Джеймс Ли перекинулся бы с ним словечком. Но за перекрестком, примерно посредине следующего квартала, с правой стороны на тротуаре стояла женщина с чемоданом. Наверняка ловит такси, и так как обе машины свободны, сейчас начнется гонка. Поэтому водители делали вид, что не замечают друг друга, и уставились на светофор. Соперник Джеймса Ли занимал крайний правый ряд, и по неписаному закону пассажир должен достаться ему. Но на этот раз Джеймс Ли не мог уступить. Вспыхнул зеленый свет, Джеймс Ли снял ногу с педали сцепления и что есть силы надавил на газ. Его «десото» рванулся с места, подрезав сопернику угол, тот бешено засигналил, но «десото» уже стоял у кромки тротуара. Женщина открыла дверцу и села в машину к Джеймсу.

— Парень, ты что, голодный? — подъехав слева, сердито крикнул таксист.

У Джеймса Ли застучало в висках.

— Иди ты знаешь куда! Найди себе машину поприличней и не хнычь!

Соперник оказался пожилым крепким мужчиной в очках без оправы.

— Некоторые за доллар готовы в унитазе утопиться,— бросил он напоследок, включил скорость и поехал прочь.

— Водитель, мне нужно на угол Семьдесят третьей улицы и Мэдисон-авеню. Я тороплюсь.— Белая женщина, худая, волосы темные, голос неприятный, резкий. Сделала вид, будто не видела, как два цветных таксиста едва из-за нее не подрались. Ее это не касается.

Машина Джеймса Ли влилась в поток транспорта и покатила в нужном направлении. Нехорошо, что пришлось обставить своего брата-негра, но сегодня ему важен каждый медяк, иначе не привезет нормы. И вообще есть из-за чего расстраиваться! С волками жить — по-волчьи выть. Ему кто-нибудь уступит дорогу?

— Нельзя ли ехать быстрее? У меня свидание в половине второго.

— Мадам, видите, какое движение!

— И все-таки поднажмите.

Он хотел еще кое-что добавить, но испугался лишиться чаевых. Потом стал разглядывать ее лицо в зеркальце. Нет, эта засушенная вобла не накинет больше десяти центов, даже если ей донести чемодан. Большего, по ее мнению, ты не заслуживаешь.

— Я свободна, как птица! — воскликнула вслух Эсси. Казалось, это не ее голос раздается в пустой квартире.

— Слышите, свободна! — обратилась она к ни в чем не повинным стенам, столам и стульям.

Да, Джеймс Ли подобрал к ней ключик, но теперь он может его выкинуть. Она и так слишком долго плясала под его дудку. С этим покончено, отныне мужчины у нее попляшут.

Эсси включила радио и нашла передачу для негров. Тенор-саксофон вел стремительную мелодию. Эсси закружилась по гостиной, ей тем более нравилась музыка, что сестра осуждает такие специальные передачи. Ирета говорила, что только отсталые негры слушают их. Но сегодня Эсси придумала игру: это ее квартира, и она будет слушать все, что хочет. Закрыла глаза — и вот уже она танцует с Джаваном Вашингтоном в Чироу, штат Северная Каролина. Джаван втрескался в нее по уши. Однажды они с ним взяли второй приз на конкурсе танцев.

Мелодия кончилась, саксофон умолк. Диктор заговорил о том, насколько проще жить на свете тем негритянским девушкам, у которых не очень темная кожа. Пользуйтесь отбеливающим кремом марки «Блэк энд уайт», и парень, о котором вы мечтаете, будет вашим! Эсси, сидя на подоконнике, глядела на реку Гудзон.

Свободна? А что это значит? Она задумалась. Совсем не простой вопрос.

Приехав впервые в Нью-Йорк, Эсси остановилась у Ireты и Хью, но она чувствовала себя стесненной в обществе сестры, ее мужа и их друзей. Любопытно, конечно, видеть всех этих важных негров, бывавших в доме, но она не понимала, о чем они говорят, и боялась рот открыть. Эсси — простая девушка с Юга, ее мать до сих пор стирает на чужих людей. Кто она такая, чтобы сидеть вот так, запросто в компании врачей, адвокатов и этих нарядных, красивых женщин? Эсси хотелось самостоятельности. «Оставайся у нас,— предлагала Ирета,— пойди на курсы. С твоей внешностью без работы не останешься. А о деньгах не думай. Мы с Хью не богачи, но тебя как-нибудь прокормим. Оставайся, что люди скажут? Моя сестра работает в чужой кухне!»

Пришлось выдержать настоящий бой, прежде чем Ирета и Хью ее отпустили. Они так много для нее сделали, что Эсси чувствовала себя виноватой. И все же знала, что не уживется с Иретой и Хью. Конечно, идти в служанки не бог весть какая радость, но хоть она свободна и ни от кого не зависит.

Вот только не свободна от одиночества. Но появился Джеймс Ли, и ее приезды в город обрели радостный смысл. Летом ей особенно нравилось бывать с ним на пляже. Она любовалась его телосложением, и когда они играли в воде, ей казалось, она читает завистливые мысли других женщин. Но и Эсси ему ни в чем не уступает. Они прекрасная пара. По четвергам и изредка на уик-энд, когда ей удавалось выбраться в город, они ходили в кино, на вечеринки или потанцевать в «Савой».

Между ними все было просто и естественно. Первая же ночь доставила им радость и ощущение полного блаженства.

— Я люблю тебя, Джеймс Ли.

— Правда, Эсси?

— Люблю, люблю. Знаешь, есть даже такая песня.

— Повтори.

— Я люблю тебя.

Все, что они шептали друг другу по ночам, казалось правдой. Каждый нерв, каждая клетка оживали от прикосновения его рук и губ.

Эсси вздрогнула и зажмурилась. Да, она была счастлива с ним, но теперь она свободна. Когда же началось охлаждение? Надо все припомнить и во всем разобраться. Она должна знать наверняка.

Выдалось светлое, солнечное воскресенье, первый теплый весенний день, и они отправились в Сентрал Парк покататься на лодке. На Эсси была ярко-синяя матроска, и Джеймс Ли посмеивался над ней: зачем вырядилась, всего-то и дел — на лодке прокатиться! Но она видела, что ему нравится ее костюм.

Он греб легко и уверенно, они носились по озеру из конца в конец. Весла ритмично ударяли о воду, лодка шла ровно. Она похвалила его. Он немного рисовался ради нее, ей это даже нравилось. Погода была превосходной, как хорошо, что они выбрались. Потом ей захотелось самой погрести.

— Чего вдруг — ты же не умеешь!

— Хочу попробовать.

— Перестань, эти весла для тебя тяжеловаты.

— Ну, пожалуйста!

— Ладно,— буркнул он.

Он нахмурился, но помог ей пересесть на весла, а сам сел на корму. Она подмигивала ему, но он даже не улыбнулся. Как ребенок, думала Эсси, у которого отняли игрушку. Ну и пусть, она не станет ни о чем у него спрашивать — сама научится грести.

Но он оказался прав. Весла были тяжеленные. Едва она уселась, как одно весло соскользнуло с уключины и упало в воду. Она успела подхватить его, но тут же упустила второе. Его поймал Джеймс Ли и молча передал ей. Через несколько секунд она уже выбилась из сил и злилась на себя, что никак не может плавно махать веслами. Эсси сдалась, вернулась на свое место и не сказала ни слова, пока они не сошли на берег. Потом еще несколько дней на него дулась. С тех пор начались злые ссоры по пустякам.

Эсси подошла к приемнику, выключила его и вернулась к окну. По Гудзону, оставляя шлейф черного дыма, пропыхтел буксир с желтой надписью на борту.

Почему она придавала такое значение дурацкому происшествию на озере? С того дня что-то произошло между ними. Фигурально говоря, она еще много раз пробовала грести, а он ей не позволял.

Аборт. Она плотно сжала веки — лучше не вспоминать! Какая тут связь? Выходит, есть связь. Она снова ему уступила, пожертвовала самым главным — их ребенком.

— Неужели ты не понимаешь, Эсси,— говорил он,— что так не женятся. Нам всегда будет казаться, будто нас заставили.

— Но если мы любим друг друга...— Она помолчала и со страхом спросила: — Ведь ты же любишь меня, Джеймс Ли?

— Конечно, бэби, сама знаешь. Когда мы сможем, сразу же поженимся, у нас будет куча детей. Но зачем же начинать таким образом?

Слова. Все перевернуто с ног на голову, но она слушала и дала себя убедить. До сих пор ее охватывала дрожь при мысли о том, что они натворили... Словно это было вчера... И ничего нельзя исправить...

Она открыла глаза. Буксир с желтой надписью скрылся за поворотом, осталась только лента черного дыма. Мысли Эсси были далеко и уносились все дальше.

Продолжение следует.

ВАРВАРСТВО

Николай ПАСТУХОВ

В далеком прошлом человечества, как гласит история, во время Олимпийских игр прекращались войны. Этот благородный принцип вспомнили некоторые западные журналисты, смакуя на страницах печати мюнхенскую трагедию. При этом ни одного слова возмущения о все усиливающемся пентагоновском кровопролитии в Индокитае, о варварских бомбардировках мирного населения Сирии и Ливана, совершенных по холодному приказу тель-авивских экстремистов еще в тот момент, когда над Мюнхеном горел олимпийский огонь мира между народами.

Те же самые журналисты даже одобрили преднамеренное убийство на территории Сирии и Ливана сотен матерей, детей, стариков, пытаясь преподать его как некую «акцию возмездия», хотя правительства Сирии и Ливана официально заявили, что не имели никакого отношения к действиям палестинских террористов. Эти журналисты умышленно завуалировали и тот бесспорный факт, что только Тель-Авив и его внешние покровители виновны в трагедии палестинского народа, в его физическом истреблении на оккупированной территории и изгнании с родной земли. Вместо того чтобы потребовать немедленного и кардинального политического урегулирования ближневосточной проблемы, пропагандистские провокаторы разжигают политические страсти и национальную ненависть. «Нежелание политических деятелей США,— пишет даже такая американская газета, как «Нью-Йорк таймс»,— критически отнестись к Израилю и подойти без предвзятости к арабам становится в США чуть ли не политической (!) традицией».

Вместе с тем события показывают, что Израиль предпринял в эти дни самую крупную военную акцию против соседних арабских стран после агрессии 1967 года. Выступая на экстренном заседании Совета министров Ливана, президент республики Сулейман Франжье сказал: «Еще раз Ливан стал объектом агрессии, совершенной в нарушение элементарных принципов цивилизованного мира. В результате бомбардировок пострадали гражданские лица — невинные женщины и дети. Совершено поистине чудовищное злодеяние».

По требованию Сирии и Ливана состоялось заседание Совета Безопасности. Делегации Сомали, Гвинеи и Югославии внесли на рассмотрение Совета резолюцию, требующую немедленного прекращения агрессивных действий Израиля на Ближнем Востоке. Постоянный представитель США при ООН Дж. Буш оказался единственным членом Совета Безопасности, проголосовавшим против резолюции. Вето американского представителя срывает маску с политики США на Ближнем Востоке, политики односторонней ориентации на Израиль.

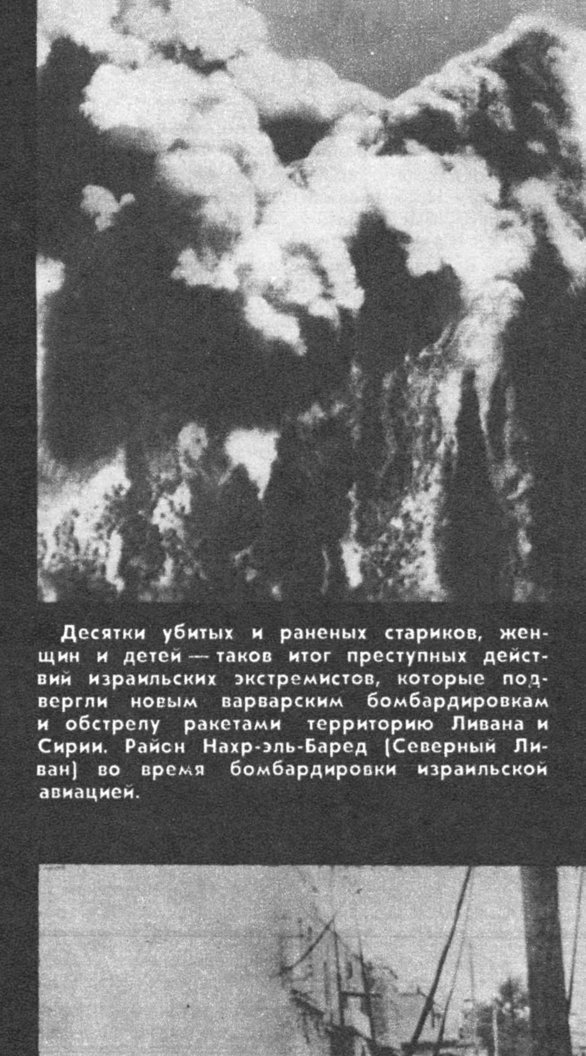
Анализ ближневосточной проблемы показывает, что последние события — итог целенаправленных действий Израиля и США. В течение всего лета не стихали провокации Израиля против Сирии и Ливана, проимпериалистические силы пытались организовать интервенцию против Народно-Демократической Республики Йемен, продуманный характер носили пропагандистские и идеологические диверсии сионизма. Они ставили своей целью подорвать среди арабов доверие к СССР и арабско-советскому сотрудничеству, дискредитировать социально-экономические преобразования в передовых странах Арабского Востока, внушить сомнение в целесообразности некапиталистического пути развития, разобщить национально-демократические силы арабского мира.

Но во имя каких стратегических целей все это делается? Факты убедительно свидетельствуют, что Тель-Авив и Вашингтон пытаются сейчас во что бы то ни стало подменить известную ноябрьскую резолюцию Совета Безопасности 1967 года, требующую вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий, своего рода «частичным урегулированием», в результате которого Израиль сохранил бы захваченные у соседних стран земли. И именно с этой целью инспирируются слухи о так называемом «посредничестве» США, об «изменении» американской позиции к арабским странам. Голосование в Совете Безопасности полностью опрокидывает эти слухи.

Усиливается подрывная деятельность израильской разведки в арабских странах. Состоявшийся в августе судебный процесс в Каире над участниками израильского шпионского центра показал подлинные цели разведки Тель-Авива. «Пропагандистский аппарат Израиля, США и некоторых других государств,— заявил руководитель службы госбезопасности Египта генерал-майор А. Исмаил,— развязал беспрецедентную антиарабскую кампанию, острие которой направлено против Египта. Эта кампания имеет целью вызвать в египетском народе сомнение в собственных силах, в оружии, которым он обладает, в руководителях страны, в способности египетского солдата, в искренности наших друзей... Это мы называем психологической войной».

Обстановка на Ближнем Востоке накалена до предела. С пристальным вниманием за развитием событий следит международная общественность, требующая положить конец варварству Израиля против соседних стран, немедленного политического урегулирования ближневосточного кризиса в соответствии с ноябрьской резолюцией Совета Безопасности, принятой в 1967 году.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Десятки убитых и раненых стариков, женщин и детей — таков итог преступных действий израильских экстремистов, которые подвергли новым варварским бомбардировкам и обстрелу ракетами территорию Ливана и Сирии. Район Нахр-эль-Баред (Северный Ливан) во время бомбардировки израильской авиацией.

Ливан продолжает оставаться объектом военных провокаций Тель-Авива. Снова израильские самолеты вторглись в воздушное пространство страны и атаковали несколько лагерей палестинских беженцев на севере и юге, населенные пункты. Так выглядит один из ливанских населенных пунктов после налета израильской авиации.

Рабочие спасательных отрядов разбирают развалины в деревне Эль-Хамме близ Дамаска.

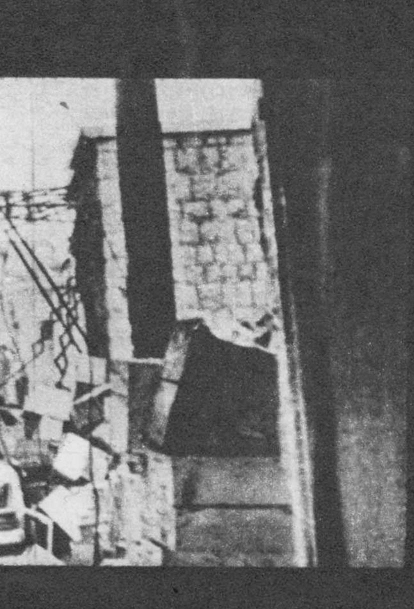
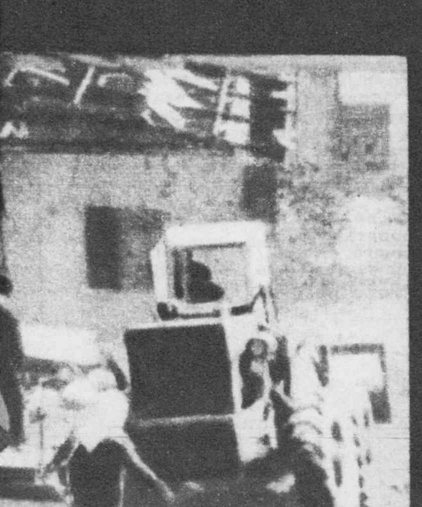

Фото ТАСС.

Израильские военные власти применяют насилие и прямой террор в отношении коренного арабского населения, которое силой изгоняется из родных мест, чтобы освободить территорию для устройства военных поселений израильтян. Оккупанты разрушают дома, засыпают колодцы, окружают землю колючей проволокой, вынуждая арабов переселяться на новые места, или направляют их в лагеря. Арабская семья в поисках приюта.

еступники!

Израильская военщина вновь совершила преступление на Ближнем Востоке. ВВС Израиля произвели налеты на территорию Сирии и Ливана. Ожесточенной бомбардировке и обстрелу ракетами подверглись три района в Ливане и семь в Сирии. В качестве главных мишеней были избраны лагеря палестинских беженцев, в которых, как известно, размещены в основном женщины и дети.

В итоге разбойничьих налетов 126 убитых, раненых и пропавших без вести в Ливане, около 200 погибших — в Сирии.

И. ШАТУНОВСКИЙ

ФЕЛЬЕТОН

ЧТОБЫ БЫЛО НЕУДОБНО...

Недавно из нашего дома выехала какая-то межрайонная контора, а в освободившемся помещении разместили булочную. Домовая общественность встретила с интересом надвигающиеся перемены. От конторы нам не было никакого проку, а тут каждое утро будут свежие нарезные батоны, хлеб орловский, московские бублики — и все под рукой.

В день открытия булочной жильцы проснулись необычно рано. И вовсе не потому, что каждому хотелось поспеть к торжественному впуску в булочную первого покупателя. Жильцов переполошил зычный бас, с каким обычно в стародавние времена в темном переулке у обывателя отбирали шубу. На этот раз под нашими окнами, к счастью, никого не грабили. Просто к служебному входу подъехал автофургон, и шофер Алпатов, молодец богатырского роста, выражал свое удивление тем обстоятельством, что его не встречают. Молодец бил в дверь своим латунным кулаком и кричал, обнаруживая знакомство с текстом знаменитой сказки Петра Ершова:

Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери!

Сонные тетери словно ждали специального приглашения и тут же выскочили на улицу. Впрочем, оказалось, что это никакие не тетери, а обычные женщины в серых халатах. В порядке шутки шофер стал подставлять им ножку, не допуская до фургона, отчего женщины принялись пищать и смеяться...

Между тем из окон стали недовольно выглядывать разбуженные жильцы. А пенсионер Запрягаев выбежал на балкон своего пятого этажа как был в ночном колпаке и халате и нервно крикнул вниз:

— Товарищи, нельзя ли потише? Шести часов нет, а вы безобразничаете!

— Какой граф выискался! — зло ответил шофер.— Люди ему хлеб к завтраку обеспечивают, а он еще лается, оскорбляет...

Нет, уж лучше бы пенсионер Запрягаев не делал своих замечаний. Назавтра шофер с булочницами, словно в отместку, устроили у магазина настоящий бедлам. Пожаловались жильцы в торг — не помогло. Обратились в милицию. А что может сделать милиция? За то, что рабочие, разгружая хлеб на рассвете, громко разговаривают, шумят, пятнадцати суток не дашь. Пробовали говорить с булочниками по-доброму, по-хорошему. А те в ответ:

— Подумаешь, дворянство! Что же теперь, прикажете нам на рты замки повесить? Или вы на своей работе не смеетесь, не разговариваете?

Теперь в нашем доме люди пьют успокаивающие лекарства и вспоминают о том блаженном времени, когда на первом этаже помещалась тихая контора, не причинявшая нам никаких хлопот.

Впрочем, в доме бывают не только огорчения, но и радости. Так уж устроен этот лучший из миров. К примеру, жилец из четвертого подъезда Геннадий Яковлевич по лотерее выиграл мотоцикл с коляской. Наши сердца полнились гордостью, когда обладатель счастливого билета привел во двор свое оранжевое трехколесное чудо. До позднего вечера Геннадий Яковлевич, радуясь своей удаче, запускал мотор, который отчаянно тарахтел и кашлял едкими шлейфами дыма.

Первое время тактичные жильцы, понимая возбуждение счастливца, не делали ему никаких замечаний и сносили неудобства. А неудобства были немалые. Теперь жильцы не могли отдыхать не только после шести часов утра, когда их будили сонные тетери из булочной, но и до самой полуночи, когда Геннадий Яковлевич заканчивал ходовые испытания мотоцикла. Испытания эти шли не всегда успешно. Все подступы к нашему парадному подъезду были залиты отработанным машинным маслом, завалены гайками, какими-то пружинами, которые действовали с таким же коварством, как спирали Бруно. А неделю назад наш мотоциклист пригласил бригаду халтурщиков и тайно за одну ночь прямо на детской площадке выстроил уродливую пятиугольную будку. Утром, разбуженный прибытием хлебного автофургона, пенсионер Запрягаев выглянул в окно и увидел этот жестяной гараж, возле которого Геннадий Яковлевич распивал магарыч со своей левой бригадой.

— Да как вам не стыдно, молодой человек! — закричал пенсионер.— Здесь же играют дети. И потом, как теперь ходить? Ведь неудобно...

— А мне плевать на ваше неудобство,— взбеленился Геннадий Яковлевич.— Вы думаете, мне удобно возиться с техникой под открытым небом? Надвигается сезон дождей, и мне свои удобства дороже. А вы как-нибудь пройдете. Не фон-бароны...

Люди, которым свои удобства дороже, а на остальных наплевать, ездят не только на выигранных мотоциклах. Гораздо чаще они пользуются городским транспортом. На остановке «Техникум» в троллейбус маршрута номер семь вошел мужчина средних лет весьма неприятной наружности. Он имел такой вид, будто его за какую-то страшную провинность по старинному обычаю обмазали дегтем, вываляли в перьях, посадили на шест и полдня носили по всему городу. На самом же деле гражданина на шесте не носили. С вечера он напился до выпадения памяти, ночь провалялся под забором, а теперь следовал по своим опохмельным заботам.

Войдя в троллейбус, неряха перепачкал платья двум женщинам и посадил масляное пятно на пиджак модно одетого человека.

— Да как вы смеете заходить в троллейбус в таком виде! — закричали пассажиры.— Выйдите, отряхнитесь!..

— Это вы выйдите! — гаркнул грязнуля.— Берите такси, кому неудобно.

Так и доехал он до конечной, вокзальной остановки. Громко посмеивался и кричал шарахавшимся от него людям:

— Подумаешь, наследные принцы выискались! Кого беспокоит, может взять такси.

Гражданин в перьях — лицо, понятно, сугубо частное. Но иной раз точно так же ведут себя и должностные лица, рассевшиеся со всеми своими удобствами в служебных креслах.

Старичку пенсионеру для какой-то срочной надобности потребовалась справка, что он есть действительно он, а не кто-нибудь иной. Направляется старичок в до-

---

К. БАРЫКИН

ИЗ БЛОКНОТА РЕПОРТЕРА

САМЫЙ СПЕЛЫЙ АРБУЗ

С Радченко я познакомился на Выставке достижений народного хозяйства. В устном выпуске журнала «Изобретатель и рационализатор» он показывал, как выбирать спелые арбузы.

Петр Антонович Радченко ест только спелые арбузы. Ни разу так не было, чтобы при покупке ему попался недозрелый. Фокусник?

Подходим с Петром Антоновичем к арбузному базару на одной из столичных площадей. Человек пять-шесть склонились над арбузным раздольем, выбирают.

— Смотри, чтобы «хвостик» был сухим,— наставительно советует один.

— Если хрустнет, спелый,— уверяет второй.

— А мы это сейчас проверим.— Радченко достает из портфеля какое-то внешне очень простое приспособление... На планку положен арбуз, расположенный вверху безмен показывает его вес — четыре килограмма. Но не это главное. Основное — в окошечке мелькнул белый кружок: арбуз недозрелый. Берем еще один. Мелькнула и застыла красная точка.

— Спелый,— уверенно говорит Радченко.

Надрезаем. Не арбуз — объедение!

Авторитет Радченко сразу поднимается.

— А этот? — протягивают ему один арбуз, затем второй.

Петр Антонович смеется: не торопитесь, сейчас узнаем...

Продавщица, поначалу ворчавшая на него, сама заинтересовалась:— И мне выберите, пожалуйста!— А затем:— Где такую вещицу приобрести? Имела бы, торговала только спелыми арбузами...

Несколько лет назад был Радченко в Средней Азии. Арбузов — пруд пруди. Утром уходил на работу, несколько штук опускал в воду — остудить. Обратил внимание: спелые всплывают, недозрелые прячутся на дне. Находчивый ум Радченко сработал быстро, и вот уже готова формула, определяющая зависимость: объем — вес — спелость.

Засел за чертежи, а потом взялся за изготовление прибора. И появились на свет две планки, перемычка и движущийся проволочный хомутик. Испробовал его Радченко — сто попаданий из ста. Ни одному неспелому арбузу не удалось проскочить сквозь «игольное ушко» прибора. С тех пор не раз ходил Радченко на арбузные базары со своим прибором. Себе выбирал арбуз послаще да и тому, кто оказывался рядом, помогал в выборе. «Вот, Петр Антоныч, купил арбуз. Проверь, спелый ли?» А то сами определяют — прибором это просто.

Радченко обратился в Комитет по делам изобретений и открытий. Эксперты посмотрели, посоветовались, заглянули в справочники: нет аналога! А штука не только занятная, но и полезная...

Радченко выдали авторское свидетельство.

— Сложен ли ваш прибор? — интересуюсь у изобретателя.

— Нет ничего проще. Мы как-то подсчитали: если наладить его серийное производство, цена ему — два-три рубля.

моуправление. Не проходит и двух часов, как паспортистка пишет ему справку. Пишет, как говорится, тяп-ляп. В фамилии посетителя сделала ошибку и вдобавок посадила большую кляксу.

— Может быть, перепишете?— просит старик.— Ничего же непонятно.

— Кому надо, поймут!— отрезает паспортистка.— Ступай, не морочь мне голову. Следующий!

Старик тащится через весь город в другое учреждение. Справку у него, конечно, не принимают. Возвращается проситель назад, говорит паспортистке:

— Вот видите, справку не взяли. Говорят, недействительная.

Старик, которого вздорная дама заставила мерить городские улицы, говорит спокойно, а дама почему-то взрывается:

— Что это вы тут болтаетесь? Мешаете работать! Вы что, у меня один? Или вы, может быть, отставной фельдмаршал и требуете особого обхождения?

В том же доме случилось еще одно происшествие, о котором жильцы узнали из объявления, вывешенного в пятом подъезде: «Кто взял шапку механика по лифтам, принесите ее в диспетчерскую. Лифт не будет работать, пока шапку не принесут. Механик Веремеев».

И лифт действительно не работает. День. Второй. Третий. А на четвертый делегация жильцов отправляется по указанному в объявлении адресу. В составе делегации известная ткачиха, педагог и бухгалтер.

— Вы с шапкой?— нахально встречает их механик Веремеев.

— Нет, без шапки.

— Тогда о чем разговор?

— Как о чем? Какое отношение имеет ваша шапка к нашему лифту? Вы обязаны включить механизм. Ведь люди ходят на девятый этаж пешком. Старики, дети...

А Веремеев твердит свое:

— Пока не найдете мне шапку, будете топать по ступенькам. Ничего с вами не случится. Не в пажеском корпусе воспитывались...

Потребовалось вмешательство ответственного работника райисполкома, чтобы образумить мятежного механика. Теперь жильцы поднимаются на свои этажи с опаской. А что, если у Веремеева пропадет перочинный ножик или, еще хуже, часы? Тогда он, наверное, заколотит подъезд и предложит гражданам общаться с внешним миром через окна. Вполне может так поступить. Ведь за возмутительное поведение его даже не наказали. У нас установлена уголовная ответственность за мелкое хулиганство, а вот за мелкое хамство взыскивать как-то совсем не принято. Между тем стоит с утра встретиться с одним грубияном — и на весь день портится настроение, валится из рук работа, омрачается отдых...

А хам продолжает поступать так, как ему удобнее. Продавец швыряет на прилавок кофту, а покупательница просит показать другой расцветки. Но показать другую вещь— это значит сделать лишних пять шагов, тянуться к верхней полке. А неохота. Лень. Неудобно. Продавец злится:

— Бери, что дают. А не хочешь покупать, и не надо. Ишь, баронесса!

...У человека захворал сын. Он звонит в справочную, просит дать номер больницы. Дежурная что-то кричит в трубку.

— Повторите, пожалуйста!

Но человек уже обращается с просьбой к коротким телефонным гудкам. Дежурной ровным счетом наплевать, понял ли ее клиент, успел ли записать номер. Она не обязана... Она, видите ли, не должна. Она не может повторять всякому...

— И вообще, не воображайте себя маркизом!

Действительно, взволнованный отец, который тщится узнать больничный номер, маркизом не является. Старик, которого весь день гоняют со справкой,— бывший старшина, а вовсе не бывший фельдмаршал. В доме, куда возит хлеб шофер Алпатов, бароны и графы не проживают. Там живут токари и инженеры, геологи и студенты. Но ведь советские люди, люди труда, требуют к себе гораздо большего уважения, чем коронованные особы. Они этого заслужили. И надо, чтобы в нашем доме, в нашем учреждении, в магазине, на улице — всюду было неудобно не нам, а хамам.

Когда узнали о новинке на одном из азербайджанских заводов, пригласили Радченко. Приехал. Прибор показался кому-то слишком простым, несолидным.

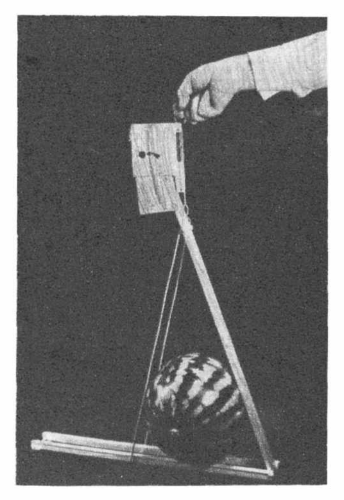
— И таким можно определить спелость?

— Проведем испытание,— предложил Радченко шутливое пари и направился к арбузному прилавку.— Если спелый, платите вы, за незрелый — я. Согласны?

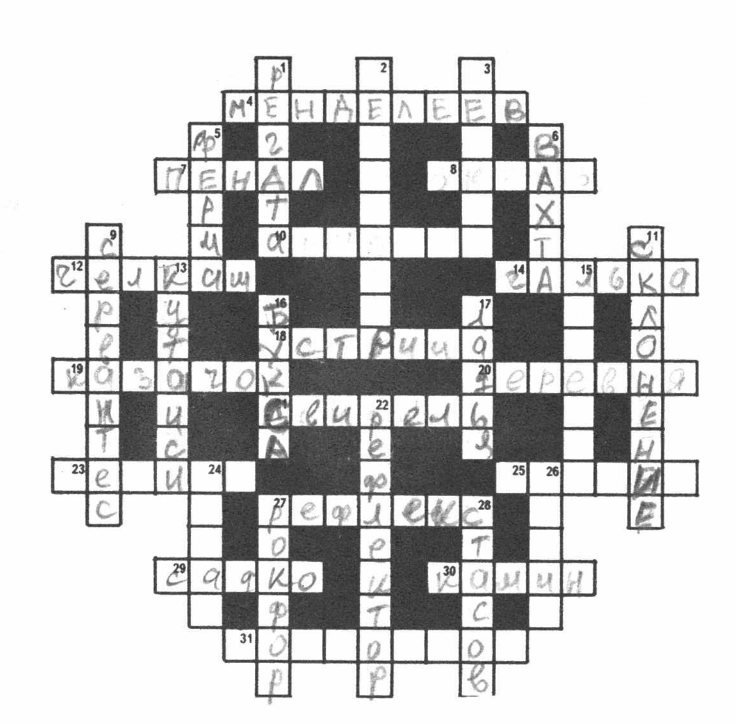
Пришлось раскошеливаться его спутникам: ни одного неспелого не выбрал прибор Петра Антоновича.

Звоню в Министерство сельского хозяйства. «Прибор Радченко для определения степени спелости арбуза? Впервые слышим».

Разговариваю в Министерстве торговли РСФСР. «Мы ежегодно получаем несколько сот тысяч тонн арбузов. Если бы все они были спелыми... Прибор Радченко? Нет, ничего о нем не знаем. Но торговле он нужен во вторую очередь: главное, чтобы с бахчи не вывозили неспелые арбузы».

Спелый арбуз!

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский химик. 7. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 8. Рыба отряда окунеобразных. 10. Небольшое сольное произведение. 12. Рассказ М. Горького. 14. Опера С. Монюшко. 18. Морской моллюск. 19. Украинский танец. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Духовой народный инструмент. 23. Музыкальный интервал. 25. Метод научного исследования. 27. Ответная реакция организма. 29. Герой новгородской былины, гусляр и певец. 30. Печь с открытой топкой. 31. Роман Ф. М. Достоевского.

По вертикали: 1. Большое состязание на спортивных судах. 2. Вышка, надстройка над зданием. 3. Плотная шелковая ткань. 5. Несущая конструкция. 6. Дежурство на корабле. 9. Испанский писатель. 11. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 13. Город в Грузии. 15. Надпись на монетах, медалях. 16. Коробка подшипника вагона. 17. Шахматная фигура. 22. Отражатель. 24. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 26. Точка, противоположная зениту. 27. Сорт сыра. 28. Русский художественный и музыкальный критик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 4. Планиметр. 7. Фауна. 8. «Тазит». 11. Минин. 14. Марка. 15. Среда. 16. Проректор. 20. Треста. 21. Индия. 22. Навага. 23. Короленко. 27. Тропа. 29. Сатин. 30. Сопка. 31. Ворот. 32. Гобой. 33. Акватория.

По вертикали: 1. «Свидание». 2. «Саламбо». 3. Цейтнот. 5. Кама. 6. Фирс. 9. Амфитеатр. 10. Профессор. 12. Гекзаметр. 13. Картахена. 16. Планк. 17. Ранчо. 18. Клише. 19. Рондо. 24. Руставн. 25. Лапчатка. 26. Ниагара. 28. Азот. 29. Сноп.

На первой странице обложки: XX Олимпиада. Валерий Борзов — быстрейший из быстрых: он победил на дистанциях 100 и 200 метров.

Фото Дм. Бальтерманца, специального корреспондента «Огонька».

На последней странице обложки: Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/VIII-72 г. А 04293. Подп. к печ. 12/IX-72 г. Формат бумаги 70 × 108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1886. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3434.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Л. Н. Толстой у террасы яснополянского дома. 1908.

И. СТРЕЛКОВ,
секретарь Тульского обкома КПСС

«У

мер Толстой,— писал В. И. Ленин в ноябре 1910 года,— и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Благодаря именно российскому пролетариату, руководимому Лениным, большевиками, наследство Толстого не было пущено по ветру, растрачено, разбазарено... Напротив, за прошедшие годы многократно умножилась и возросла ценность этого наследства, поскольку оно, сделавшись достоянием советского народа и миллионов трудящихся во всем мире, приносит ныне огромные «проценты» в виде растущих с каждым днем культуры и образования, внутреннего богатства советских людей.

Понятно, что ленинские слова о **работе над**

НА

наследством явились программой обширной и многосторонней деятельности всего пролетариата России и, конечно, земляков Толстого, тружеников Тульской области, где находится Ясная Поляна, где родился и умер, а главное, более полувека работал над своими произведениями Л. Н. Толстой.

В понятие **наследства** Толстого Владимир Ильич вкладывает огромный идейно-политический и творческий смысл. Но для нас-то они имеют также и известное практическое значение, будучи связаны вплотную именно с существованием Ясной Поляны, повседневно дававшей писателю нужные ему наблюдения над жизнью народа и весь вообще материал, характеризующий быт и нравы России на переломе двух эпох.

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней,— писал Толстой с любовью и признательностью.—Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Первые впечатления детства, отрочества, юности, первые мысли о вопиющем социальном неравенстве жизни людей, о несправедливом устройстве крепостного, а затем и пореформенного общества, о разорении и обнищании деревни — все это пришло к Толстому, родилось и вылилось в образы в Ясной Поляне. «С кем ни поговоришь,— пишет Толстой,— все жалуются на нужду... Хлеба не хватает, а хлеба не хватает оттого, что земли нет». Это слова из статьи Толстого «Великий грех», с огромной силой обличения направленной против частной собственности на землю.

Земельное рабство Толстой считал главным грехом хозяев России и главным злом в жизни народа. Эта мысль стала важнейшей для всего дальнейшего развития взглядов писателя. Она определила разрыв его с дворянской

средой, разрыв, к которому Толстой пришел на основе повседневных наблюдений над жизнью яснополянских крестьян. Бездна страданий и горя народного окружала Толстого, и всегда он старался облегчить их, как мог, хотя, разумеется, в тех условиях эти искренние его старания все равно оставались лишь каплей в море.

Сознавая свое бессилие, писатель страдал. Уже совсем близко к концу, к своему уходу из Ясной, Толстой пишет в записной книжке: «Странная моя судьба и странная моя жизнь! Едва ли есть какой бы ни было забитый, страдающий от роскоши богатых бедняк, который бы чувствовал и чувствует всю несправедливость, жестокость, безумие богатства среди бедности так, как я...» И дальше Толстой высказывает надежду: «Только бы дал бог силы обличить громко, сильно, так, чтобы услышали...»

Вот в чем был скрытый смысл ухода Толстого. Уход — это и есть увиденное и услышанное всеми, всем миром обличение! Это — окончательное подтверждение разрыва Толстого с жестоким миром богатых, разрыва, подчеркнувшего непримиримую силу писательского протеста против мира богатых. Именно так поняла Толстого вся прогрессивная Россия.

«Пусть идет он куда хочет, пусть радуется то место, где он остановится»,— писал Скиталец в газете «Раннее утро» 1 ноября 1910 года... Но безрадостным стало это место: в Астапове писателя ждала смерть...

Тело Толстого со станции Засека принесли на руках крестьяне Ясной Поляны, и он был похоронен, как сам просил в завещании. А просил он, чтобы «никаких не совершали обрядов при закопании в землю моего тела. Деревянный гроб, и кто хочет, снесет или свезет в Заказ против оврага, на место «зеленой палочки».

усадьба постепенно обветшает, придет в запустение и драгоценные рукописи, вещи Толстого пропадут, растеряются, исчезнет парк с вековыми деревьями — словом, не останется и следа от жизни и деятельности гения русского народа. Таковы были мотивы отказа... И как ни старалась, получив этот отказ, Софья Андреевна, уже сильно одряхлевшая, больная женщина, уберечь собственными силами Ясную Поляну, разрушение дома и усадьбы действительно началось.

К счастью, близка уже была революция; она надвигалась неотвратимо. И уже в марте 1918 года В. И. Ленин подписывает декрет, где местному (то есть Тульскому) Совету вменяется в обязанность «охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминананиями, которые с ним связаны».

Не просто охранять самое имение Ясная Поляна, но бережно сохранять вместе с тем и всю историю имения, все связанные с Ясной Поляной исторические воспоминания — вот чего неукоснительно требовал ленинский декрет от новых хозяев Ясной Поляны. И это означало не просто заботу о сохранности дома и усадьбы Л. Н. Толстого, а превращение их в музей-заповедник.

Незадолго до того, как Софья Андреевна умерла, в Ясную Поляну приезжал М. И. Калинин. Позднее за его подписью было опубликовано постановление ВЦИК, которое, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, редактировал лично Владимир Ильич. Тут многие задачи уточнялись и конкретизировались по отношению именно к Ясной Поляне. В частности, здесь говорилось о необходимости внимательно и заботливо поддерживать в «исторически неприкосновенном виде» дом-музей, могилу Л. Н. Толстого, лес и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе... Все то, что пришло в ветхость и разрушение,

тысяч человек, а в 1928 году — около восьми тысяч, то накануне войны Ясную Поляну посетило почти 58 тысяч человек.

Тогда же, незадолго до войны, Тульский обком партии специально обсуждал жизнь и работу музея-усадьбы с целью дальнейшего усиления массовой работы и расширения всей научной, исследовательской и реставрационной деятельности. Музей превращается из учреждения культурно-просветительного в научно-исследовательский центр, призванный вести и пропаганду и творческую разработку огромного толстовского художественного богатства.

Таким образом, уже в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, Ясная Поляна стала не просто обширным мемориалом. Хранить наследство — значит работать над ним. И сотрудники музея ведут неустанный поиск, особенно активно развивая тему «Толстой и Тульский край». Ими собрано огромное количество материалов, показывающих, как социальная среда, вся окружавшая Толстого обстановка отразились на творчестве писателя, откуда в его произведениях рождались образы героев, их мысли — все отношения к действительности, где «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик», так Ленин называет Толстого, выражает свои взгляды во всей их сложнейшей противоречивости.

И сила и слабость взглядов Толстого есть отражение самой жизни. Они вырастали на почве российской революционной современности, Толстой являлся и зеркалом ее и рупором. Такова была тема новой, объемной, интересной экспозиции, подготовленной музеем к 20-летию со дня основания. Праздничную эту дату собирались отметить 22 июня 1941 года торжественно, как большое собы-

СЛЕДСТВО

Волю Толстого выполнили точно. Простую могилу выкопали там, где в раннем детстве играли братья Толстые, отыскивая придуманную ими «зеленую палочку» — трогательный символ счастья, дружбы и равенства всех людей.

В те скорбные дни, когда вся Россия оплакивала смерть Толстого, жена писателя Софья Андреевна обратилась к царскому правительству с предложением безвозмездно передать вещи и рукописи Льва Николаевича в музей, считая своим долгом «сохранить неприкосновенным в руках Русского государства его материальное и духовное наследие».

Однако же наследие это вовсе не нужно было царю; он просто не знал, что ответить Толстой; ее предложение осталось без ответа.

Недолгое время спустя Софья Андреевна снова пишет царю; она уверена: сердце потомков «дрогнет и опечалится тем, что правительство не защитило колыбели и могилы человека, на весь мир прославившего русское имя и столь любимого своей родиной и народом». И правительство на этот раз вынуждено было ответить.

Царский ответ был краток и недвусмыслен: «Нахожу покупку имения графа Толстого правительством недопустимою».

Несомненно, за скупыми словами «ответа» скрывалась вся безграничная ненависть к Толстому со стороны царизма, давно уже искавшего путей расправы с писателем при его жизни, подвергшего Толстого позору церковной «анафемы»... Доносы тайной полиции, пристально следившей за великим обитателем Ясной Поляны, не оставляли у правительства сомнений в неблагонадежности Толстого. Зачем же было царю обременять себя еще и подобным наследством!.. Кроме того, отказывая Софье Андреевне, царь почти не скрывал злобной своей уверенности в том, что и самая

следовало восстановить, опять-таки в том самом виде, как это было при жизни Толстого.

К 1921 году исторически точная обстановка сохранялась только в кабинете и спальне Льва Николаевича. Отныне местные власти принялись, как этого и потребовало Советское государство, восстанавливать по фотографиям, рисункам, документам всю усадьбу целиком. Впрочем, своими только силами туляки вряд ли сумели бы полностью выполнить эту огромную работу. Музею тут помогло то, что вся страна начала готовиться к 100-летию со дня рождения великого писателя. А к юбилейному, 1928 году был уже не только полностью осуществлен широкий план реставрации всего обширного хозяйства Ясной Поляны, включая дом, библиотеку, флигели, въездные башни, парк с его прудами, дорожками и т. д., но были еще заново построены школа и больница имени Толстого, избы-читальни, детский сад и ясли. В залах флигеля разместился только что открытый литературный музей. В этом флигеле в 60-е годы шли занятия яснополянских ребят с Толстым, а позднее, в 70-е годы, тут жили Кузьминские — сестра Софьи Андреевны Татьяна с семьей (прототип Наташи Ростовой)...

Сотрудники литературного музея собрали ценнейшие документы, дающие наглядное представление о том, как создавались толстовские произведения — главное наследство...

В экспозицию вошли уникальные живописные полотна, книги Толстого в прижизненных изданиях, обширная иконография, редкие фотографии и иллюстрации.

В последующее время Тульское общество изучения родного края установило еще более прочные контакты с Ясной Поляной, и это способствовало дальнейшему расширению деятельности музея-усадьбы. С каждым годом увеличивался приток посетителей. Если в 1921 году здесь побывало немногим более трех

тие. Но праздник не состоялся. Началась война...

Как ни удивительно, но и музей, и усадьбу, да и все почти без исключения ценнейшие экспонаты Ясной Поляны нынешние ее посетители видят в том же самом исторически неприкосновенном виде и точно на том же самом месте, где они находились до войны... Это в самом деле удивления достойно. И надо прямо сказать, что это является величайшей, прямо-таки неоценимой заслугой замечательных людей — коллектива сотрудников Ясной Поляны, отдающих свой труд, силы и здоровье делу хранения драгоценного толстовского наследства. А уберечь его, особенно когда начались бомбежки, обстрел Тулы и ее окрестностей, было трудной задачей.

Все, наверное, помнят, что дом Толстого, святыня народа, был варварски подожжен фашистами. Недолго — всего полтора месяца — находились они на территории заповедника, но и за этот срок невообразимо осквернили его. Вандализм врагов буквально не поддается описанию... К счастью, дом удалось спасти от пожара. Усадьба была разминирована наступавшими советскими войсками. И уже тогда, в 1942 году, снова начал фактически действовать спасенный народом музей. Личные же вещи Толстого, все главные ценности и реликвии музея были еще до оккупации сбережены для будущего. Это могло случиться лишь благодаря героическим усилиям не только сотрудников, но и крестьян Ясной Поляны, многих воинских частей — короче, благодаря всеобщей любви к Толстому. Директор музея, внучка Толстого, С. А. Толстая-Есенина, по решению Советской власти получила возможность вывезти в Томск почти все редкие экспонаты, которые в 1945 году благополучно вернулись в родные места.

И тогда снова каждый предмет занял свое, только ему полагающееся место. Вещи, кни-

ги, всю обстановку размещали согласно непреложному свидетельству прижизненных, сохранившихся рисунков и фотографий. Так третий раз ожила Ясная Поляна, можно сказать, в ее первозданном, извечном **толстовском** виде...

И снова приступает коллектив сотрудников Ясной Поляны к дальнейшему решению задач творческого хранения наследства — задач активной его разработки. Принимает еще больший размах лекционная и экскурсионная работа. Тульское книжное издательство выпускает сборники статей и документов, альбомы, книги и брошюры, рассказы очевидцев о Толстом и его современниках, дневники, воспоминания, путеводители по музею... Сейчас регулярно выходит «Яснополянский сборник» при участии сотрудников музея, раскрывающий многие вопросы, важные для исследования толстовского наследства. Большую и важную работу проводят старейшие работники музея Н. П. Пузин, В. В. Ионочкина, В. А. Лебедева и другие.

Осенью прошлого, 1971 года Ясная Поляна встретила трехмиллионного своего посетителя. Цифра огромная!.. Она и радует нас и, как это ни покажется странно, тревожит... В печати было высказано немало предложений даже и об известном сохранении «пропускной способности» Ясной Поляны... Решения тут могут быть самые разные. Ясно одно: задача сохранения наследства обязывает нас всех, и в том числе работников обоих министерств культуры, серьезно задуматься над проблемой эксплуатации драгоценного мемориального памятника...

Музей-усадьба не раз отправлял свои яснополянские выставки по стране и в зарубежные поездки. Успешно прошли выставки в Индии и Японии. В 1967 году выставку, посвященную жизни и творчеству Толстого, устроенную в Чехословакии — сперва в Праге, а потом в Братиславе,— посетили более двухсот пятидесяти тысяч человек... В то же время толстоведы из ЧССР, ГДР, Франции, США и многих других стран приезжают в Ясную Поляну, чтобы здесь, на месте, найти ответ на те вопросы, которые ставит жизнь.

А такие вопросы, и подчас очень сложные, продолжают возникать, поскольку и художественная сторона творчества Толстого и противоречия в его взглядах по-прежнему привлекают к себе внимание, подчас вызывая острейшие споры. Более того, Толстой, трактовка его произведений и сегодня дают повод для идеологической борьбы, поскольку некоторые буржуазные теоретики делают все для того, чтобы исказить либо обесценить наследство, умалить великое имя Толстого.

Чаще всего это происходит под флагом воспевания именно тех ошибочных взглядов писателя, которые Владимир Ильич прямо называл реакционными. Делаются и попытки оспорить либо отвергнуть оценки, данные В. И. Лениным. И в этом плане хочется указать на очень важный труд, проделанный современным знатоком и исследователем творческого наследия Толстого К. Н. Ломуновым в его новой, содержательной книге «Ленин читает Толстого»...

...Много есть путаников, и не только за рубежом, которым либо вовсе не дорог Толстой, либо дорого в нем то, что отжило свой век, как, скажем, религиозные «откровения» Толстого. И тут надо видеть, что отношение Владимира Ильича к толстовскому наследию полностью сохраняет свое значение в наши дни. Передовым людям всего мира дорог художественный гений Толстого, дорог разум великого писателя, а не его заблуждения.

Толстой сегодня жив не в своих религиозно-нравственных проповедях, а в той могучей силе протеста против классового господства, в тех жизнеутверждающих образах, которые рождала его искренняя мысль и которыми по-прежнему увлечены борющиеся, ищущие правды люди во всем мире.

Да, Ленин называл противоречия во взглядах Толстого кричащими. Но нам очень важно видеть, что они отражали не только противоречия личности писателя, а вбирали в себя противоречия самой эпохи, противоречия времени, противоречия условий, характеризующих жизнь России в период назревания революции. Это — время, когда масса народа, по словам В. И. Ленина, **«уже** ненавидит хозяев современной жизни», но это и время, когда та же самая народная масса **«еще** не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы». Однако же эти противоречия, бурлящие, словно море, развиваются неизбежно в сторону революции, а не заглушаются личным «смирением», кротким отказом «толстовства» от борьбы.

Толстой — «матерый человечище», как называл своего любимого писателя Владимир Ильич, гений русского народа — именно в этом своем качестве нужен людям всего мира.

В Ясной Поляне собраны сочинения Толстого на языках народов всех стран. Первое место занимает Толстой по количеству переводов на другие языки. Здесь же собраны книги и работы о Толстом, свидетельствующие о неугасимом интересе к нему, человеку и художнику.

Секрет могучей, неистощимой жизненной силы, народной мудрости привлекает к творчеству Толстого и вчера и сегодня почти всех крупных художников. Например, Э. Хемингуэй считал воображение Толстого более проницательным и правдивым, чем у всех людей, какие когда-либо жили.

Многие зарубежные мастера слова, отвечая на специальную анкету, выразили мнение, что Толстой открыл главные, магистральные пути и для современного романа. А Ромен Роллан прямо подчеркивает, что «лучшие новые произведения (как шолоховские) идут от большой реалистической традиции предшествующей эпохи. Традиция эта... является сущностью русского искусства, и обессмертил ее Толстой».

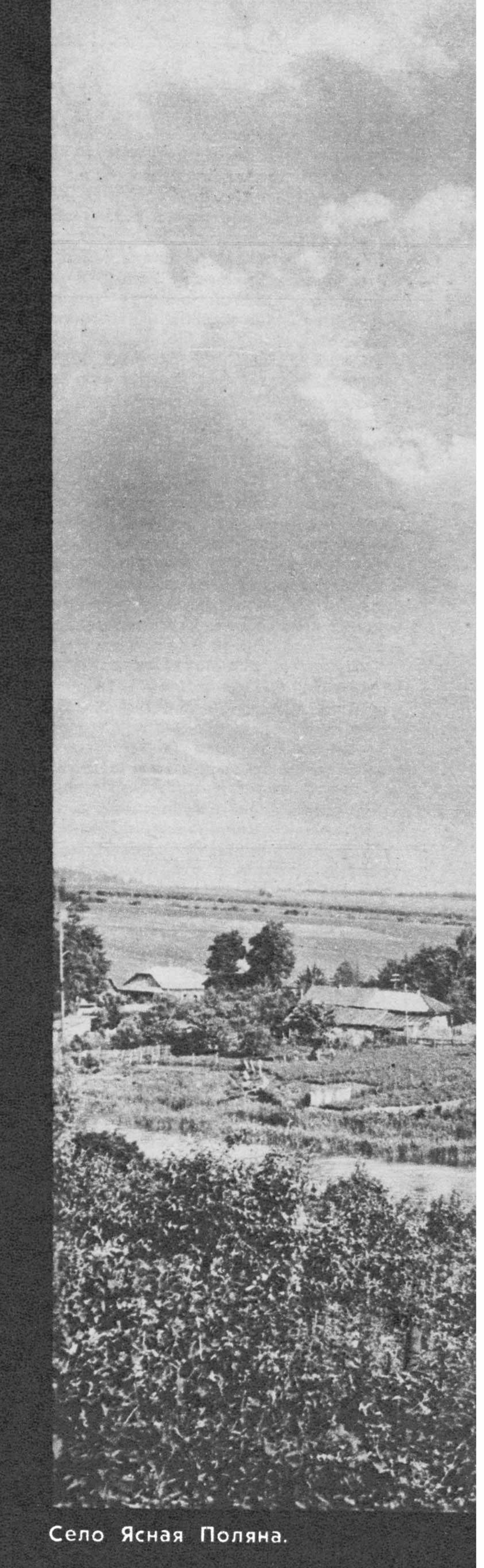
Но, повторяю, далеко не всем дорога сила Толстого, кое-кому хочется оживить то, что умерло, ушло... К примеру, в Нью-Йорке появился сборник статей «Религия от Толстого до Камю», составитель которого У. Кауфман рекомендует Толстого читателям только лишь как «великого религиозного писателя»... В Париже вышло сочинение Н. Вейсбейна «Религиозная эволюция Толстого», где опять же превратно представлены религиозные искания Толстого как нечто главное в его творчестве.

Взяв наследство Толстого в свои руки, российский пролетариат, а за ним все мыслящее передовое человечество уже не сомневаются в том, какой Толстой влияет нынче на народные массы.

Не «святой старец» смотрит на нас из Ясной Поляны своим острым, испытующим взглядом, а бесконечно дорогой нам человек, превыше всего любивший народ и служивший народу. Эта любовь — самая большая драгоценность в полученном нами наследстве... Нам дороги бесценные советы В. И. Ленина в творческом использовании этого наследства, как дорог и живой опыт Н. К. Крупской, которая именно у Толстого училась глядеть жизни в глаза, не бояться жизни и становиться на революционную дорогу («О Льве Толстом»)...

Незадолго до смерти, уже завершая свою титаническую работу в искусстве и как бы подводя итоги гигантского писательского труда, Л. Н. Толстой писал: «Как только искусство перестает быть искусством всего народа и становится искусством небольшого класса богатых людей, оно перестает быть делом нужным и важным, а становится пустой забавою».

Однако в годы жизни Толстого его великое писательское искусство оставалось все-таки уделом меньшинства... И то главное, что сделал российский пролетариат и его Коммунистическая партия в творческом хранении и разработке наследства Толстого,— это теперешняя ни с чем не сравнимая популярность Толстого, известность Толстого, любовь к Толстому. Со свойственной ему искренностью и скромностью Толстой думал, будут ли его сочинения читать через двадцать лет... Но вот они читаются и через сто лет!.. И кто знает, сколько лет еще промчится над миром, а все новые и новые миллионы людей будут черпать в сочинениях Толстого эстетическую радость, обогащать свой внутренний мир образами, созданными в Ясной Поляне...

Село Ясная Поляна.

Знаменитая комната под сводами.

Фото М. САВИНА.

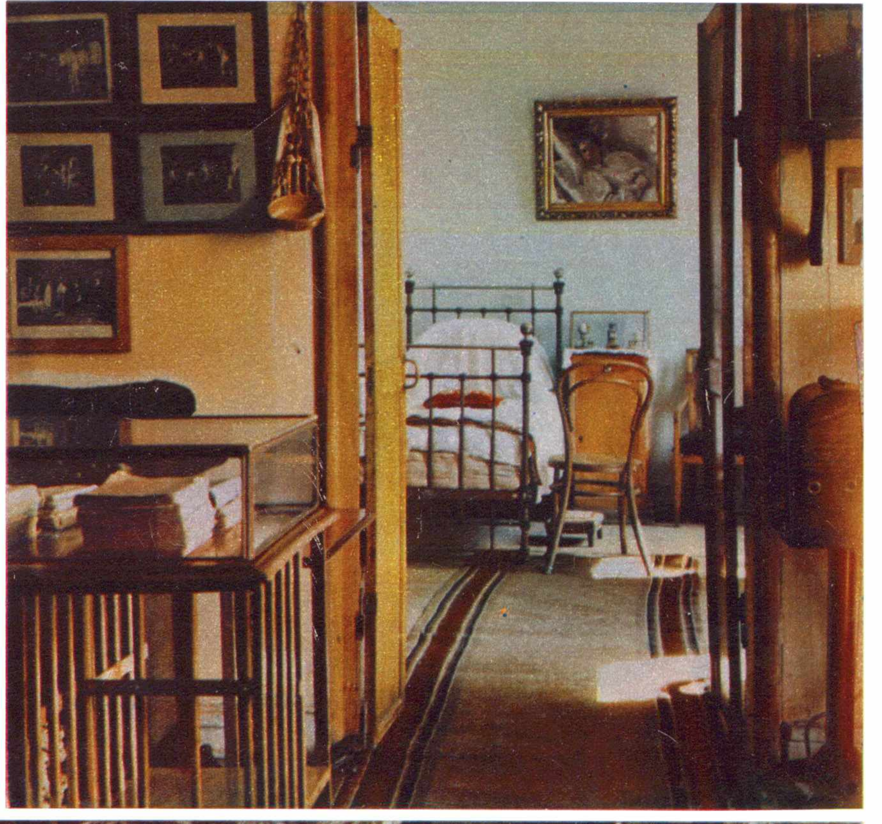
По тенистым аллеям парка.

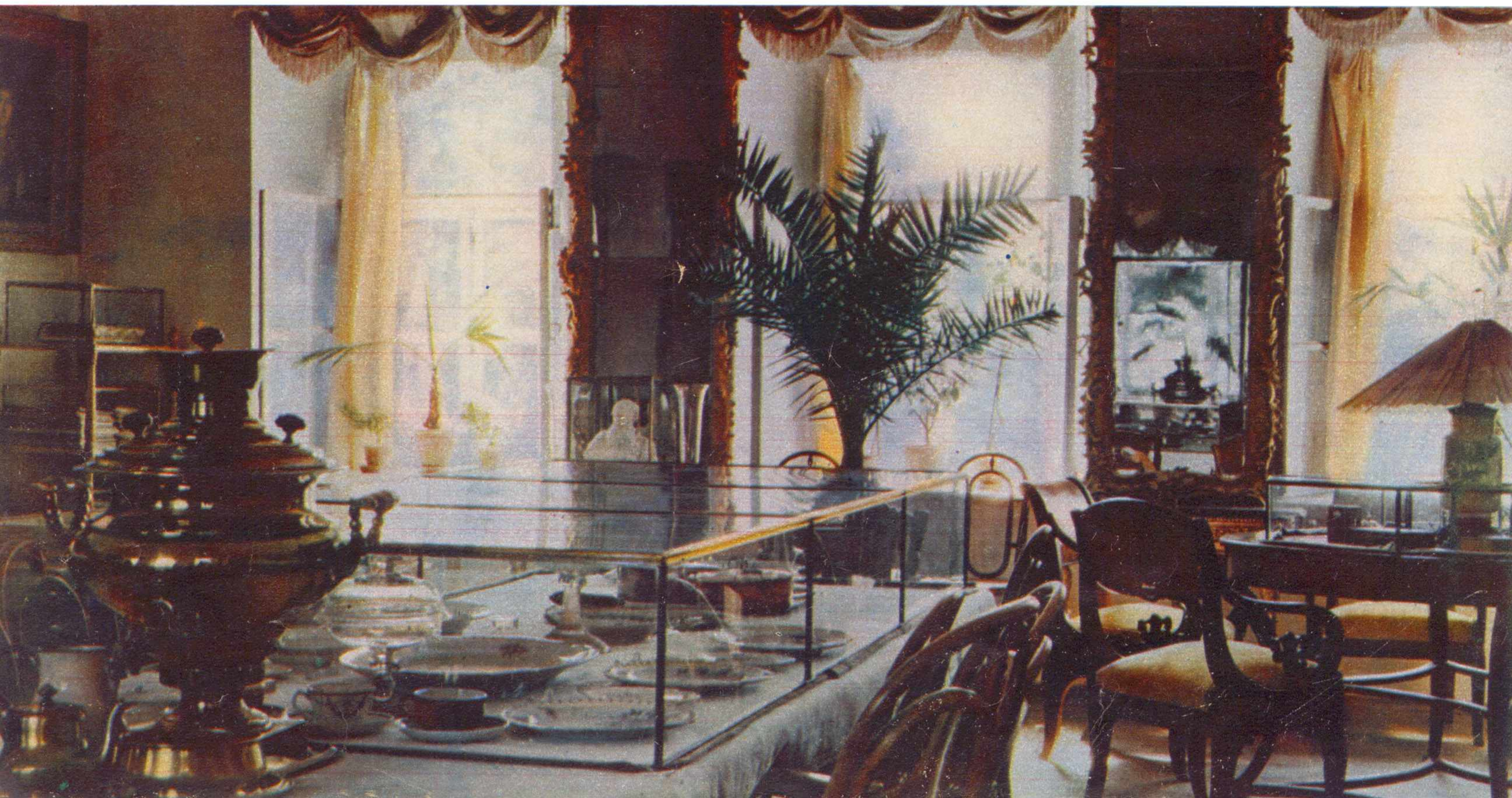

Кабинет писателя.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663